

У Р А Л Ь С К И Й
следопыт

uralstalker.ru

Уральский следопыт, июнь 2008

ИЮНЬ
2008

МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ - 2008

Двенадцатый «Майский экстрим» собрал 25 мая на Плотинке представителей пяти направлений экстремального спорта. Спелеологи, как и в прошлом году, обосновались в створе Плотины, навесив там свои сложные веревочные лабиринты. Альпинисты набили две трассы справа от родонита. На этом же, левом берегу Исети, недалеко от сцены и альпинистских трасс, — трамплины и дорожки велосипедистов и роллеров. Полноправным хозяевам праздника, водникам, как обычно, досталось водное пространство в центре города.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ-2008

Елена ДУРЕКО,
фото Вадима ОСИПОВА

25 МАЯ 12:00 ПЛОТИНКА

ЕКАТЕРИНБУРГ
ФЕСТИВАЛЬ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ВИДОВ СПОРТА
УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ

Кристофер Прист — премия The Great Master of Sci Fi and Fantasy

Святослав Логинов — премия Аэлиты

Игорь Логвинов — премия за Конкурс Короткого Рассказа

В рамках фестиваля прошли семинары и встречи с писателями и литературоведами. В формате круглого стола состоялась встреча, посвящённая 50-летию юбилею журнала «Уральский Следопыт» — колыбели фестиваля «Аэлиты». Большой интерес любителей фантастики вызвала встреча с Кристофером Пристом в кинотеатре «Салют», после которой прошла демонстрация фильма «Престиж», снятого по одноимённому роману писателя.

Кульминацией мероприятий фестиваля стало торжественное награждение лауреатов в актовом зале УрГУ. Главная премия фестиваля «Аэлиты» по итогам голосования Всероссийского жюри присуждена Святославу Логинову (Санкт-Петербург), премия «Старт» (за лучшую дебютную книгу) — Сергею Палию (Самара). Премия им. И.А.Ефремова (выдающаяся редакторская, организаторская и просветительская работа в области фантастики) вручена редакции журнала «Мир Фантастики» (Москва). Председатель оргкомитета фестиваля Борис Долинго удостоен премии им. В.И.Бугрова, вручаемой по решению семьи покойного (выдающаяся редакторская, библиографическая, литературоведческая, критическая и

составительская работа в области фантастики).

Самой «романтической» премией — орденами «Рыцарь фантастики (премия им. И.Г. Халымбаджи за выдающийся вклад в развитие отечественного фэндомма) награждены екатеринбуржец Иван Соколов, один из старейших фэнов, много сделавший для поддержки фестиваля, и известный российский фантаст Роман Злотников (Обнинск), часто поднимающий в своих произведениях тему знаковой роли России в мире и путей её возрождения.

Премия за победу в конкурсе короткого рассказа (ККР), который проводился при фестивале в четвёртый раз, досталась Игорю Логвинову (Украина). Кристоферу Присту, почётному зарубежному гостю фестиваля, вручена премия «The Great Master of Sci Fi and Fantasy».

В последний день состоялся выезд участников и гостей фестиваля на границе Европы и Азии на 17 километр Московского тракта, где прошли развлекательные мероприятия «Пикник на обочине» и соревнование по пэйнтболу «Война миров».

Несмотря на то, что «активная» фаза фестиваля уже закончилась, в рамках «Аэлиты-2008» оргкомитетом совместно с редакцией журнала «Уральский Следопыт» и Управлением культуры Администрации города готовится проведение конкурса фантастических произведений с выпуском сборника фантастики «Аэлиты-05».

Фестиваль фантастики «Аэлиты» — историческое событие для Екатеринбурга и всей страны. Трудно найти в культурной жизни страны на восток от Москвы явление, имеющее сравнимый возраст. Не хотелось бы пользоваться слишком высокими аналогиями, но его значение для сферы литературы в масштабах России вряд ли меньше, чем, например, значение чемпионата мира по какому-либо виду спорта для мирового спортивного сообщества. Фестиваль первым из Российских конвентов фантастики внесён в список американского журнала «Fandom Directory».

В дни фестиваля его мероприятиям обеспечивалась широкая медиа-поддержка ведущими СМИ, работающими в регионе — прежде всего ОТВ, радио «Город FM», газета «Вечерний Екатеринбург» и многими другими. Постоянный интерес журналистов к фестивалю — лучший показатель значимости данного события для нашего города.

Альпинисты покорили зрителей

Несмотря на то, что официальное открытие назначили на 15.30, уже с полудня начались квалификационные соревнования скалолазов. Финалисты определялись по суммарному времени покорения двух трасс.

У мастера спорта Натальи Титовой из Тюмени на первой трассе скорость больше метра в секунду — буквально в три прыжка, как будто вообще не касаясь зацепов, очутилась наверху, и можно не спеша спуститься на страховочной веревке.

Самые шумные аплодисменты достались Максиму Ахметову — чемпиону России 2007 года по скалолазанию среди спортсменов-инвалидов. Кричать «Давай! Давай!» болельщикам пришлось считанные секунды — чемпион — он и есть чемпион, такие трассы для него семечки — моментально добрался до верха вертикальной стенки, затем рывок — и датчик зафиксировал время

— На квалификации я выступил не очень, но в финале набрал нужную скорость. Проходить трассу всегда захватывающе — дикий адреналин, когда стремишься к цели, когда ее достигаешь, но все-таки получать свою награду — в сто раз приятнее. Это ощущение, когда ты — уже победитель, я люблю больше всего в спорте, — сказал

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Максим уже после торжественной церемонии, когда рядом стоял тяжелый блестящий кубок, а на шее висела медаль.

Марина Саулевич — младшая из трех сестер Саулевич, мастер спорта по альпинизму, несмотря на приближающуюся сессию, пришла на скалодром — «потренироваться и вспомнить некоторые технические приемы».

«Правил бал» у альпинистов Александр Пиратинский — профессор УГТУ-УПИ, вице-президент Международной федерации альпинизма.

Створ Плотины= свод пещеры

Когда состязание на скалодроме уже было в самом разгаре, начали квалификационные соревнования спелеологи. Ребята из СГС — Свердловской городской

никает из-за подземных рек, так что это довольно частая для их спорта ситуация, — нужно набить крепления и пройти под темным, не таким удобным, как створ Плотины, сводом над речкой.

— В какой-то мере «Майский экстрим» — это тренировка, ну и отличный шанс поддержать, показать свой клуб. Интересно посмотреть на работу спортсменов-спелеологов из Первоуральска и Тагила, — поделилась своими впечатлениями от фестиваля Анна Овчиникова из СГС.

Причем, чтобы обеспечить спелеотрассам верхний крепеж, пришлось на тротуаре на проспекте Ленина поставить автомобиль, поскольку другого способа обеспечить ребятам безопасное лазание просто не было. ГИБДД это не приветствовало.

спелеосекции — в ярких комбинезонах и касках, с карабинами и веревками на поясе нависали над самой водой, затем поднимались под свод Плотины и имитировали работы по прохождению потолка пещеры.

Как пояснили спелеологи, большинство высоких пещер воз-

Прыжки на велосипеде + роллерский спидвэй

Наконец-то открылась еще одна фестивальная площадка. Разогнаться и змейкой объехать эти красные или синие фишки, не сбив ни одной, получилось только у пары участников. Каждое движение роллера при прохождении

этой дистанции должно быть отработано — как у огранщика, лишний рывок, и можно возвращаться к началу трассы.

К роллерам уже начинают стягиваться велосипедисты. Причем с каждой десятиминуткой их количество возрастает. Уже целая армада великов с черными рифлеными, почти как у автомобиля, шинами. Хозяева с трудом прищипривают своих коней — кто-то начинает показывать элементы фристайла — ужимки и прыжки на заднем колесе, прыжки над ступеньками с разгона — у кого-то действительно получается велобалет, а паратройка участников уже испытали

на собственной шкуре прочность гранитной одежды Плотины.

Начинаются старты — нужно перепрыгнуть на велосипеде через железную планку, которую после каждого тура поднимают все выше и выше...

Зрители буквально облепили ограждения, тем, кто не высок ростом, как автор данного текста, пришлось в грубой форме протискиваться, чтоб хоть краешком глаза да зацепить... и — взятие планки в 95 сантиметров на велосипеде — под силу только настоящему асу.

**Усилие мышц превращается
в ощущение полета**

Почти в четыре часа дня — долгожданное открытие фестиваля и старт водной гонки.

— Нам дали воду на полтора часа. Спелеологи могут умыться полностью, — сообщил зрителям редактор «Уральского следопыта» Максим Фирсов. Спелеологам действительно пришлось на некоторое время свернуть соревнования — все, кто без гидрокостюмов, промокли напрочь.

И, как говорится, все заверте... — лососи пошли на нерест, прямо к самой исетской плотине: около семи катамаранов пытались преодолеть бурлящий поток, который просто сметал под мост. Экипажу нужно было изловчиться и успеть схватить вожаделенную добычу — целлофановый мешок с фирменной футболкой «Уральского следопыта» — объект особой гордости каждого лосося — обладателя такого сокровища.

– Мы были студентами давным-давно – физфак и турклуб УрГУ. Сначала увлекались пешими лыжными походами, потом состарились, перешли на воду, – смеется Андрей Коротков, один из членов экипажа УрГУ2, – в основном семья, работа. Так что «Майский экстрим» – настоящая отдушина, а потом поедем на День туриста на Ревуне. В прошлом году мы с Павлом Владимировичем взяли на «экстриме» третье место, и сейчас надеемся на хороший результат.

Кот по имени Кит уже стал настоящим талисманом «Майского экстрима». Четвертый год экипаж байдарки под предводительством Михила Ерема участвует в водной гонке со своим питомцем – полноправным членом экипажа.

– В прошлом году его залили, и Кит начал карабкаться по мне в самый разгар состязания. В этом году все прошло благополучно – заняли свое законное второе место. Только вот не наплавались в этом году, хотелось идти и идти дальше, – а дистанция уже заканчивается. Обидно, потому что байдарка – это самое лучшее транспортное средство, именно на

байдарке чувствуешь, как усилие мышц превращается в ощущение полета – хочется двигаться и двигаться вперед.

MASSEGE:

В этом году «Майский экстрим» впервые собрал не только всех Екатеринбургских экстремалов – приехали спортсмены из Тюмени, Озерска, Тагила, Первоуральска и других городов.

В программу фестиваля включены открытый чемпионат города по скалолазанию, первенство Екатеринбурга по велоспорту, первенство города по водным видам спорта и первенство Екатеринбурга по роликам.

Впервые центр ГИМС принял участие в проведении «Майского экстрима» – государственный инспектор Сергей Кабаков провел инструктаж и принял трассы по безопасности.

Начальник Управления по физической культуре, спорту и туризму Людмила Фитина пообещала, что скоро в Екатеринбурге, в районе Уктуса, появится спортивный комплекс для занятий силовыми и в том числе экстремальными видами спорта, а по велосипедным дорожкам вообще разработана целая программа.

Открыл фестиваль заместитель министра по физической культуре, спорту и туризму Свердловской области Константин Брыляков

8 Владимир ГОЛДИН

Литературное наследие С. Качиони невелико, оно могло быть и большим, он достиг того возраста, когда человек может делать многое... Его арестовали 23 октября 1937 года по «изобличающим показаниям» его же сослуживцев и обвинили в участии в контрреволюционной организации, расстреляли 14 ноября 1937 года.

22 Валерий ДЕРЯБИН

— Там земли вогулов, и они сказали, что убьют, если будут добывать зверя на их угодьях. Вогулы никого не пускают охотиться по другую сторону камня. У них иногда бывает, что брат брата из-за хорошей шкуры может убить, чтобы вина выпить. Тятя говорит, они раньше совсем вино не пили, не знали, что это такое, а как пришли русские, так и приучили их.

43 Евгений АНДРЕЕВ

На самом севере Свердловской области есть населенный пункт, название которого однокоренное с областным центром. Это — село Екатерининка, расположенное в 40 км к юго-западу от г. Ивделя. В 2008 году исполняется 130 лет со дня обретения приисковым поселением статуса села. А история прииска началась значительно раньше.

40 Василий ПОПОВ

В домонетном периоде особое место занимают деньги, сделанные из раковин морских моллюсков. Эти деньги со временем стали общими для многих народов. Особую роль в этом отношении сыграли раковины каури.

75 Ольга КАРЯКИНА

Наверное, в каждом российском городе есть здания с узнаваемым архитектурным обликом 40–50-х годов XX века. Этот период неоклассицизма в нашей стране получил название «сталинского» классицизма или «сталинского» ампира.

11 Наталья ГОЛОВАНОВА

Ангел летел над водами. Он с тоскою оглядел мертвую воду, из которой торчали останки полузатопленных конструкций, вокруг которых тормозились целые флотилии разнообразного мусора, кружились, прежде чем поплыть дальше. Глаза слезились от гнилого запаха, крылья, длинные, как у стрижа, тащились в зеленой жиже, он словно забыл про них.

72 Николай КЛЕПОВ

С болота трактор нас везет домой. Грязь в колесах скрывает полуоси. Брусника в ведрах зрелой красотой. Напоминает мне икру лосося.

50 Татьяна ТОМАХ

Светлый шелк неба у каждого получался своего, особенного оттенка. У серьезного Зима — бирюзовый, прохладный; у его соседа — густосиний, как в июньский полдень. Томео, пряча улыбку в густую бороду, еще раз обошел учеников. Семь голов, старательно склоненных над работой; семь льняных платков, распятых на тугих деревянных кольцах. Семь небес, рождающихся под проворными пальцами. У каждого — свое.

18 Иван СИТНИКОВ

Материализация долгожданных гостей произошла ровно через два часа после исчезновения Ктулху. Таня только что постелила на стол белоснежную скатерть, поставила салаты и бутылку шампанского. В этот момент в комнате и появился принц. Впрочем, появился — это слабо сказано. Сидя верхом на коне, он обрушился прямо на праздничный стол. Ножки подломились, раздался грохот бьющейся посуды, испуганное ржание коня и нецензурная брань принца. Вслед за этим где-то со стороны ванной прозвучало жизнерадостное — «шмяк!» Таня разинула рот и начала пятиться в сторону лестницы. Почти тут же дверь ванной комнаты распахнулась и в проеме появился стоящий на четвереньках человек.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

uralstalker.ru

ИЮНЬ 2008

**Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007**

РЕКА ВРЕМЕНИ

<u>Возвращение из Леты</u>		
В. ГОЛДИН	Ламбро — сын незлобивого Аристарха.....	8
<u>Литературное краеведение</u>		
В. ДЕРЯБИН	На вогульской тропе	22
<u>По белу свету</u>		
В. ПОПОВ	Каури — монеты из раковин.....	40
<u>Далекое - близкое</u>		
Е. АНДРЕЕВ	Заозерское золото	43
О. КАРЯКИНА	Не вырывая улицы-страницы.....	7 6
АЭЛИТА		
<u>Повод для улыбки</u>		
И. СИТНИКОВ	Сыграем свадьбку	1 8
<u>Координаты чудес</u>		
Т. ТОМАХ	Светлый шелк неба	5 0
<u>Законы Вселенной</u>		
Г. ЕСКЕВИЧ	Апельсиновый рай	6 4
<u>Сумма технологий</u>		
Е. ЛОТОШ	Ошибки и штампы в фантастике	7 4
<u>Проекты «Уральского следопыта»</u>		
Б. ДОЛИНГО	Юбилей уральской фантастики	7 9

СВЕЧА ГОРЕЛА

<u>Новые встречи</u>		
Н. ГОЛОВАНОВА	Ангел летел над водами	1 1
	Старик-дерево	1 3
	Тапочка.....	1 6
<u>Молодые имена</u>		
К. ШАЛОБАЕВА	Стихи	48
А. МАЙОРОВА	Стихи	63
<u>Время мастера</u>		
Ю. БРИЛЬ	Муха.....	58
Н. КЛЕПОВ	Стихи	72
<u>Наши знакомые</u>		
О. ЯДРЫШНИКОВА	Стихи.....	70
<u>Время мастера</u>		
Ю. БРИЛЬ	Муха.....	58

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

<u>Проекты «Уральского следопыта»</u>		
Е. ДУРЕКО	Майский экстрим-2008.....	2 пол. обложки
<u>Маршруты «Уральского следопыта»</u>		
М. ФИРСОВ	Сулем.....	46

Главный редактор — М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, С.А.Надь.
Худ. редактор, верстка — Ю.В. Ульянова.
Художники — А. Федотов, А. Митрофанова, Я. Ахметшина.
Ответственный секретарь - Е. Ю. Дуреко.
Набор — В.М. Кадочникова.
Корректор — Т. В. Сергеевко.
Фото 1 полосы обложки — В. Осипов

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
Издатель — ООО «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет — Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Пращевский, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет —
 • Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
 • Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России;
 • Семен Спектор, заслуженный врач России.
 • Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области.**

Все школы г. Березовского получают журнал «Уральский следопыт» благодаря администрации города и главе города В.П. Брозовскому

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».
Адрес редакции и издателя: 620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 22, 4 подъезд.
Почтовый адрес: 620014, г. Екатеринбург, а/я 479
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по УрФО
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано 07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 шт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком **И** публикуются на правах рекламы.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. (343) 269-22-34.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.ru» вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
 - Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
 - Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
 - Агентство «МИК-ПЕРИОДИКА» в России
 - Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья
- Кроме того, мы предлагаем Вам подписку через редакцию. Справки по тел. (343)269-22-34

«Уральский следопыт.uralstalker.ru», № 9 подписан к печати 25.05.2008 года.
 Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в ГУП СО типография «Монетный щебеночный завод», 623700, г. Березовский, ул. Красных героев, д. 10. Заказ №

Ламбро — сын незлобивого Аристарха

В этих двух псевдонимах заложена какая-то тайна, требующая разгадки. Для начала обращаемся к великому знатоку псевдонимов И. Ф. Масанову. Узнаем, что Незлобивый Аристарх — Спиридон Александрович Качиони. Родился в 1858 году в Феодосии, писатель, юрист и автор сатирических произведений. Ламбро — продолжатель дела отца — Сергей Спиридонович Качиони, родился в 1885 году в Пскове, и тоже писатель.

Но на этом загадки, связанные с Качиони, не заканчиваются. Интересно было бы узнать, каким образом отпрыск семейства Качиони с такой южной фамилией попал в Россию, а его сын на Урал.

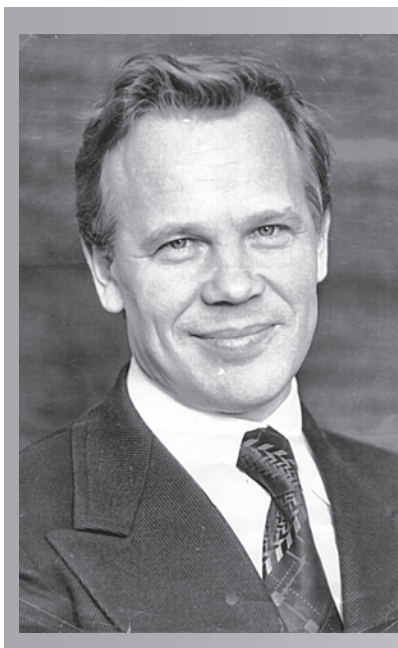
Когда Сергей Качиони оказался на Урале, сказать сложно, т.к. биографических данных о нем сохранилось мало, к тому же в печати он выступал очень часто под разными псевдонимами. И. Ф. Масанову он сообщил о двух своих псевдонимах: «С. К.», «К — ни С.». В журнале «Уральский охотник» Сергей Спиридонович называет еще четыре вымышленных имени: «Уралец», «Пушник», «С. Ламбро», «Старый Воробей».

Выясненные псевдонимы писателя С. Качиони позволяют определить его творческий потенциал и узнать некоторые факты из его биографии.

Под именем «Уралец» в прессе выступали многие авторы как до революции 1917 года, так и после нее. Авторство С. Качиони в данном случае можно только предполагать.

Псевдонимы «Пушник» и «С. Ламбро» С. Качиони использовал в 20–30-х годах. Под именем «Старый Воробей» в уральской прессе, кроме него, никто не выступал.

Под этим псевдонимом находим два стихотворения в сохранившихся в отдельных номерах камышловской газеты «Заря народоправства», опубликованные в январе 1919 года: «Памяти Некрасова» и «Колыбельная песня Ленина». Время было сложное, и политическая ситуация неустойчивая, хотя войска Колчака наступали, но многие авторы не стремились раскрыть свое политическое кредо. Однако «Старый Воробей» — Качиони не скрывал своей позиции:

Владимир Николаевич Голдин родился в 1938 г. в г. Лальске Кировской области. Окончил исторический факультет Уральского государственного университета. Четверть века преподавал политическую экономию в вузах г. Свердловска. Первые корреспонденции появились в 1960 г. в армейской газете «На боевом посту». Автор более 150 публикаций, в т.ч. 20 книг, среди них: «Забытые поэзия и литераторы Урала», «Русская поэзия в уральской периодике: 1879—1935 годы: биобиблиографический словарь». Автор идеи и составитель поэтической антологии в семи книгах по материалам периодических изданий Екатеринбурга, Кургана, Оренбурга, Перми, Тобольска, Тюмени, Челябинска конца XIX — начала XX столетий. Публиковался в журналах «Веси», «Каменский завод», «Урал», в областных и районных газетах Пермской и Свердловской областей. В тяжелые «перестроечные» годы «Уральского следопыта» Владимир Николаевич был бескорыстным и деятельным его «пером». Специально для его публикаций, основанных на архивных изысканиях, в журнале появилась рубрика «Возвращение из Леты» и продолжается по сей день. Недавно наш автор отметил свое 70-летие. «Уральский следопыт» рад поздравить его с юбилеем и настоятельно пожелать ему продолжения активной творческой работы.

С.С. Качиони

*Коммунист я, мать Россия, баюшки-баю.
Проколот штывком стальным я волюшку твою,
Как блины пеку декреты, в Смольном я сижу.
— «Изрубить врагов в котлеты», — красным прикажу!
В трибунале заседаю. В крови Русь топлю.
Контрибуцию собираю. Плетью всех луплю...*

Это был поступок человека, уверенного в своей правоте и убеждениях.

Закончилась Гражданская война, ряд уральских литераторов покинули родной край и начали жизнь эмигранта. Но многие остались: А.И. Шубин, В.В. Буйницкий, П.Я. Блиновский, В.М. Шумский, В.П. Чекин, Н. Власов, А.А. Климов. В числе оставшихся на родине литераторов был С. Качиони.

Трудно сказать, как складывалась личная жизнь Сергея Спиридоновича в 20–30-е годы. Но, по видимому, как у всех представителей интеллигенции того времени. Вызовы в ЧК, аресты, проверки, обыски, недоказанность обвинений...

В литературном сборнике «Порыв» дома заключения № 2 г. Екатеринбурга в 1922 году было опубликовано стихотворение «В клетке железной в неволе глухой...» за подписью «Уралец». Не исключено, что этот стих принадлежит С. Качиони. В пользу этого предположения говорит тот факт, что в это время в доме заключенных из 152 арестованных было 25 контрреволюционеров, в том числе и такой известный в городе журналист, как А. Шубин, который также выступал против большевист-

ского режима в журнале «Уральское хозяйство» в 1919 году.

С утверждением в России НЭПа, стало наблюдаться некоторое оживление периодической печати. В 1923 году в Екатеринбурге издавалась «Областная крестьянская газета», затем журнал «Колос», в организации которых принял активное участие А. Шубин.

С января 1924 года в Екатеринбурге начинает выходить журнал «Уральский охотник». В № 1 было указано, что издатель журнала Екатеринбургский комитет Всероссийского Союза охотников. Первым редактором был назначен С. Качиони. Случайность ли это? Конечно, нет. Во-первых, в 20-е годы советская власть хотя и с подозрением относилась к специалистам с дореволюционным стажем, но вынуждена была их использовать в своих целях, т.к. новых специалистов еще не было. Во-вторых, С. Качиони был с детства страстным охотником и знатоком природы. Это видно из рассказа «На заре охотничьих дней».

Первый редактор журнала «Уральский охотник» стремился делать его профессиональным и литературно интересным. Судя по отзывам, ему это удалось.

«...Отметим в литературной части, прежде всего, рассказы, ... дышащие правдивостью и несомненным талантом. Достоинства всех рассказов — это их компактность и сжатость. Никакой расплывчатости, водянистости», — писали коллеги из журнала «Охотник Алтая» в 1924 году в № 3. Они же в № 7 за тот же год восторгались: «... Кто даст Уралу другого «Уральского охотника», — это лучшее детище из охотничьих журналов Республики».

Дважды на Ленинградской охотничьей выставке (май и октябрь 1924 года) журналу «Уральский охотник» присуждалась «Золотая медаль».

Сам редактор под своим именем и под псевдонимами публикует здесь рассказы, очерки, статьи. Статьи, не всегда лицеприятные для властей.

Журнал становится не только профессиональным и популярным, но и независимым, со всеми признаками дореволюционного издания. Вокруг редактора назревает недовольство, зависть и открытое недоверие беспартийному руководителю.

Противоречие между редактором и издателями обозначилось на страницах февральской книжки в 1925 году. С. Качиони заявил: «На заседании правления Уралоохотсоюза от 23 января, после съезда мною было заявлено, о невозможности для меня войти в состав редакционной коллегии. Таким образом, с марта месяца никакого участия в журнале, непосредственно, ни под одним из своих обычных псевдонимов... я больше принимать не буду».

По поводу открытого письма С. Качиони редакционная коллегия ответила так: «...Состав сотрудников будет расширен, если письмо Качиони не будет принято некоторыми охотниками, как сигнал к исправленному в 1925 г. интеллигентскому сабота-

жу, проистекающему из непонимания роли масс и преувеличения значения собственного Я».

То есть позицию бывшего редактора расценили как «интеллигентский саботаж».

Но в следующем абзаце редколлегия окончательно раскрывает причины конфликта с С. Качиони: «Журнал должен освещать вопросы местной охотничьей жизни и деятельности через призму общереспубликанских государственных интересов и при том непременным условием, чтобы освещение их давалось под углом зрения, соответствующим классовой политике рабоче-крестьянской власти».

С. Качиони не мог быть адептом классовой политики. Но в то же время он, как творческая личность, не мог молчать и потому с 1926 года и до окончания выхода журнала сотрудничал в нем. По-видимому, и издатели не могли без него обойтись, поскольку с 1929 года он был включен в редакционную коллегию «Уральского охотника».

В 20-е годы Сергей Спиридонович издал приложением к журналу книгу рассказов «Веселые странички» и под псевдонимом «С. Ламбро» брошюру «Пристрелка дробового ружья». Последнее произведение выдержало три издания. Он публиковался в коллективных сборниках, писал предисловия к книгам других авторов. В 1935 году С. Качиони издал книгу «Год охотника: краткий справочник календарь».

«Уральский охотник» прекратил свое существование в 1933 году. Однако во второй половине 30-х годов на Урале стала издаваться серия книг «Уральская библиотека занимательного краеведения» (составитель Вл. А. Попов). В этой серии книг сумели издать свои произведения многие авторы с дореволюционным писательским стажем. С. Качиони опубликовал несколько рассказов в двух коллективных сборниках этой серии: «С удочкой и сетью» и «С ружьем и капканом». Обе книги изданы в Свердловске в 1936 году.

В Челябинском книжном издательстве (1937 г.) вышла книга «У охотничьего костра» (тираж 10000 экз.). Составитель и главный автор этого сборника С. Качиони. В книге 15 авторов, и почти все они — бывшие сотрудники журнала «Уральский охотник».

Принимал ли Качиони участие в литературной жизни г. Екатеринбурга? В архивах о деятельности Уральской ассоциации пролетарских писателей (1926–1932 гг.) и о Свердловском отделении ССП (1934–1937 гг.) имя С. Качиони не упоминается. Однако единственные воспоминания о заседаниях Уральской литературной ассоциации (УЛИТА) были написаны и сохранены для истории литературы Урала именно Сергеем Спиридоновичем Качиони.

В этих воспоминаниях он показал себя эрудированным, остроумным человеком. Вот как он представил себя: «Автор этих воспоминаний, в

частности, занимал штатное место Кривого Зеркала Улиты». (Вот еще один псевдоним.)

Он писал экспромтом стихотворные шутки и пародии, портреты и шаржи.

*Быть не может сомнений,
Что беспутство и гений
Одновременно соединил Кин...
Но тот Кин был великий,
Оттого и двуликий, —
Из чего же состоит этот Малкин?*

Малкин — это руководитель УЛИТЫ, ее главный докладчик, присланный из Москвы в Екатеринбург руководить Губполитпросветом, проживший в городе не более полугода.

Состав УЛИТЫ был пестрым. Ее посещали артисты и музыканты, люди, никогда не бравшие в руки перо, но любившие литературу; люди молодые, еще не «обросшие» должностями и званиями. Вот один из портретов «кисти» С. Качиони:

*Счастлив, право, Коля Нипоркин,
Бедность — это преимущество:
Нет забот, когда одни портки
Составляют все имущество!*

А вот и о себе:

*Пегасов больше нет, —
Остались только кони:
Скончался Пушкин, Фет, —
Но пишет Качиони.*

Читаешь в тиши государственного архива воспоминания Качиони и невольно улыбаешься. Но за его юмором скрыты серьезные мысли, бурные дискуссии того времени о том, по какому пути будет развиваться советская поэзия. Малкин утверждал, конечно со слов теоретиков РАППа, что будущая поэзия будет восхвалять машину, и в этом он оказался прав. Другие члены УЛИТЫ отстаивали свободное развитие поэзии, утверждали, что «народ сейчас молчит. Но придет время, и он заговорит и скажет свое новое слово...».

Литературное наследие С. Качиони невелико, оно могло быть и большим, он достиг того возраста, когда человек может делать многое. У него были, по-видимому, творческие планы, а у власти — свои планы-разнарядки. Они совпали по времени и соединились в какой-то одной точке.

С. Качиони арестовали 23 октября 1937 года по «изобличающим показаниям» его же сослуживцев и обвинили в участии в контрреволюционной повстанческой организации на Урале. Сергей Спиридонович на допросах заявлял, что никогда не слышал о существовании и не участвовал в подобной организации, но это уже не имело для следствия никакого значения — надо было выполнять план.

Его расстреляли 14 ноября 1937 года.

Наталья ГОЛОВАНОВА

Ангел летел над водами

Ангел летел над водами.

– Цветет и воняет, — слышалось с далекого берега.

– Говорят, тут прежде рыба водилась, — звучало с другого, — и раки; говорят, и раки водились...

Местные жители стояли на том и на другом берегах и обменивались мыслями, облокотясь о чугунный бортик и глядя далеко вниз на серую пену, в которой плыли размокшие окурки, пивные банки и еще что-то такое же, какая-то дрянь.

Ветер, возникавший всякий раз при движении его крыл, производил на волнах барашки, которые тоже были серого, зеленоватого цвета, темные щупальца тянулись по воде за его сияющей тенью.

– Водились! — передразнил он, и само всплыло: рыба водилась, и купавки, и лягушки, и эти, как их, — он поморщился, — о! плавунцы! Жуки-плавунцы!

... Огородили камнем и молодая вода, пахнущая свежестью, колотилась о берег, выплескивала, рассыпалась брызгами, воздух звенел от комариного зуда, стрекозы трещали, щелкали, свистели птицы...

– Не отвлекайся! У тебя совсем другое дело, — напомнили ему, — совсем в другом месте.

Он увернулся от назойливых голосов, дрыгнул ногами и слетел на берег.

Штиблеты он сразу потерял, засосало, в белых носочках он брел по краю воды, будоража поганую зеленоватую жижу; жижа чавкала, заглатывала ногу и неохотно отпускала, тянулась следом, как живая.

–... Цветет! Ишь ты, цветет!

– Нету здесь ни травы, ни водоросли, нечему здесь цвести!

Он с тоскою оглядел мертвую воду, из которой торчали останки полузатопленных конструкций, вокруг которых тормозились целые флотилии разнообразного мусора, кружились, прежде чем поплыть дальше.

Глаза слезились от гнилого запаха, крылья, длинные, как у стрижа, тащились в зеленой жиже, он словно забыл про них.

– Не могу! — злился он. — Не могу вспомнить, где это было, когда: берег выпуклый, как лоб младенца,

пыльный запах весенних одуванчиков, вольно растущих в молодой траве, доживающих до своей пуховой старости, — тогда еще никто не стриг газоны; маленький ангел качается на ноге, покрикивает: давай! давай! Прыг-скок! Прыг-скок! И смешно трясет попкой.

...Румяные, полногрудые матери в пестрых платьях с ляпочками на плечах, щеки как малиновый цвет. Летняя жара, ступеньки к воде из неровного камня...

– Не могу вспомнить, сердце щемит.

Есть ли сердце у Ангела?

Местные жители глядели ему вслед.

Философский склад ума их, выработанный общением с виртуальными мирами, совершенно вытравил у них реальное восприятие действительности.

Проще сказать, чудеса их не волновали.

Удивляло единственное — белые носочки, заляпаные грязью и тиной.

– Гляди-ка! Носки-то совсем новые, чего это он? — кивали они друг другу. — Или это она? Спереди вроде баба, а сзади — мужик, — и сплевывали вслед.

Ноги чесались от жуткой гадости.

– Паскуды, ах, паскуды! — старательно ругался он, стаскивая носки; пинком отправил их на берег, взвился в воздух, разворачиваясь и прицеливаясь, как ястреб на цыпленка.

– Может, это вертолет? — слегка оживились зрители, наблюдая его метания над водой.

Через мгновение он уже летел над дубовым паркетом, оставя за спиной дыру в стене с остывающими оплавленными краями в виде самого себя с вздетыми вверх крыльями.

Редкой красоты, между прочим, паркет, царских еще времен.

– Эй, эй, гражданин, куда это вы, куда? — сразу же заорали ему со всех сторон. — Эти ваши демонстрации идите проводить где-нибудь в другом месте, не здесь, не тут!

...Огромный мужик в перьях завис, как муха, под потолком, тыкался во все стороны, хлестал крыльями по стенам, толпа охала и приседала.

– Босиком! — взвизгнул кто-то и тотчас был вынесен могучим дыханием пришельца.

Наталья Евгеньевна Голованова родилась в 1942 г. в г. Свердловске. Окончила институт кинематографии (ВГИК) по специальности кинорежиссура. С 1969 г. работает на к/с «Союзмультфильм» в качестве сценариста, режиссера, художника. Живет в г. Екатеринбурге.

– Начальники, эй! Попрятались? Думали, не найду? Раз-два-три-четыре-пять, я иду искать! А-а-а! У-у-у!

Отцы города глядели на стену, за которой пронзительный свист, все повышаясь в звуке, переходил в жуткий, запредельный вой, как будто там набирал обороты реактивный самолет и, казалось, вот-вот взлетит.

Он и взлетел.

Стена сотряслась, с нее стекла позолота, потом она вдруг странным образом вздулась, как пузырь, выпятилась и рухнула на знаменитый паркет, брызнув песком и пылью.

Грохот и вой вырвались на волю, бедные уши заложило.

– Это место не ваше! Это место Божье! – поистине Ангел вострубил.

Он весь дымился и тыкал перстом вверх, отчего потолок дрогнул и крыша, как это виделось со стороны, приподнялась, махнула крылами и плавно поплыла над домами.

– Силы небесные! – прошептал сидевший на предсудательском месте, прикрываясь папкой. – Какая вонь!

В самом деле, ноги его были все в этой зеленой гадости, и особенно крылья, которые реяли у него за спиной, и слипшиеся перья, – все распространяло жуткий смрад, от которого хотелось навеки забыть о вдохе и выдохе.

– А крышу-то, крышу-то всю снесло, – радовались зрители, – вся крыша поехала!

– Это место не ваше, оно вам в пользование дано, а вы что из него сделали? Дрянь какая-то, грязь, отхожее место!

Отцы города настороженно следили за его рукой, махавшей куда-то за стену, где виднелось небольшое городское озеро, замкнутое в каменные берега.

– Прекратите орать, – осторожно попросил кто-то, – вы, собственно, чего хотите?

Они сидели перед ним и ждали, внимательно глядя на него.

– Чего я в самом деле хочу?

«Боже мой, Боже! – подумал он. – Страх в них нет, вот что». Он вздохнул и прикрыл глаза, чувствуя, как остывает его пылающее тело.

Рис. Яны Ахметшиной

...Все прошло, все. Времена как снег: выпадают, проходят, истекают, как вода.

Война, смерть, победа – все это был век железа – герои, жертвы, – страх принадлежал веку железа и ушел вместе с ним.

А пластмасса – выдумка, Бог к ней руки не приложил. Настал век пластмассы, времена мусора и потакания своим прихотям.

Прибираться не любят, грязно живут...

– Чего я хочу от этих детей мусора?

Вот они сидят перед ним – седые, лысые, важные, как деревянные куклы. Дети как дети. Нет, не лучшие.

Сладости любят, лезут наверх, врут, – обыкновенное дело.

Он близко склонился к ним и угрозил пальцем, словно они и вправду были дети:

– Я вам покажу!

Они сидели смирно, тот, что спрашивал, только пожал плечами;

И тут словно что-то вспыхнуло у него в голове, он ухмыльнулся:

– Покажу! – и захохотал, повторяя подходящее слово: – Покажу!

Как великан из коробочки, нагибаясь и разгибаясь и хохоча, он вытаскивал их из насиженных кресел, как бы взвешивал, и нес над водою, и макал в эту жидкую поганую грязь одного за другим, а потом просто собрал оставшихся в горсть, всех скопом, и высыпал в неглубокую лужу, которая прежде была радостью и чистой водою.

К громадному удовольствию зрителей, которые, наконец, расшевелились, свистели и хохотали:

– Ну, денек выдался!

Это им было понятно, это отдавало даже какой-то справедливостью:

– Ух ты! – сопровождали они каждое падение:

– Во! Летит! Еще один – ух!

– Что? Нравится? – хохотал он и щелчком загонял обратно особенно бойких, пытавшихся выбраться. – Я же говорил, что покажу!

Они барахтались в прибрежной пене, не смея уже проявить недовольство, бурчали что-то себе под нос, стесняясь непривычной ситуации, некоторые неумело крестились.

Волшебная это вещь — достучаться до начальства! На другой день, наутро, иностранные драги уже всю работу, черпали зловонную жижу, выплевывали в подступающие железные баржи, которые увозили ее вниз по реке и где-то хоронили, подальше от людских глаз.

Город остановился, стоял на берегах и наблюдал. Никто не писал милицейских протоколов, не судил и не был судим, не рыл фундаменты и не строил баррикады.

Все бросили на прорыв, город чистил свое зеркало. И ангел летал над водами.

Гневным пылающим перстом он повел по кучам мусора, которые повадились сбрасывать тут все, кому не лень, и воспалились кучи, загорелись пламенем и обратились во прах, — к почтительному восторгу окружающих.

— Стой! Куда! — завопил он вдруг. — Что-то шмыгало там, внизу, какой-то маленький человечек, бегал по берегу, вымерял, полосатая лента отхватывала у воды ее прежнее пространство.

— Ах ты, гад! — взвыл он, прочтя в убогой голове жадные видения крутящихся колес, фейерверков и полосатые маркизы летних кафе, плотно обсевших новенькие чистые берега.

— Кто придумал? Кто велел? — Ангел схватил чело-вечка и тряс его над водою.

— А сам я, сам, — улыбался тот, ничуть не пугаясь, — вот у меня и разрешение есть...

Боже мой, Боже, им нет числа! — вздохнул Ангел. — Голова моя болит, должно быть, к дождю.

— К дождю, к дождю, — повторял он, сбивая облака в тяжелые темные тучи; молнии проскакивали у него меж пальцев, и небо, полное воды, благослови его, Господи, пролилось дождями.

Переполненные водой потоки, стеной протянувшись с небес, мчали вниз холодную темную воду, которая торопилась занять назначенное ей место.

Он блаженствовал в воде, в дожде, промок до самых внутренностей; дождь лил как из ведра и враз кончился, как будто вытек весь, не оставив в небесах ни капли.

Теперь все пространство над озером кипело жизнью, — маленькие голоса, дыхание, смех и тонкий щебет. Ангел летел сквозь эти голоса, по пути набирая летучие семена, которые были рассеяны здесь повсюду, — толкались, переговаривались, щекотали ладонь, он взял их шепотью и посыпал, точно посолил берега.

Зеленая щетинка проросла, легко пронзая землю, — трава, и цветочные лужайки, и могучие деревья, из-за которых теперь осторожно выглядывал уступивший захваченные территории город.

Он счастливо засмеялся, взмахом руки подальше от это и еще раз погрозил пальцем:

— Это — ваше, а это — Божье!

Он лежал в траве и держал травинку, наблюдая, как волны прохладного воздуха растекаются во все стороны, тяжелые от влаги и запаха листвы, промывая старый, засаленный город.

— Я иду по траве, — вспоминал он, — солнце светит, и какой-то комар прилепился к щеке.

Я несу свое дитя на руках.

Жарко, душно. Наверное, будет дождь.

Хорошо, что закончилась и эта война.

Старик-дерево

Жил в этой деревне один мужик. И вот он состарился, хотя был еще в силе, крепкий, и росту был большого, про таких говорят «изо всего дерева». Жизнь у него не особенно удалась, когда-то он пошел в примачи в одну семью, когда и дом чужой, и дочь чужая, взрослая уже дочь, а своего дома у него не было.

Жена пожила-пожила да померла, дочь привела мужа, дети пошли, и не стало ему места. Это ведь как бывает: из дому взащей не гонят, а житья нет. Маялся он так, маялся, а потом в одночасье плюнул на все и ушел.

Не сильно далеко ушел, старый был, побоялся, но все-таки нашел место в лесу, расчистил и стал жить. Домик кое-как слепил, — одному тяжело дом ставить, — не то землянка, не то балаган получился; моху

набрал, щели законопатил, глину промыл, обмазал, очаг поставил из камней.

И все за ним этот страх стоял, — вот зима настанет, не успеет, вот репа не вызреет, вот лук не прорастет... Орехи, ягоды, грибы копил, так год прошел, потом — два, потом 12 лет — много. Яблоньку какую найдет в лесу либо лещину, смотришь — несет, возле дома высаживает. Так у него целый сад стал, — груши, вишни, яблони — все дички, однако растут, кормят. Бочки делать научился, знатные бочки, крепкие, яблоки в них хранил, капусту и дикий мед — такое хозяйство завел — любо-дорого поглядеть. Работящий он был и спуску себе не давал.

Иногда он слышал словно бы музыку и не понимал, откуда звучит и что играет, и казалось, что отовсюду.

Вроде бы скрипка, он видел в деревне — смычок, гнутый, как лук, и сама скрипка — как половинка дыни, — но нет, эти бедные инструменты не могли играть ту дивную музыку.

Говорил он и раньше мало, а теперь и вовсе замолчал, слушал, смотрел на закат, на летящих уток, на маленьких перепелов, бегущих в траве.

Со временем сад его разросся и не требовал уже такого ухода, однако и его силы уходили, пока не ушли совсем.

А еще раньше, давно, стали навещать его эти ребята, маленький народец. Сперва он дивился, пугался даже, а потом привык. Они в лесу, он — рядом, так что вроде — соседи. Тянет их к человеку, жизненная сила привлекает их, желания, страсти.

Никогда он не мог уловить момент, когда они приходят. Как-то сразу, вдруг — раз! — и с и д я т, смотрят, как он чашку из чурбака точит либо крупу толчет, кашу варит. За медом пойдет — они своей комариной

стаей за ним вьются, смешат, суются под руку и сами смеются.

Особенно в огороде любили смотреть, — как сеет, как растет, убирает. Капусту пожалели, притащили жабу, она слизней ела, а еще хрущей, муравьев и хлебных жужелиц. Листоедов, долгоносиков, гусениц и совок. Ну, и еще кой-чего по малости. Ей обед, а капуста радость. Жаба — это сокровище.

Он им всякие дудочки из рогаза делал, свистульки глиняные, игрушки, детей нет, так он этих забавлял.

И вот чувствует, — настал его час. Они все уже вокруг него собрались, сидят, смотрят, Пусто-Пусто, самый маленький — младший, его по щеке гладит:

— Боишься, дедушко? — спрашивает.

— Как не бояться. Каждый этого часа боится, — отвечает.

— А нельзя как-нибудь, того-сего, как-нибудь этак, — повертел пальцами, вылез Колпак, крошечный мужичок, рыжий.

— Нельзя, — усмехнулся дед.

— Можно! — одно-

Рис. Анастасии Митрофановой

временно с ним заорал Пух, выдумщик. — Я знаю! Давай мы тебя оборотим волком! Обратнем будешь! Ты не бойся, — он глядел в глаза старика своими сверкающими глазами. — Здоровый, сильный будешь, молодой!

Пух махнул рукою, они все разом устались куда-то в одну точку, взгляды их пересеклись, — и он увидел, как молодой красавец волк мчится, едва касаясь травы, влажной от инея и белой от лунного света. И почувствовал запах леса, режущий ноздри, и острые, словно крики, горячие запахи затаившейся дичи, много.

Словно кто-то позвал его, он замер, прислушиваясь, видно было, как напряглись мышцы, выступающие юношеские мускулы молодого тела...

Дед покачал головою:

— Нет, не по мне это, какой я охотник? Я в жизни ни за кем не гнался, не догонял. Я уж, как все. Никто еще от этого не уходил, — он подумал немного и чему-то улыбнулся. — Я, наверное, хотел бы стать деревом. Стоял бы, молчал. Ветер, дождь; зимой снег падает, птицы прилетают, — хорошо. Я не больно-то разговорчивый, я молчать люблю. Только я бы сам выбрал место.

Он вошел в лес и встал. И ощутил, как вместо медленной крови по его жилам помчался пенистый пузырящийся напиток, шипучка, веселящая сердце, коктейль из живой воды, процеженной землею, сложный состав минералов и соли, и — для завершения вкуса — парочку-другую бактерий, как оливки в стакане, и что-то еще, не имеющее названия. Исчез страх за себя, исчезли многие суетные мысли, — он даже не представлял, что они постоянно, всегда кипели в нем: как прожить день, как пережить зиму, перекрыть крышу, собрать урожай.

Потом из него стало точно вымываться — детские обиды, старые, почти забытые, но вот, однако же, сидели в нем, точили сердце, а теперь — ушли. Несправедливость, его собственная злость, отчаянье, — все это теперь было ни к чему хранить и помнить, все облетело, как прошлогодние листья.

Внизу росла трава. Вверху стояли облака. Рядом с ними качали ветвями береза, и липа, и клен, и бузина. Кланялись, наполняя воздух одуряющим запахом. И его мысли потекли в другом направлении.

— Живой, живая, живое! — с любопытством подумал он и увидел свою падчерицу, она шла по краю леса к его лесному домику.

Он как будто слышал ее мысли, это его удивило, — неужели так было всегда? Неужели все эти деревья — в лесу, в деревне, всюду — слышат и понимают? Или не все и не всех?

Он ее сперва не узнал, потом понял, что это она идет за наследством, он слышал, как она подсчитывает бочки.

Живульки, живули, — так в деревне называли маленькие глиняные игрушки, завидев ее, они сбились в углу стола, только красная глиняная собачонка выскочила вперед, затыкала сиплым глиняным голосом.

— Кыш! — тетка склонилась над столом, сгребла и сыпала всех разом в карман передника. Они там копошились, она прихлопнула их ладонью.

Он стоял, смотрел, у него не было обиды. По его бы, так пусть все берет, живому нужнее, ему все равно, а сад-огород руки человеческой требует.

Она погладила ствол и потянулась за яблоком.

Он услышал, как разом вскрикнули все его деревья неслышным криком, слышным, слышимым ему одному, — как будто ветер прошел над садом, деревья дрогнули, и маленькие плоды с плачем посыпались, в траву: — Некого, некого нам теперь больше радовать!..

Яблоки, груши, вишни, — сколько их там было, — каштаны, из которых он пек хлебцы, терновник и желтая слива, рябина, и кислый барбарис, и виноград, — деревья расставались с ними, сбрасывали, — середина лета, — недозрелые, едва зарумянившиеся, и вишни поклеванные, сладкие, и сливы — все, все они словно вдруг обрели новую тяжесть, и дерево не могло их удержать и потому расставалось со своим будущим — чужие руки, чужие руки, — прочь, прочь!..

Весь этот компот, приговаривая так, или примерно так, катился в густой траве, пестрой и словно бы игрушечной речкой, то исчезая, где трава была гуще, то появляясь, когда попадали на лысины, на капустные грядки.

Женщина заморожено ступала им вслед, он чувствовал ее удивление, она начинала сердиться:

— Куда? — спрашивала она. — Это все теперь мое! Я все заберу!

— Ни — за — что, ни — за — что, — бормотал компот, переваливался с боку на бок, подпрыгивал в траве.

— Мое! — она топнула ногой. — Думаете, я вам поддамся? Мое!

— Не-а! — хором пропел убегающий компот, и вдруг вишня с лету ударила ей в шею, потом в щеку, потом в плечо, — ягоды, орехи, яблоки и слива — все, все, но отчего-то особенно обидными казались сливы, именно они оставляли мерзкую мятую кашлицу на волосах, на юбке, на кофте. А два молодых нахала, Колпак и Левша, противно хихикая и стоя по колено в прыгающем компоте, хватили наугад все, что попало в руку, и из рогатки пуляли в бедную сердитую женщину, уже и без того перемазанную с ног до головы. А Синенькие Глазки, все в мохнатых ресничках, кокетливо заглядывали ей в лицо то справа, то слева.

— Нехорошо это, — опять подумал он, старик, ставший деревом, — пускай она забирает все, ничего теперь ему не нужно, не жаль.

Однако они сами рассудили, добрались и раскатились вокруг него.

Кое-кто попал ежику на зубок. Зайцу, белке. Кем-то червяки полакомились, мошки, мухи, птицы поклевали. А многие проросли прямо тут, и стал опять вокруг него сад.

Они, может, и не знали, отчего их всех тянуло к этому месту; но, видно, чувствовали себя здесь спокойнее.

Тапочка

Так вот: трамваи. Имея с ними дело, никогда нельзя ни в чем быть уверенными — они принципиально непредсказуемы. Принципиально. У них — принципы. К примеру, они не любят, когда их ждут. Ждать нельзя ни в коем случае, наоборот, надо сделать вид, что ты тут случайно, что у тебя куча времени, что ты вообще можешь сесть в автобус, если пожелаешь, или такси взять, или даже пойти пешком — погода-то какая на дворе! Иногда трамваи ловятся на такие трюки.

А еще они любят сбиваться в кучки. Где-то договариваются и сидят, ждут, а потом вдруг появляются все разом и идут мимо тебя, держась за руки, как пионерский отряд. А твой единственный, который тебе позарез нужен, очевидно, держат на привязи. Вредничают.

Бывает, прикидываются, переодеваются они, — просто так, для смеху. Идет он, издали видно, — пальтишко на нем родное, раскраска знакомая, — сердце забьется, разбежишься навстречу, а номер-то у него на лбу другой. Вот они радуются.

Вообще-то я люблю трамваи. В них есть что-то старомодное, они не пахнут бензином, они двигаются со скоростью прошлого века — неторопливо, безмятежно. Их героические времена позади. Их обгонит кто хочет, даже пешеход, если будет стараться. Автомобили, автобусы, троллейбусы, такси, — в некоторых городах трамваев нет. Жаль мне эти города.

Я уж промерзла на ветру, застыла, и вот он, наконец, мчится на всех парах, — неужели сдастся? Мой долгожданный — вовсе не красавец; правый глаз слегка косит, усишки — жиденькие, подрагивают, на правом боку детские рисунки, на левом — реклама пива, и это его вовсе не красит, но что мне с его красоты. Народу — в самую меру, — не битком, и даже одно место у окна как раз свободно, на котором ехать задом наперед.

Взлетаю, сажусь, еду. Похолодало, утром лежал иней, коснешься рукой парашюта — остается стеклянный след. Зима скоро. Все согрелись, никто не входит, всем далеко.

Сажу, смотрю. Половина — приезжие. У них любознательный детский взгляд, у всех, — у молодых, у старых, город для них — чужая территория, они

здесь, чтоб отвоевать себе место. Зинка, двоюродная моя сестра, выбралась из деревни и, едва освоилась в городе, наvertела бигуди и поехала в гости ко мне через весь город. Я содрогнулась, увидев на пороге рогатое чудовище в боевой раскраске.

— Зинка! Неужели ты прямо так — в трамвае? Люди же смотрят!

Она фыркнула:

— А я глаза заморозила и — еду!

Битва с городом у нее. Нет слов, нет слов.

Городские, напротив, не смотрят, прячут глаза, чтоб ненароком не поймать взгляд, не войти в контакт. Городские всегда в толпе, общения — с избытком, приходится избегать, закрываться, беречь личное пространство.

Теперь в трамвай — троллейбус принято входить гуськом, затылок в затылок, по очереди, то-есть кто как подошел.

И вот: готовлюсь войти, и тут сбоку насккивает парень, двигает меня плечом, я отлетаю, а он проходит себе и разваливается на сиденье, как будто так и надо.

Чувствую, как вскипает во мне — обиделась!

Сажусь напротив него и назидательно смотрю ему в глаза.

— Старая дура! — бурчит он, пытаясь ускользнуть от моего взгляда.

Ну, вот еще, вовсе не старая и далеко не дура.

— А ты у нас замечательный! — говорю.

— Сука! — шипит он с ненавистью. Так, вызов брошен.

Ну, вообще-то я сама не нарываюсь, но это не в счет. Сразимся.

— Сокровище! И красавец! Красавец! — добавляю я.

— Расселась тут, корова!

О! Вот это удар. В самое сердце!

— А ты у нас лучше всех! Приветливый, милый, смотреть на тебя — одна радость, и сидеть с тобой — просто счастье!

— Гадюка! — глядит волком, пыхтит, надо полагать, — слова у него кончились.

— Друзей у тебя много, и девушки тебя любят!

Достала. Молчит.

— Все в тебе прекрасно, и душа, и одежда, и мысли...

Встаю. Мне выходить. И он встает, за разговорами вместе доехали. Тут он и говорит мне вдруг:

– Извините меня.

И подает мне руку, помогает сойти.

О, Господи! – собираюсь провалиться сквозь землю. Нельзя же так! Неправильно, слишком быстро! Надо же сначала подписать перемирие!

Нет торжества победы.

– И ты меня, мальчик, прости.

Смеемся оба, типа, – поиграли в войнушку. А все-таки он первый сдался! Наши выиграли. Ах, я, наверное, все-таки гадюка.

Остановка. Дверь открывается, слышу, царапается кто-то, поднимается, тяжело дышит, пыхтит. Слышу: плюх! Плюх! И – зловоние давно не мытого тела, прокисших баночек и еще чего-то, столь же оскорбительного для обоняния, медленно ползет, вытесняя согретый воздух, заставляя насторожиться задремавших было пассажиров.

О-ох! – вздохнул трамвай.

Несчастливая грязная тетка, пугаясь собственной смелости, застыла у дверей. Куда-то она передвигалась, из одной теплой норки в другую, где никто на нее не глядел, не принимал, – где-то на помойках, в подвале, в темноте. Бывшая пионерка в хрустящем фартучке, выпускница с букетом, пунцовая новобрачная, профорг, или кто там еще...

– Фу-фу, – застонала половина вагона, – Безобразие! – любимое слово. – Кошмар, кошмар!

Общество сразу объединилось на почве – «травить жертву»:

– Это же все-таки общественный транспорт!

Все-таки да! И что? Теперь ей на такси ездить?

Жертва, скукожившись, вертит головой, заглядывает всем в глаза, как потерявшийся щенок, и документ пенсионный всем направо-налево показывает, – чем, интересно, может защитить ее этот слабый документ?

– Деточки, деточки...

Что-то во мне точно разорвалось, даже и сейчас чуть не плачу, хотелось лупить их всех по головам, лупить и лупить, этих справедливых; как они заорали-то, когда я попробовала посадить ее на свое место.

– Сядьте! – рявкнул на меня с высоты своего одеколна молодой богатырь, розовый весь, белый воротничок, кейс наперевес, блин, но ездит пока в трамвае, но уже пыжится, как настоящий.

Тетка прямо обомлела, отползла от меня, точно я была главная опасность, и, согласно инстинкту, примкнула к большинству.

– Деточки, – бормотала она. – Я с краешку, деточки, мне бы погреться, мне недалеко...

И все пыталась моститься прямо тут, у кабины водителя, пряча свое вонючее тельце под всеми этими одежками, куртками и телогрейками.

И – тапочки, запомнились мне эти тапочки, домашние, в клеточку, две веревочки пришиты, чтоб не спадали, одна оторвалась.

Я почему так подробно, – я эту тапочку как сейчас вижу, стоптанная такая, на резиновом ходу, тетка ногой поддевала, но завязать не решалась. Привыкла, что отовсюду гонят, как она решилась высунуться?

– Зима! – постучало у меня в голове. – Страшная белая зима на носу!

Я полезла совать ей какие-то деньги, стыдись собственной брезгливости, – а кошечку, собачку бы подобрала...

И тут как-то все разом взорвалось.

Этот румяный визжит, девчушка рядом скачет, мозглявенькая такая, ну, да годам к тридцати раздобрее ему под пару. Через стекло водитель озирается, наверное, вопли эти ему слышно, трамвай заскрежетал. Румяный как бы зашипел и, подталкивая ногою, выпихнул в открытую дверь мешки и сумки, а следом и тетка вывалилась и принялась собирать все с земли, отряхивать и складывать в мягкие пакеты, – все свое ношу с собой, – и тапочку, – тапочка зацепилась, – этот роскошным пинком, футболист, – отправил вслед за теткой. Девчушка прямо зашлась – вау! – кричит, – вау! И весь трамвай как-то оживился, глядя по сторонам, когда поехали дальше.

Мне-то что, – я этим трамваем каждый день езжу, кроме выходных, всякого навидалась. А румяного я теперь узнаю. Не знаю уж, что у него там, но я-то хорошо запомнила его холеную рожу. И чего бы, казалось, ему чваниться? Все мы примерно равны, в мерседесах не ездим, исправно покупаем проездные – вполне средняя жизнь, где люди в целом сохранили терпимость. Но, может, ему сильно хотелось высунуться, вот на тетке он и сплясал. Я его часто вижу, только он теперь не румяный. И глаз не блестит, и курточка немытая, и винцом попахивает, и все такое. Быстро меняется, как грипп «испанка». Не зря, видать, визжал. Заразился.

И тут я вспомнила взгляд этой тетки, странный взгляд, задумчивый, которым она провожала уходящий трамвай.

Сказки надо читать, познавать мудрость народную. Помните? Идет добрый молодец, а навстречу ему дряхлая старуха с клюкой и помощи просит: хворост собрать, либо через ручей перенести на закорках, либо самую свою последнюю корочку хлеба ей, голодной старухе, отдать.

И вот этот добрый молодец, если он добрый, за доброту свою получает удачу во всех делах своих, или куда он там направляется. А если недобрый, – то наоборот.

Не помните? Нет? Не читали?

– Ну, да; ну, да...

Сыграем свадьбку?

– Ну, давай же быстрее, давай! – Маленький лохматый комочек семенил взад-вперед по комнате, оставляя на светлом ковре следы грязных ножек.

Таня, капризно надув губки, молчала.

– Я не могу так сразу, надо подумать.

– Так думай быстрее, мне нельзя в вашем мире долго оставаться. Разрежусь я. – Мохнатое чудо размахивало тоненькими ручками, показывая, до какой степени оно недоволено медлительностью девушки.

– Чем разрежешься? – спросила Таня с неподдельным любопытством в голосе.

– Не чем, а как... – топнул ножкой комочек. – Воздух здесь для меня слишком разреженный. Вот я и того.... Разрежусь, в общем. Давай быстрее желание говори!

Таня, забавно сморщив носик, подперла рукой щеку и погрузилась в раздумья.

– Ох, горе мне, горе, – завывал человечек, – говори быстрее!

У Тани все было. По крайней мере, все, о чем может мечтать пятнадцатилетняя девочка. Родительская квартира в городе, как говорится – полная чаша. А загородная дача, где, кстати, сейчас и находилась девушка, скорее смахивала на шикарный коттедж, нежели на обычный дачный домик. Тут взгляд Тани упал на книги, в беспорядке сваленные у кровати. На обложках красовались благородные рыцари, все поголовно на белых конях.

– А принца слабо? – усмехнулась она.

От негодования мохнатый человечек даже на секунду замер.

– Почему это слабо? Очень даже и не слабо! Сколько хочешь!

– Сколько хочешь – не надо. Одного давай! – Таня мысленно прикинула, когда родители вернутся из-за границы. По всему выходило, что еще не скоро. Минимум через неделю.

– Я так понимаю, что принц должен быть на коне? – усмехнулся человечек. – На белом?

– Лучше бы на Мерседесе, – неуверенно произнесла девушка.

Человечек с негодованием топнул ножкой.

– Так не бывает! Не бывает, говорю так! Или бери с конем, или другое желание думай!

В этот момент мохнатое чудо начало потихоньку таять в воздухе.

«Разрезается», – мелькнуло в голове у Тани.

– Хорошо! – закричала она, испугавшись, что непонятное существо сейчас исчезнет. – Давай с лошадью!

– С конем, – поправил ее человечек. – Так тому и быть. Через два часа прибудет.

Он взлетел к потолку, неведомым образом покрутился вокруг люстры и начал исчезать.

– Только он еще с оруженосцем будет, – напоследок буркнуло существо.

– С кем? – озадаченно переспросила Таня.

Ответа не последовало. В комнате, кроме девушки, уже никого не было. «Кому расскажешь, не поверит», – подумала Таня. В какой-то момент она сама начала сомневаться в реальности только что произошедшего диалога. Даже пощупала рукой лоб. Однако следы оставленные существом на ковре, говорили о том, что девушке ничего не примерещилось.

Иван Ситников родился 15 декабря 1973 г. в г. Дивногорск Красноярского края. Работал журналистом в новостях «Авто-Радио» — Красноярск, редактором коммерческого отдела на КГТРК, обозревателем газеты «Известия — Красноярск» и «Экономика и жизнь — Сибирь». Сейчас работает пресс-секретарем администрации Ермаковского района Красноярского края. Писать начал в 2005 г. Рассказы печатались в журналах: «День и ночь» (Красноярск), «Уральский следопыт», «Искатель», «Я» (Нью-Йорк), «Безымянная звезда» (Москва), «Шалтай-Болтай» (Волгоград), в сборнике фантастики «Аэлита 003. Новая волна». В прошлом году стал лауреатом премии им. В.П. Астафьева, в номинации «Проза» («Малый круг»).

* * *

Все началось с того, что соседка, Людка, притащила Тане старую книгу. Покрытые толстым слоем пыли, пожелтевшие страницы книги содержали старинные заговоры и заклинания. Переплет странной книги в нескольких местах погрызли мыши, но текст почти не пострадал.

— У бабки на чердаке нашла, — шептала Людка, бережно зажав в руках книгу. — Она, наверное, больших деньжищ стоит.

Девушки уселись на диван и начали аккуратно листать страницы. Разобрать текст они не смогли, писался этот фолиант явно не для русского человека. Некоторые слова были похожи на английские или французские, но все равно смысл их не удавалось понять даже при помощи словаря.

— Англосаксонский язык, — уверенно заявила толстая Людка и, немного помолчав для важности, добавила: — Старинный.

Таня с уважением посмотрела на подругу.

— А вот смотри, и по-русски есть, — Людка выхватила книгу из рук Татьяны.

— Где? — Таня пыталась разглядеть среди награждения букв русские слова.

— Да вот же, — Людка важно ткнула пальцем в самый низ листа.

Действительно, внизу страницы оказался от руки написанный текст. Только он тоже был какой-то странный.

— Это древнерусский, — напыжилась подруга. — На нем еще до революции говорили. Видишь, тут твердый знак в конце некоторых слов стоит. Это буква «ять»! Если ее не читать, то все будет понятно.

Таня неуверенно кивнула. И приблизившись вплотную к выцветшей записи, начала медленно читать.

— Вызов Ктулху. — Она недоуменно покосилась на всезнающую Людмилу. — А это кто?

Подруга встрепенулась

— Ой, а я знаю! Я книжку читала. Ужасик какой-то. Его написал... Лафкрафт! Или Лара Крафт! Не помню уже. Так вот там как раз про этого Втулху было.

— Ктулху, — поправила Таня, заморожено глядя в книгу.

— Ну, да, точно, Ктулху. Не помню подробностей, но это вроде чудовище страшное было. Читай, что там дальше написано.

Таня положила книгу на колени.

— Великий Ктулху способен выполнить любое ваше желание. Но вызывать его опасно. Если он почувствует ваш страх, то разорвет вас на мелкие кусочки.... Но если вы не испугаетесь властителя преисподней, то будете вознаграждены исполнением заветного желания.

Девушки переглянулись.

— Дальше какие-то непонятные слова, — дрожащим голосом произнесла Таня. — Ктулху, вок-интс, круж, тунул.

— Не читай! — Люда испуганно вскочила. — Это заклинание. И вообще давай сюда книгу, надо вернуть, а то бабка хватится.

В этот момент зазвонил телефон. Девушки, охваченные от страха глаза, одновременно подпрыгнули на диване. На ватных ногах Таня подошла к телефону.

— Это тебя... — Она протянула трубку подруге.

Люда, несмотря на избыточный вес, легко вспорхнула с дивана.

— Да, бабуля. Я сейчас приду.

Положив трубку, она засобиралась домой.

— Бабке надо помочь, банки в погреб составить.

Таня вцепилась в книгу обеими руками.

— Ну, пожалуйста, оставь ненадолго, я просто почитаю и все. А придешь вечером, я тебе отдам, — кивнула она.

Людмила колебалась. Затем, вспомнив, что надо спешить, махнула рукой:

— Вечером я приду. Не вздумай читать заклинания.

* * *

А Татьяна как раз и вздумала! Только великий Ктулху оказался не так страшен и демоничен, как она опасалась. Больше всего он напоминал маленького чертенка или домового. Такого захочешь — не испугаешься. И желание выполнил. Вернее, пообещал, что исполнит. Осталось подождать всего каких-то пару часиков, и — вот он! Принц на белом коне. Татьяна мечтательно вздохнула. Конечно, она еще никогда ни с кем не целовалась, но и маленькой ее уже тоже никто не назовет. А то, что всего пятнадцать лет, так это ничего. Вон подружка Катюха уже вовсю с мальчиками гуляет. А у нее, Тани, скоро самый настоящий принц будет! Да все девчонки с зависти удавятся. «А там, глядишь, и свадьбу сыграем», — размечталась она.

Девушка подбежала к зеркалу и принялась внимательно себя разглядывать.

«А что? — подумала она, — очень даже ничего». Маленький вздернутый носик, пухленькие губки, длинные русые волосы... Впечатление не портил даже маленький прыщик, выскочивший на лбу. Таня улыбнулась. На щеках появились очаровательные ямочки. Она улыбнулась еще раз и мечтательно вздохнула. Девушка представила, как бросится в объятия прекрасному принцу и нежно прижмется к его могучей груди.... Что делать с конем и оруженосцем, она еще не решила.

А зря!

* * *

Материализация долгожданных гостей произошла ровно через два часа после исчезновения Ктулху. Таня только что постелила на стол белоснежную скатерть, поставила салаты и бутылку шампанского. Довольная собой, она отошла в сторонку и огляделась. В этот момент в комнате и появился принц. Впрочем, появился — это слабо сказано. Сидя верхом на коне,

он обрушился прямо на праздничный стол. Ножи подломились, раздался грохот бьющейся посуды, испуганное ржание коня и нецензурная брань принца. Вслед за этим где-то со стороны ванной прозвучало жизнерадостное — «шмяк!»! Таня разинула рот и начала пятиться в сторону лестницы. Почти тут же дверь ванной комнаты распахнулась и в проеме появился стоящий на четвереньках человек.

— Вы не ушиблись, господин, — произнес он, потирая жирной пятерней зад.

Таня перевела взгляд на место, где только что находился празднично накрытый стол. Сейчас там творилось нечто невообразимое. Все смешалось — люди, кони. Из-под заляпанной соусом скатерти показалась голова. По бороде принца стекал майонез, металлический шлем сполз набок и норовил в любую секунду свалиться с головы. А рядом, пытаясь подняться на ноги, истерически ржал белый конь в черных яблоках.

— Я ушибся, Мишель, — выругался принц. — Я очень сильно ушибся, черт тебя побери.

Мишель на четвереньках выполз из ванной. В одной руке он держал обглоданную куриную ногу, а другой время от времени потирал толстую задницу.

— А ведь я ничего не сделал. Сплясать просто хотел, — оправдывался Мишель, но физиономия его при этом сияла, как отполированный медный таз.

— Станцевать, дьявол тебя побери. — Принц, наконец, вылез из-под груды обломков. — Я же говорил, что может открыться крышка мира и мы провалимся.

Он подошел к коню, испуганно прижавшемуся к стене.

— Вот и провалились! Как теперь выбираться будем?

Поглощенные разговором гости не замечали хозяйку. А Таня тем временем во все глаза рассматривала странных визитеров.

— Извините, — наконец не выдержала девушка. — Вы правда принц?

В комнате повисла тишина. Две пары глаз с ужасом уставились на Татьяну. Первым опомнился Мишель, включив заднюю скорость, он скрылся в ванной. Принц только ойкнул и начал неистово креститься.

— Не бойтесь. — Девушка подошла к принцу. — Меня зовут Татьяна.

Секунду принц раздумывал. То ли поцеловать барышню руку, то ли двинуть владычицу изнанки мира по

голове мечом. Принц побледнел. Покусывая губы, он смотрел на приближающуюся девушку. Наконец, так ни на что и не решившись, он потерял сознание и шумно рухнул на пол.

Таня с изумлением смотрела на принца. Честно говоря, не таким она его представляла. Вместо молодого красавца с хорошими манерами возле нее лежал изрядно потрепанный жизнью сорокалетний мужчина.

— Он еще и беззубый, — пробормотала девушка, с любопытством разглядывая лежащего с открытым ртом принца.

— Дареному коню, — услышала она невнятное бормотание. На секунду ей показалось, что в углу промелькнул Ктулху.

За спиной раздался скрип двери. Таня обернулась и увидела, как из ванной комнаты показалась голова Мишеля. Он озадаченно таращился на девушку, продолжая крепко сжимать в руке куриную ножку.

— А вы, наверное, оруженосец? — спросила она.

Заметив, что побледневший Мишель отчаянно хватается ртом воздух, она поспешно добавила:

— Только в обморок не падайте. Хватит мне и одного... бессознательного.

Оруженосец икнул, но падать в обморок вроде бы передумал. Бочком прокрался мимо Татьяны и склонился над хозяином.

— Теперь сутки лежать будет, — сказал он и, немного помолчав,

добавил: — Это у них фамильное. Чуть что, брык в обморок.

* * *

Мишель с аппетитом наворачивал салатик из чуждом не разбившейся вазы. Прихлебывал из горла шампанское и довольно хихикал, когда пузыри пенного напитка лезли через нос. Коня, обгадившего всю комнату, оруженосец предусмотрительно закрыл в ванной.

— Вся квартира пропахла, — сокрушалась Таня.

— Ага, — кивнул Мишель. — Фиалками!

Он снова отхлебнул шампанское.

— Ты же знаешь, что кони рыцарей, а тем более принцев, могут источать лишь божественный запах фиалок и настурций. А если помочатся, то это божья роса! Божественной роса может быть только у принца или самого короля!

— А что же он старый такой, принц ваш? — поинтересовалась Татьяна.

— Так король еще не помер. Долгожитель он. Вот сэр Ричард Змеиная Кожа и странствует, развлекается пока. Да все ждет, пока батюшка мир грешный покинет и трон освободит.

Мишель вытер рукавом жирные губы.

— А теперь, раз уж мы в изнанку мира провалились, будем у тебя жить.

— Нет, — встрепенулась Татьяна. — У меня нельзя. Скоро родители приедут, да и вообще...

Оруженосец не слушал.

— Принцу ты, конечно, ни к чему, у него своя невеста есть, а мне ты понравилась. Так что сыграем свадьбу?

Девушка испуганно отодвинулась в сторону.

— Да ты не бойся, я обаятельный!

Девушка поморщилась.

— А можно вам как-нибудь обратно вернуться? — с надеждой спросила она.

— Кто в изнанку мира провалился, обратно может попасть только при помощи звездного камня! — нравоучительно поднял палец Мишель. — Ты что? Очевидных вещей не знаешь? Берешь звездный камень, сжимаешь его в руке, произносишь магические слова — и опаньки! Снова дома!

Таня надолго задумалась. Мишель деловито чавкал, уплетая очередную закуску, которую он выудил из-под обломков стола. Вдруг девушка вскочила и вышла из комнаты. Спустившись по лестнице, она забежала в кабинет отца.

— Где-то здесь, — бормотала она, вытряхивая содержимое ящиков письменного стола.

На пол, звякнув, упала стеклянная коробочка. Таня, раскрасневшаяся от возбуждения, вытащила содержимое коробки. Небольшой черный камень, который отец купил на аукционе. Он рассказывал, что это кусок метеорита, найденный археологами. Быть может, это и есть «звездный камень»? Таня с надеждой взглянула на странный минерал и торопливо направилась обратно.

Оруженосец развалился на ковре и нежно поглаживал живот. Услышав шаги девушки, он повернул голову и небрежно рыгнул.

— Наелся. Будешь меня всегда так кормить, обижать не буду.

Таня протянула Мишелю метеорит.

— Я нашла звездный камень, вы можете возвратиться.

Оруженосец повертел камень в руках.

— Похож вроде. Но всех троих он не перетащит. Маленький слишком.

Таня засуетилась.

— Так вы с принцем и возвращайтесь. А мне еще приданое надо собрать, вещи в дорогу. — Девушка старалась говорить как можно более убедительно. — У меня еще один такой камень есть. Ты меня заклинаю научишь, и я завтра вслед за вами перемещусь.

Мишель подозрительно посмотрел на девушку.

— А не обманешь?

— Да что ты, Мишельчик, — девушка нагнулась и, преодолевая отвращение, чмокнула оруженосца в толстый мясистый нос.

Мишель довольно засопел. Поднялся с ковра, кинул взгляд на лежащего на полу хозяина. Положил камень на ладонь и начал что-то неразборчиво бормотать. Метеорит завибрировал и стал переливаться всеми цветами радуги. Татьяна заворуженно смотрела, не в силах отвести взгляда от ладони оруженосца, на которой творилось нечто невообразимое.

— Иди, хоть обнимемся на дорожку, — Мишель зажал камень в руке.

— А почему вы не исчезаете? — спросила девушка.

— Я еще последние слова заклинания не произнес. Ну, иди, не бойся.

Скрепя сердце девушка сделала робкий шаг к оруженосцу. Мишель схватил ее за руку, резко дернул к себе и, заключив в объятия, прошептал:

— Гизу, гицу, бац!

Вокруг все закружилось, стены завертелись. Таня попыталась вырваться из цепких рук оруженосца. Наконец она с силой оттолкнула Мишеля от себя и упала на спину. Прямо в холодную дорожную пыль.

— А на фиго нам принц, — донеслось до нее бормотание оруженосца. — Принц нам не нужен. Жалованья не платит, да еще и таскаешься с ним черт знает где.

Девушка огляделась. Вокруг простирались лишь бескрайние поля, да совсем далеко, почти у линии горизонта, виднелись покрытые шапками снегов вершины гор.

— Где я? — чуть слышно произнесла девушка.

Мишель поднял ее с земли.

— Отряхнись. Расселась тут в грязи.

Он повернулся и неспешно зашагал по дороге.

— Догоняй, — бросил он через плечо. — Нам еще три дня пути до моей деревни. Там и свадьбу сыграем.

На вогульской тропе

1

Стылая осенняя ночь вызвездила черное небо. Сквозь разлапистые ветви ели, под которой Артем и Фома устроили лежак, проглядывался Млечный Путь.

– Фомка, слышь?– Артем толкнул старшего брата локтем в бок.

– Че? – сквозь сон откликнулся тот.

– Старые люди говорят, что Млечный Путь – это отражение Урал-камня на небе.

– Ну?– промычал сонным голосом Фома.

– Ежели им верить, то гряда тянется не до восхода солнца, а идет поперек, до полуночи, – с жаром заговорил Артем.

– Да иди ты – сам поперек! – перебил его Фома, так и не поняв, о чем твердит неугомонный братка, натянул на голову войлочный колпак и снова уснул.

А Артем, не обращая внимания на посыл – неведомо куда, продолжал рассуждать вслух:

– Я думаю, что у Камня со стороны Сибири должен быть недалеко отсюда край. Ты сам посуди, ведь ходят вогулы откуда-то в пещеру у речки Чаньвы шаманить! Мне кажется, что их юрт где-то здесь недалеко стоит. И тропа у них короткая через перевал имеется, не в горах же они живут. Эти бестии хитрые: на камнях зверя мало, для него там прокорму нет, а вогулам без зверя никак нельзя. Значит, за хребтом есть угожие для жизни места, и я так кумекаю, что зверя дикого, непуганого там полным-полно. – Артем пристально посмотрел в звездное небо, будто хотел увидеть там то невиданное, о чем жаждал узнать, и продолжил с мечтательной ноткой в голосе: – Вот бы ту тропу тайную, вогульскую прознать и на те неведомые земли податься!

Фома давно уже уснул, а брат продолжал говорить дальше:

– Несколько лет тому назад, когда дружину на выручку Ермаку собирали, хотел я с войском на Тобол пойти, да тятка не отпустил – по молодости лет. Тока все одно: подмога не поспела вовремя к

атаману, припозднилось войско из-за долгого пути через горы. А потом, как-то летом, в Чердынь с Пелыма пришли ермаковские казаки, кои остались живыми после побоища. Так они две зимы из той Сибири большим округом возвращались. – Артем зевнул, усталость морила его, а веки сами собой смежались, но, борясь со сном, он договорил:

– А вогулов тех я выслежу, непременно выслежу, надобно прознать, где их юрт находится, должна у них быть прямая заветная тропа через Урал-камень. Так-то, братка, ей-ей, выслежу, зарок даю...

Умаянные дневным переходом по чащам и беракам, братья заснули крепким сном, и снилось им разное: Фоме – зырянка, которую он видел нынешним летом купающейся на озере, красивая статная девка с желтыми волосами. А Артему – длинный торный волок, ведущий до солнца. Он будто идет по волоку, хочет добраться до края и никак не может пройти. Вокруг горы со снежными вершинами и зеленые долины с голубыми жилками рек. И вот он почти уже у солнца, руки протяни, и можно будет потрогать его, но тяжелые неподъемные руки не слушаются Артема, а большое, холодное как лед солнце не греет, жжет холодом и слепит глаза, и где-то далеко-далеко слышится голос брата.

– Артюха, вставай, просыпайся, зима пришла, гляди, сколь снега навалило!

Очнувшись и открыв глаза, Артем увидел большие белые снежные хлопья, медленно падающие на лицо, они обжигали холодом кожу и, тая, текли за шиворот.

– Худо, Артюха, надо огонь налаживать, – суетился Фома, ломая сухой ельник, – мокрые мы далеко не уйдем. – Достал из-за пазухи кресало и трут, начал сечь искру, продолжая сетовать на природу. – Вот она, погода, будь она неладна! По несколько раз на дню меняется, все задумки наши повернула на свой лад. – Из-под согнувшейся спины брата потянулся сизый дымок; Фома, скрючившись на коленах

Валерий Дерябин родился в г. Верхотурье Свердловской области. По специальности электрик. Учился в петербургском театре-студии при ДДТ, мечтал стать актером. Но литература взяла верх. Статьи и рассказы печатал в местных газетах. В крупном жанре выступает впервые. Роман, который мы печатаем в журнальном варианте, — первая часть трилогии.

ках, раздул принявшийся тлеть пучок сухой травы, а когда пламя занялось, поднялся и с сожалением продолжил: — Теперь возвращаться придется, думали, успеем, а тут вон как вышло. Да не сиди ты, как пень, иди собери сушняка! Надо было с вечера наготовить. А ты... небо, звезды... тьфу, звездочет хренов! В прах ты раздери!

Артем поднялся, сбрасывая мокрый, налипший на зипун и колпак снег и на ходу разминая затекшие ноги, растирая друг о дружку окоченевшие кисти рук, пошел в чащу собирать сухие сучья. Утро еще не наступило, на востоке только-только начинало сизым туманом светиться предрассветное, затянутое тяжелыми облаками небо. От снежной белизны лес посветлел и хорошо проглядывался. Артем отошел от становища уже на приличное расстояние, а сушняк не попадался. Пиная ногой набодевшие от мокрого снега коряжины, выбирая дрова посуше, он думал про себя:

— Первая пороша, конечно, растает, по старым приметам настоящая зима придет только через месяц, но по такой погоде много по лесу не находишься. Версты две, три — и бахилы на ногах промокнут, натянута влага и будут, как пудовые гири.

Насобирав беремья смолистых сучьев, Артем хотел было уже возвращаться, но, услышав неподалеку шорохи, притаился за стволом кедра. Всматриваясь через просветы между деревьями, он увидел вереницу пеших людей с луками в остроконечных шапках. Тихо, не разговаривая, как будто крадучись, они прошли мимо, и, когда незнакомцы удалились от места, где он таился, на приличное расстояние, только тогда Артем перевел дух и вышел из укрытия. Осторожно, стараясь не шуметь, постоянно оглядываясь, он двинулся к своему стану.

Завидев вернувшегося брата, Фома нетерпеливо начал пенять ему:

— Где ты бродишь?! Надо было взять топор и свалить сухарину, а ты уперся черт-те куда!

А Артем с круглыми от страха глазами так и стоял с охапкой сучьев, все еще боясь наделать шума.

— Она вот, тока мимо прошла, — еле выговорил он шепотом.

— Ты че там бормочешь, кто прошла?

— Смерть, — уточнил брат, не меняя голоса. — Там вогулы были, ежели бы заметили, точно убили бы, что им, аспидам некрещеным, русскую душу загубить — раз плюнуть.

Фома выслушал брата и, оценив положение, тоже заговорил шепотом:

— Да положи ты эти сучки и расскажи толком, сколько их было, куда ушли?

Артем аккуратно, чтобы не шуметь, положил дрова, стал считать на пальцах:

— Точно не знаю, но, кажется, человек семь или осемь, а ушли они на встречу солнца, в сторону Урал-камня.

— Понятно, это они в пещеру шаманить ходили. Луна сейчас полная, вот они на нее свой бесовский

обряд и делали, а нынче колдовали, чтобы охота зимой на пушного зверя удачной была, — сделал вывод старший брат и продолжил рассуждать: — Их точно так же, как и нас, непогодь с ночевки подняла, вот они и двинулись в путь, пока снег идет и следы их заваливает. Хоронятся, чертовы дети.

— Фома, а вправду знающие люди говорят, что у вогулов в пещере золотая баба спрятана и золота в ней будто бы больше пуда, а они вокруг нее пляшут, стучат в бубны и по-звериному воют? Вот кабы их выследить и прознать про ту бабу!

— Золотая — не золотая, эту «бабу» я не видал, так что врать не буду, а вот каменную в степи на Волге, когда сюда на житье всем семейным гуртом перебирались, видел, — Фома приладил у кострища рогатину, начерпал в котелок снега, подвесил его над огнем, а между делом продолжал говорить: — Люди сказывали, там раньше народ степной жил, так они той «бабе», как Богу, молились, а потом с ними беда какая-то приключилась, вот они и ушли из тех мест и богиню свою оставили. — Фома пошарил рукой в берестяном коробе, вытащил из него краюху хлеба и, разломив ее пополам, поделился с братом. — Та каменюка, кажись, пудов на тридцать тянула, ух, и здоровенная же была. — Фома, объясняя, стал показывать на себе формы идола. — Груды большие, бедра крутые, красивая, как настоящая баба, только каменная. Ты тогда еще мальцом был, титьку мамкину сосал и пищал противно.

— Сам-то всего на три лета меня старше, как ты можешь помнить? — возразил Артем, забыв об опасности.

Фома спокойно подкинул в костер сучьев, немного подумал, вспоминая когда-то увиденное, и продолжил рассказ.

— Я хоть и пацаненком был, но она так врезалась в мою память, что я век ее не забуду. Я, может, тогда-то впервые в жизни и понял, что бабы не такие, как мы, все-то тело у них как-то по-другому устроено, вот, наверное, поэтому-то они для нас такие желанные, — задрав голову, он посмотрел на небо. — Светает уже. Давай-ка, братка, запарим брусники, согреться надо! Да достань из короба вяленой сохатины, поспедаем и домой собираться будем.

— Как домой?! — возмутился Артем. — А тятькин наказ?! Ежели не выполним, он шибко осерчает, да и зря мы, что ли, столько верст отпехали? — Артем в азарте вскочил с валежины на ноги и начал доказывать Фоме неправильность его решения. — Тут идти-то один день осталось! К полудню дойдем до верховьев Усолки добраться сможем. Нет, Фома, ты как хошь, а я обратно домой не пойду. Нам нынче до морозов обязательно надо успеть землянку вырыть и место отделянить под новые срубы. Ежели батяня решил следующим летом отселяться на новые земли, значит, так оно и должно быть. Тебе же жениться пора! В Чердыни изба маленькая, на всех места не хватает, да и с землицей там плохо, вон из России

ныне сколь народу понаперло, а здесь, на Усолке, простор, тайга, дома поставим, по лесу пал пустим, пни раскорчует под пашню, пшеничку посеет, зимой охотиться будем, живи потом да радуйся.

— Экой ты быстрый?! — вспыхнул Фома, поправил над кострищем котелок с водой, бросил в него жменю брусники. — Тут работы непочатый край, а он уже размечтался! Пупок у тебя от натуги развяжется. Батя на печи, небось, сейчас греется, а мы тут пропадаем из-за его прихотей.

— Эх, Фома, — укоризненно заметил Артем, снял с перекладки котелок, разлил в две деревянные плошки запаренный брусничник, подал одну брату, сам с другой сел на валежину и, прихлебывая горячий отвар, продолжил: — Так и скажи, что по стрелецкой вдове соскучился, думаешь, я не знаю, что ты каждую ночь к ней шастаешь. Грех это невенчанными любиться-то.

— Много, сопляк, ты в любви понимаешь, молоко на губах еще не обсохло, а туда же, корить меня вздумал, может, промеж нас взаимность большая, жалею я ее. — Фома, швыряя, отхлебнул из своей плошки. — Она с сыном своим одна-одинешенька на белом свете осталась, нет у нее никого более, кроме меня. — Фома, отвернувшись от брата, стал усердно жевать вяленое мясо, вспоминая жаркие объятия стрелецкой вдовушки.

Артем тоже думал о женщине, только о той, которая у вогулов в пещере спрятана: «Хоть бы одним глазком поглядеть на нее, какая она, золотая баба».

Молча поели, каждый со своими думками, стали собираться в путь. Первым не выдержал и заговорил Артем:

— Братка, ты это, слышь, не сердчай на меня. Ну никак нам сейчас домой нельзя, тятка шибко ругаться будет, может, даже и побьет, скажет, испугались, а я трудностей не боюсь: вот он повелит мне еще тысячу верст идти, я и слова не скажу, пойду, потому как мне самому интересно познавать все. А насчет тяти, так ты и сам знаешь, ему ныне некогда дома-то сидеть, он с челобитной к воеводе да целовальникам ходит — за грамотой на новые земли. Как там у него еще сладится... Чтобы разрешение получить, сколько нужно порогов оббить, — вразумлял Артем брата.

— Да понимаю я, — откликнулся Фома, — только что он все время мной верховодит, я, может, не хочу из Чердыни перебираться не знамо куда, будем одни куковать на этой Усолке, с медведями хороводы водить. Что стоишь, подсоби лучше!

Артем помог Фоме закинуть берестяной короб с провизией на плечи, сам взял мешок со снастями для охоты, заткнул за пояс топор. Перекрестились на дорожку, еще раз осмотрели место ночлега — не оставили ли чего? И торя путь по свежему, мокрому снегу, пошли в верховья реки Усолки, где их отец надумал строить новый дом, починок.

К вечеру того же дня добрались до места. Сырой снег валил весь день не переставая, и они, мокрые

и уставшие, с избитыми ногами, сразу стали ставить шалаш, чтобы успеть дотемна определиться с ночлегом. Артем орудовал топором, готовя жерди, Фома укладывал их, делая остов временного жилища. Затем лежак и кровлю устлали еловыми ветками. Справившись с шалашом, развели костер так, чтобы тепло огня отсекало холодный воздух от входа.

— Ну вот, теперь можно и передохнуть, — заявил Фома и растянулся на ветках, подставив к костру ноги в мокрых бахилах. — Надо будет всю ночь огонь поддерживать, чтобы одежда к утру просохла. Давай зараз повечеряем, и я до середины ночи лягу спать, а потом ты до утра отдыхать будешь — все равно рано не уснешь, пока не выговоришься.

На том и порешили. Оставшись один, Артемка заскучал. Развесил на жерди у костра сырые портянки, расставил бахилы, чтоб сохли, сел на кучу елового лапника и с удовольствием протянул босые озябшие ноги к огню.

— Эх, брат, много чего я еще не знаю, а хотелось бы ведать, как люди в других краях живут, что делают, чем промышляют. Жалко, грамоты у меня маловато, счет веду на пальцах, читаю через пень-колоду, а писать так и вовсе не умею. А говорят, что книги есть мудрые, вот бы их почитать, да где ж их взять? Они денег больших стоят. Тятка на учение-то денег жалеет, а на книжки так и вовсе не даст, скряга он у нас. Даже на лопаты железные деньги зажилил, а как копать, ежели земля замерзнет или на галечник наткнемся? Выкручивайся, как можешь.

Так и пробеседовал он с огнем полночи, костер потихоньку прогорал.

Зябко пожившись, Артем отвернулся от костра, чтобы взять дров. И тут увидел, как из темной лесной чащи наблюдают за ним зеленые, светящиеся глаза. Мороз пошел у него по коже, но, взяв себя в руки, не показывая вида, что испугался, Артем спокойно подкинул поленья в костер и сказал жадно облизывающему свежие поленья огню:

— Вот и первая гостя к нам пожаловала. Теперь эта любопытная чертяка от нас не отстанет, так и будет подглядывать да выслеживать, каналья, — и, подбадривая себя, продолжил: — Надо как-то взяться за эту хитрюлю, петли да самострелы кругом починка поставить. А рысья шкура ныне хоть и не в большой цене, но шапка из нее на зиму будет добра.

— С кем ты опять там болтаешь, — послышался сонный голос Фомы, — все никак не можешь угомониться, — он задом вылез из шалаша и сладко потянулся.

— Ты бы, братка, поспал еще чуток, а я посижу, покараулю, — извинительным тоном ответил Артем.

— Да какой тут сон, ежели уже поднялся. Иди, ложись, отдохни до утра, теперь мой черед караул держать.

Артем без слов полез в шалаш, лег на нагретый Фомой лежак, укрылся зипуном, свернулся по детски калачиком и крепко заснул.

Сон пришел сразу, цветной и яркий. Красивая, золотом сверкающая женщина танцевала вокруг Артема странный танец. Она держала в руках большой бубен и, ритмично ударяя в него, приплясывая, двигалась по кругу. Одежда на ней была золотой и прозрачной, а на ногах — маленькие звонкие бубенцы-колокольчики. Артем стоял в кругу танца, наблюдая за движениями женщины в золотом, и казалось ему, что она и ее танец оберегают его от всех бед и напастей, какие подстерегают его в жизни, и от этого на душе было легко и спокойно.

Когда он проснулся и вылез из шалаша, то увидел яркий ровный рассвет по всему востоку, небо было чистым и прозрачным, без облаков. Тайга опять переменилась. Поднявшийся ночью ветер пригнал теплый воздух с полудня, и кое-где с пригорков уже сполз снег. День обещал быть ведренным — хорошим и теплым. Оглядевшись, Артем не увидел Фому. Он обул высохшие бахилы, вышел на берег реки, умылся холодной проточной водой и, заслышав, как недалеко из чащи доносились удары топора, на ходу вытираясь краем рубахи, пошел на стук. Пройдя немного вдоль речки, увидел брата. Фома в одной рубахе валил осинник на взгорке у реки, приметив Артема, он перестал рубить и, утирая рукавом пот с лица, спросил:

— Ну что, братка, проснулся? А я не стал тебя будить, думаю, пусть отдохнет, еще успеет поработаться. Гляди, какое место для землянки выбрал, на бугре, и речка рядом. Сегодня здесь все расчистим, свалим деревья, пни выкорчуем, а завтра начнем копать. А ты пока иди, приготовь поесть что-нибудь, а потом меня кликнешь, лады?

— Лады, братка, — согласился Артем и пошел на стан кашеварить. При подходе к шалашу он увидел рысь, она тащила по земле за лямки тяжелый берестяной короб с провизией. Артем схватил жердь, оставшуюся неприбранной от шалаша, и побежал на зверя:

— Ах ты, ворюга этакая, на чужое позарилась?! А ну пошла вон!

Рысь выпустила лямки и, оскалившись, встала в стойку для атаки, но дубина в руках человека была длинной и увесистой, а крик угрожающим. Хитрый зверь, оценив положение, испугался и бросился в лес, на ходу оглядываясь.

Когда Фома пришел на стан обедать, Артем с азартом и блеском в глазах рассказал брату о недавнем происшествии и прямо сейчас был готов идти и ловить зверя, но Фома рассудил иначе:

— Ты, братка, охолонься малость, никуда она от нас не денется. Это ее охотничьи угоды, а мы вторглись в них непрошенными, вот она и противится нам, пакостит, не знает, что мы скоро тут хозяевами будем. Вот устроимся на этом месте, потом и займемся зверем.

2

Три дня братья строили новое жилище. Первый день рыли землю деревянными лопатами, выру-

бленными из березовых плах. Корневища деревьев, какие попадались в котловине, подсекали топором. Почва на выбранном под зимовье месте была глинистая, наполовину с песком, и копалось легко. К вечеру того же дня они без особых усилий управились с ямой. На второй, чтобы не осыпалась земля и не было сырости, срубили из дрючка стены. Сбили из сырой глины печку, дымоход вывели через стену, прокопав в земле боров, трубу для устойчивости сплели из ивой лозы и, чтобы она не прогорела, обмазали толстым слоем глины. Третий день ушел на устройство крыши. Выложили плотно жердями скат, заложили сверху дерном, сколотили нары и навесили дверь. К вечеру перебрались в готовую землянку, натопили печь и, плотно повечеряв, улеглись на нары отдыхать.

— Слышь, Фома, а завтра что будем делать? — спросил Артем.

Брат, немного подумав, ответил:

— Лес нужно на срубы отобрать и засечки на стволах поставить. Когда зимой валить его будем, то в поисках хорошей лесины не понадобится лазить по сугробам, а прямехонько от дерева к дереву идти, надо, чтоб их друг от дружки хорошо видно было.

— А можно я на охоту пойду? Топор-то один, че я за тобой топтаться буду, ты и сам справишься, а я тем времечком самострелы поставлю. Одолела уже эта дикая кошка, каждую ночь вокруг ходит. Так пойдешь ночью до ветру, а она тебе на загривок и упадет.

— Ладно, иди. Только давай договоримся, кто к отцу на доклад пойдет, — сказал Фома и пылливо посмотрел на брата.

Артем, поняв намек, сразу согласился:

— А ты и пойдешь, завтра зарубки поставь и топай, а я тут останусь — хозяйство наше новое стеречь.

Фома, удовлетворенный ответом, весело хлопнул брата по плечу:

— Вот и ладно, договорились, только нас с отцом рано не жди, мы с лошастью на санях приедем, когда снег встанет. Как будешь жить тут один? Нас недели две не будет, а то и больше. Справишься?

— Ничего, съестных припасов мне хватит, крупа есть, мясо добуду, заняться есть чем, а в городе у меня и дел-то никаких нет.

Давно Артем мечтал остаться один, без опеки отца и брата, а тут сразу столько воли, сам себе хозяин — хошь в лес иди, а хошь дома сиди. И он сразу стал думать и рассуждать, как распорядиться свободой.

Перво-наперво к приезду отца надо выловить рысь. «Вот тятя удивится, ежели я ее в одиночку одолею», — с мыслями о предстоящей жизни и неминуемой схватке с опасным зверем Артем уснул. Мерцающий огонек догорающей лучины превратился в зеленые глаза, неотступно следившие за ним. От звериного взгляда ему было жутко и страшно, но стоило появиться девушке с бубном и в золотых одеждах, как кошачьи глаза исчезли, а продолжающийся сон стал спокойным и приятным.

На следующий день братья, как и договаривались, разошлись каждый по своим делам.

Артем, взяв снасти для ловушек, пошел смотреть, где наиболее часто встречаются следы, чтобы узнать, с какой стороны приходит зверь. Пробрался через тальник вниз по течению вдоль речки и, не найдя следов зверя к водопою, через версту повернул от берега в обход лагеря. Много лес рассказывал ему своим осенним безмолвием. Мелкие птицы, какие любят тепло, уже улетели, а в небе пролетали последние караваны северных гусей и уток. Вот медведь разворошил муравейник, а тут метка его территории, на высоте косой сажени на стволе дерева содрана когтями кора. «Вот и ладно, — подумал Артем, — топтыгин скоро завалится спать, если найду берлогу, то на зиму будет богатый запас мяса». Пройдя версты две, загибая чуть-чуть влево, среди глухого леса он наткнулся на странный высокий холм, поросший мелкоколесьем и шиповником. Обойдя вдоль подошвы вокруг холма, он решил подняться наверх.

Карабкаясь по крутому склону, цепляясь за стволы деревьев, Артем забрался на вершину и оказался на плоской возвышенности окружностью в двадцать простых сажень. Среди кустов шиповника и жимолости на ней росло одно-единственное дерево — лиственница. Когда-то давно молнией или ветром у нее была сломлена вершина, и теперь на месте слома росло две макушки, образуя подобие седловины. Подойдя ближе к дереву, Артем увидел следы рысьих когтей.

— Вот ты, милая, где отдыхаешь — достойное место для хитрого зверя. Вся окрестность просматривается как на ладони, значит, когда я сюда шел, ты меня видела, а теперь где-то притаилась и наблюдаешь за мной?— от этой догадки ему стало жутко, Артем огляделся вокруг, всматриваясь в кусты ниже холма, и, ничего не увидев, решил спуститься обратно. Одной рукой цепляясь за кустарник и стволы деревьев, чтобы не сорваться, в другой держа нож, озираясь по сторонам, он благополучно добрался до основания холма. Посмотрел еще раз вверх и с восхищением сказал:

— Великий труд — такое нагородить. Чьих же это рук дело, Бога или человека?— спросил он сам у себя и, не найдя ответа, двинулся дальше, продолжая оглядываться и озираясь. Но чувство, что кто-то смотрит ему вслед, не оставляло его еще долго, будоража мурашками спину.

Пройдя несколько верст по неосвоенному лесу, Артем запомнил, где встречал зверя, или приметы, указывающие на то, что он здесь водится. В двух удобных местах поставил петли на косуль, нашел болотину с крупной клюквой и глухариный ток. И, совершенно умаянный, вышел на берег реки, на пару верст выше своего стана.

Проходя вдоль речки, он заметил на пригорке заросшую ивняком землянку. Она была точно такая же, как и у них, но только ветхая и давно заброшенная.

— Надо же, я думал, мы здесь первые, а тут, оказывается, и до нас люди жили, — с этими словами он подошел и заглянул внутрь через открытую, висевшую на одной петле, дверь.

Когда глаза привыкли к темноте, в сумраке различил развалившуюся глиняную печь и нары. Не приметив ничего более интересного, хотел было идти, но увидел в углу на полу маленькую детскую игрушку. Это была фигурка женщины из обожженной глины, похожая на куклы, какими играли его сестры, но не такая, и ему почему-то захотелось взять ее. Он аккуратно, боясь сломать, положил игрушку за пазуху и побрел в сторону своего стана. Солнце катилось к закату, и мысль о том, что сейчас надо будет топить печь, готовить вечерю, а затем ночевать одному в глухом лесу, наводила тоску. Но на подходе к становищу он почувствовал запах дыма и, обрадованный, что Фома еще не ушел, ускорил шаг.

Брат суетился возле землянки, и, как бывает в лесу, когда долго не слышишь человеческую речь, Артем издали радостно закричал:

— Я думал, ты уже домой топаешь, а ты еще здесь, и, судя по запаху на весь лес, кашу варишь?

Пока вечеряли, Артем взахлеб с упоением рассказывал увиденное им за день. Про большого медведя, про странный холм, на котором отдыхает рысь, и про чужую брошенную землянку. Вспомнив про куклу, вытащил ее из-за пазухи и показал брату.

— Ну и что? Таких-то я и сам тебе налеплю сколь хошь, — заявил, не удивившись, Фома.

— Нет, Фома, я чувствую, что это какая-то особенная кукла. Вот лежит у меня за пазухой, вроде бы простая глина, а меня греет. Как это можно объяснить?

— О! Артем, тебя опять понесло куда-то! Все в сказки да небылицы веришь: нагрел куклу своим пузом и думаешь теперь невесть Бог что.

Фома улегся на нары, укрылся своим зипунишком и сразу захрапел, оставив брата наедине со своими думами.

Долго Артем не мог уснуть, все ворочался с боку на бок, вроде бы и устал, и спать хотелось, а сна не было. Храп брата и духота от жарко натопленной печи выгнали его на свежий воздух. Тонкий серп народившегося месяца слабо освещал землю. Лес вокруг стоял непроглядный и темный. Артем пристально вгляделся в стену черного леса, пытаясь рассмотреть в чаще хитрые, зеленые глаза зверя.

— Странно, — рассуждал он, — вражда тоже сближает. Рысь — мне враг, а я постоянно о ней думаю. Я ее не вижу, но чувствую, что она где-то здесь, рядом. Обо мне она знает больше, чем я о ней. Сидит сейчас где-то в кустах; смотрит и решает, как одолеть меня.

Артем зашел в землянку, залез на нары, продолжая рассуждать.

— Правильно говорит братка, для зверя тайга — дом родной, а мы приходим и начинаем делать все по-своему, а кому это понравится, вот зверь и защищает себя и свой дом, противится нашему присутствию и вторжению в его владения. Эх, кабы знать, чем это наше противостояние кончится.

Утром Фома, как и обещал, определил Артему участок работы.

Когда Фома ушел, Артем побежал в тайгу снимать петли, которые он прошлым днем поставил на косуль.

Сняв первую, он пошел за следующей. Подходя к месту, где была поставлена вторая ловушка, он сначала услышал хриплый рык, а затем увидел рысь, она лежала на пойманной в петлю, наполовину изглоданной косуле и скалилась на него, не желая уступать добычу. Хищник не смог утащить оленя в укромное место из-за крепкой петли, сплетенной из конского волоса, которая другим концом была привязана к стволу дерева, и поэтому рвал свежее парное мясо, там, где его и нашел.

Артем растерялся, не зная, что делать. Он осторожно достал свой нож и сделал в сторону зверя шаг, рысь поднялась и угрожающе оскалилась на непрошеного гостя. Так они стояли и смотрели друг другу в глаза, каждый не решаясь напасть первым. Неизвестно, сколько могло продолжаться их противостояние, но в этот момент на запах крови из чащи вышел медведь и ринулся всей громадной тушей на рысь, не обращая внимания на человека. Кошка, огрызаясь, отошла в сторону, отдавая добычу сильнейшему. Артем тем временем потихоньку стал отступать назад. А затем со всех ног пустился бежать в

сторону своей землянки, на ходу думая: «Бог с ней, с этой косулей, мясо все равно уже испорчено, а вот ловушку жалко, надо будет потом сходить подобрать, ежели медведь ее не издерет».

Весь вечер Артем провалялся на нарах, решая, как одолеть рысь. «Эта пакостница повадится снимать из капканов легкую добычу, и, пока ее не изведешь, силки на другого зверя ставить бесполезно, — размышлял он. — А как работать с оглядкой? Того и гляди, где-нибудь подкараулит, и был таков Артем Сафонов. Вот кабы мне ружье, как у стрельцов, да где его взять? Они только у богатых и у служилых людей имеются, им по царской отписке положено, и то не каждому. Самострелов у меня маловато, а мастерить новые некогда, сколько есть завтра, все поставлю в укромных местах вдоль участка, все одно спокойней будет».

На следующий день Артем, расставив самострелы, принялся за чистку делянки. Каждый день работал, вырубал кустарник, валил тонкомер и складывал в штабеля, с утра до вечера палил костры, сжигая отходы. На исходе третьей недели он закончил всю работу, которую наказал ему брат. Вот уже два дня сидел, ничего не делая. Продукты, какие были рассчитаны на половину месяца, закончились, а долгожданного снега все не было.

Утром, проснувшись, он вышел из землянки и опять обнаружил около нее свежие следы рыси, ни один самострел за это время так и не сработал. Хитрый зверь, чуя опасность, обходил ловушки и самострелы стороной. Артем озадачился, думая, как одолеть обнаглевшую кошку, стал припоминать охотничьи байки и истории, слышанные им когда-то от бывалых людей: как ловить такого зверя и чем его можно одолеть. Дядька Андрей, отец его друга и соседа Савки, говорил: «Рысь любит жареное мясо. После того, как мужики пустят пал по тайге, чтобы освободить будущие пахотные земли от леса, на гарь всегда приходит рысь, полакомиться попавшим под огонь погибшим мелким зверьем и птицей». И Артем сообразил.

«Я самострелы ставлю на пустую растяжку, а глазастый и хитрый зверь чует уловку и не лезет на рожон. Значит, надо брать ее на приманку, от которой она не сможет отказаться», — решил он и принялся за дело. Свил из конского волоса несколько маленьких петель, нарвал гроздьев красной рябины и установил силки на рябчика. К вечеру того же дня в его петли попались две птицы. Не ощипывая, поджарил их на костре. Затем выбрал подходящее дерево с толстым поперечным сучком, привязал тушки рябчиков к концу длинной веревки и, перекинув ее через сук, подтянул жареную дичь на высоту аршина от земли, а другой конец веревки насторожил на спусковом механизме самострела, установленного и замаскированного в кустах напротив висевшей приманки.

На следующий день утром Артем встал спозаранку и с нетерпением ждал рассвета, а когда чуть-

чуть забрезжил белым светом восток и начали вырисовываться очертания деревьев, он взял, сам не зная зачем, глиняную куклу, положил ее за пазуху и помчался в лес, где был установлен самострел. Прибежав на место, он увидел, что идея его сработала: земля и сухая трава вокруг были усеяны бурыми, похожими на бусины, каплями крови, но самой рыси не было ни раненой, ни убитой. Он прошел по направлению, куда был установлен самострел, и неподалеку нашел свою стрелу, она попала в зверя и прошла его навывлет. «Кошку так просто не убьешь, они живучи», – подумал он, успокаивая себя. От нахлынувшего волнения и дрожи в коленях на него навалилась слабость, и, дабы не пороть горячку, он решил переждать сумерки и потом во что бы то ни стало найти подранка. Дождавшись полного рассвета, когда начал хорошо просматриваться лес, Артем осторожно двинулся по кровавому следу. Пройдя несколько верст по направлению рысего пути, он догадался: «Зверь идет зализывать раны к своему лежбищу на бугре, где стоит рогатая лиственница. И когда он будет приближаться к ее логову, рысь непременно заметит его и приготовится к встрече».

У подножия холма Артем перевел дух, подготавливая себя к предстоящей схватке, которая неминуемо приближалась. То, что рысь ранена, на это не стоит рассчитывать, он знал, что зверь до конца будет защищать свою жизнь и святая-святых – место лежбища, а это значит – родной дом. Он натянул глубоко на голову шапку, поднял воротник и плотно подпоясался. Взял в правую руку нож и, осторожно озираясь вокруг, примечая каждое малейшее движение, опираясь ногами о корневища деревьев, начал тихо подниматься вверх по склону. С каждым последующим шагом он острее чувствовал опасность положения, в котором находился. Противник неминуемо должен воспользоваться своим преимуществом и напасть первым. От этой мысли ему враз стало жарко, а сердце бешено заколотилось, отдаваясь в висках. В какой-то момент Артем хотел снять тяжелый, неуклюжий зипун и подниматься налегке, но вовремя одумался, вспомнив глубокие следы от когтей, оставленные зверем на коре лиственницы.

Каждое мгновение он ждал нападения, но все равно это случилось неожиданно. Когда до вершины оставалось три сажени, зверь внезапно выпрыгнул из-за среза холма. Артем успел заметить оскал и выпущенные когти – и все это летело сверху на его голову. Он вскинул руку с ножом в сторону атакующего зверя, и полетел рычащий комок из двух тел под откос, подминая кусты колючего шиповника. Скатившись к подножию холма, клубок распался, несколько долей мгновения противники смотрели друг другу в глаза, и перед тем как вновь с яростью броситься в смертельную схватку, Артем увидел торчащую из груди рыси рукоятку его ножа. Зверь точно рассчитал последний свой прыжок. Оскалившись, кошка кинулась на врага, вцепилась пастью в поднятый воротник, перехватив человеку шею, тот,

в свою очередь, обхватил ее и сильно притянул к себе, вдавливая своей грудью нож вместе с рукояткой. Рысь в предсмертной агонии сучила задними лапами, раздирая когтями его одежду и тело, продолжая держаться мертвой хваткой за горло ненавистного ей человека.

Когда все кончилось, Артем из последних сил свалил с себя окровавленную тушу и остался лежать на спине. Теряя последние силы, он всматривался в бездонное синее небо, как будто хотел увидеть там Бога. Многочисленные раны его сочились кровью, окрашивая в багряный цвет сухую траву и землю вокруг, а из-под рваных лохмотьев виднелась маленькая глиняная детская игрушка...

Артему казалось, что он лежит в темной сырой пещере, похожей на пасть чудовища. Бредовое его сознание сузило небо над ним до крохотных размеров, и высоко в своде пещеры светился маленький голубой лоскуток, а по нему проплывали легкие облака, похожие на ангелов с белыми пушистыми крыльями. Все его сознание стремилось туда, наверх, в проем, к свету, к теплу, к жизни. Не в силах подняться, он с надеждой всматривался в голубое небо и плывущие облака, желая увидеть ее, ту, которую ждал. И девушка появилась: вся в золотом, она склонилась над ним, заслоняя собой небо и ангелов, а потом понеслась и танцевала странный танец, стучала в бубен и звенела колокольчиками. И вот она вовсе уже и не золотая баба, а простая селянка в крестьянском сарафане, подает ему чашу, предлагая выпить зелье. Он с жадностью пьет и снова проваливается в темноту. А девушка в золотом несется по кругу, развеваясь прозрачными одеждами, бьет в бубен, звенит колокольцами, заклиная языческих богов, потом она опять превращается в простую девушку, склоняется над ним и шепчет молитву...

3

Артем открыл глаза. Тени от пламени очага прыгали по потолку, сложенному из жердей, как в их землянке, но пахло сухим разнотравьем, и он сразу догадался, что находится в другом месте. Обводя взглядом избу, увидел за грубо сбитым столом сидящую спиной к нему девушку. Ее тяжелая желтая коса тянулась по обтянутой рубахой спине и свисала почти до самого пола. Услышав шорох, она повернулась, заметила, что незнакомец очнулся, встала и подошла к нарам, на которых он лежал. Наклонившись над его головой, произнесла непонятное слово и улыбнулась. Артем сразу узнал ее – это была девушка из его снов, танцующая золотая баба, он хотел поднять и протянуть руку, чтобы дотронуться до нее, проверить, настоящая или видение, и не смог, лишь только прошептал: «Золотая». Резанувшая по горлу боль не дала выговорить второе слово, но этого было и не нужно, потому что перед ним стояла красавица, которую никак нельзя назвать бабой. Девушка взяла со стола глиняную плошку и, заботливо поддерживая его голову, поднесла к пересохшим губам зелье.

Превозмогая боль в горле, Артем сделал несколько глотков и по вкусу определил, что это отвар клюквы, меда и еще чего-то. Передохнув немного, он допил остатки и, устало прикрыв глаза, снова уснул.

В следующий раз, когда он опять очнулся, девушка так же сидела за столом и при свете масляной лампы что-то шила. Не шевелясь, боясь спугнуть видение, Артем лежал тихо и наблюдал. Свет от лампы освещал часть лица девушки, ее золотая кожа как будто светилась изнутри, излучая тепло. При каждом взмахе руки, когда она тянула иголку с ниткой, льняная рубаша обтягивала гибкий стан, вырисовывая девичью грудь, возбуждая в душе Артема ранее не испытанное чувство.

Закончив шитье, она встала, встряхнула то, что штопала, и посмотрела на просвет, нет ли еще дыр. Артем, украдкой подглядывая за ней, разглядел в ее руках свои штаны и с ужасом понял, что он лежит под одеялом из овечьих шкур совсем голый и что эта красавица раздевала и отмывала его от крови, смазывала и лечила раны, а он был беспомощным, как маленький ребенок, и ничего не осознавал. Девушка, почувствовав взгляд, резко повернулась в его сторону. Артем не успел прикрыть глаза и от стыда покраснел. Она быстро проговорила несколько непонятных слов на языке зырян, а потом, картавя, медленно и путая буквы, сказала на русском:

— Нехорошо глядеть на девушек тайно.

Кинула штаны на скамейку, на которой сидела, отошла в дальний темный угол и надела поверх рубашки сарафан. Вернувшись к столу, прибрала нитки и иглу в берестяную коробочку, поставила ее на полку за икону Богородицы, перекрестилась, прошептала на своем языке короткую молитву. Оправившись от смущения, подошла к Артему, села на край нар и спросила:

— Как тебя зовут?

— Артем, или как мама — Артюша, — хрипя горлом, ответил он.

— А меня Прасковья, но отец иногда завет Горазуль.

— Ну Прасковья — это понятно, а что такое Горазуль?

— Это желтый луговой цветок, круглый такой, на бубенчик похожий, — объяснила она, растягивая букву «л».

— Купавка по-нашему, — уточнил Артем, — а ты похожа на этот цветок, такая же золотая, значит, тебя можно звать Купава.

— Красивое имя Ку-па-ва, — произнесла она по слогам.

— А как я к вам попал?

— Я тебя принесла.

— Принесла? — удивился он.

Прасковья озорно соскочила с нар и показала, как она его тащила на себе. Потом присела обратно и серьезно сказала:

— Я в деревню бегала маму с младшими проводить, пока отец в парму ходит, а на обратном пути

моя собака кровь почуяла и на тебя вывела. Ты очень плохой был, жизнь быстро вытекала из твоего тела, еще немного, и я ничего не смогла бы сделать.

— Далеко отсюда ваша деревня? — спросил Артем.

— Половину дня ходить, туда я утром вышла, а вечером обратно возвращалась и на тебя наткнулась.

— Сколько я уже здесь?

— Две ночи и второй день.

— И все эти дни я вот так пролежал?

— Ты уже приходил в себя и хотел разговаривать, но не мог. У тебя много крови вышло, и ты сильно ослаб, поэтому и не помнишь.

— Скажи, а снег идет?

— Да, второй день идет.

— У меня тятя с братом должны приехать, что они подумают, ежели меня на месте не застанут?

— Тебе завтра все равно уходить надо, отец придет с охоты, ему не понравится, ежели у нас чужой будет, он русских не любит.

— Почему твой отец не любит нас?

— Ваш царь ясак берет соболями по одному в год с лука, а за что? За то, что вы пришли к нам?

— Значит, татары сибирские лучше?

— Нет, они хуже, налетят, пожгут и разорят все, людей с собой заберут, от них беда одна.

— Вот вы и платите московскому царю за спокойствие, потому что он вас от татар защищает, а что лучше, отдать жизнь или одного соболя в год? — гордо спросил Артем.

— Соболя лучше, — она встала, подошла к полке с иконой, взяла с нее что-то, вернулась на место, держа в руках глиняную куклу, спросила:

— Откуда у тебя это?

— Я ее в старой заброшенной землянке нашел, — ответил он.

— Это моя игрушка, я с ней игралась, когда маленькая была, мне ее моя бабушка подарила. Раньше там наше зимовье было, и, когда мы сюда перебирались, я ее потеряла. Это — прародительница, хранительница домашнего очага. Много зим и лет назад наш народ в духов верил, потом пришли русские и перекрестили нас, но мы все равно не забываем наших богов и приносим им жертвы. Собираемся на горе духов и устраиваем игры. В эти дни парни сватаются к девушкам, и если девушка дает свое согласие, то они, держась за руки, прыгают через огонь, проходят первое испытание, а если жених не сможет удержать руку своей возлюбленной, когда прыгают, то девушка вправе изменить свое решение.

Она закончила говорить и притихла, разглядывая куклу. Артем догадался, что девушка вспомнила что-то и по этой причине загрустила, не удержался и спросил:

— А у тебя жених есть?

— Да, — коротко ответила она и еще ниже опустила голову; немного помолчав, продолжила: — Сосед

наш, Николька, мы с ним с детства вместе, но как подумаю, что с ним жить, так хоть в петлю лезь, не любю он мне. А родители наши сговорились, что нынче на Крещение он попросит моего согласия и пришлет сватов, а на Масленицу решено играть свадьбу.

– Значит, у вас тоже родители все решают? – сделал заключение Артем.

Прасковья кивнула головой и отвернулась, пряча от постороннего наворачившиеся на глаза слезы. Он, не найдя слов, дотронулся до ее плеча рукой и тихонечко погладил, она, почувствовав его прикосновение, вздрогнула, но не отстранилась, а даже, как показалось Артему, чуть-чуть подалась к нему. Немного посидев, Прасковья резко встала и спросила:

– Ты, наверное, есть хочешь? А я все разговорами тебя кормлю, я еще утром уток отварила, сейчас разогрею. У тебя крови много пропало, тебе кушать надо, чтобы сила была.

И, не дожидаясь ответа, засуетилась, раздула почти потухший очаг, подкинула в него дров, поставила в загнетку на глиняной поверхности печи казан. Затем вышла из избушки и вернулась обратно, держа в руках его нижнее белье, чистое и заштопанное, положила рядом с Артемом на край нар и спросила:

– Сам сможешь надеть?

Артем утвердительно кивнул головой, хотя и не был уверен, что у него получится. Прасковья, накинув на плечи изношенный отцовский кафтан, выбежала из избушки, давая возможность ему одеться. Артем приподнялся на лежаке, выпростал ноги из-под одеяла и спустил их с нар. Он оглядел себя: шея, живот и бедро левой ноги были туго перевязаны домотканой холстиной из крапивы, от нее силь-

но пахло смолой и медом, все тело саднило и чесалось, в некоторых местах, где раны были наиболее глубокими, сквозь материю просочилась кровь. Делая большие усилия, преодолевая боль, кое-как натянул исподнее. Голова его закружилась, он побледнел, к горлу подступила тошнота, не хватало сил поднять руки и надеть на себя нижнюю рубашу. Артем сидел на нарах и едва не рыдал от своей слабости – молодой и крепкий парень был не в состоянии одеться сам!

Войдя в избушку, Прасковья увидела его обессиленные руки с наполовину натянутой на них рубашкой. Подошла и помогла ему справиться, при этом встала так близко, что он чувствовал своими коленями ее упругие бедра, а в вырезе сорочки, когда она нагнулась расправить подол его рубахи, он заметил округлость девичьей груди. Сладкий запах, идущий от ее тела, дурманил и без того кружившуюся голову Артема, он не удержался и обхватил руками ее талию, но девушка выскользнула из слабых рук, засмеялась и, погрозив пальцем, сказала:

– Негоже брать то, что тебе еще не принадлежит. Если есть силы распускать руки, то сможешь и до дома своего дойти.

Артем покраснел и, не зная, куда от стыда глаза девать, мямлил, оправдываясь:

– Я не хотел тебя обидеть... это как-то само получилось... ты такая пригожая, что я не удержался и... Я больше не буду.

Она отвернулась от него, улыбнулась украдкой, а затем сняла с печи казан, поставила его на стол и сказала, придав голосу строгости:

– Давай сейчас повечеряем, и ложись спать, завтра утром я тебя рано подниму.

Прасковья растеребила мясо уток в большой деревянной чашке, залила наваристым бульоном из казана, заправила варево луком, разломала ржаной хлебец и усадила Артема за стол; подала большую деревянную ложку.

Ели молча. Вот уже третий день он ничего не брал в рот, но из-за боли в горле налегал на жидкий отвар, откусывая хлебец мелкими кусочками. Ему было совестно за свой поступок, и он думал, как загладить вину и с чего начать разговор. На его счастье, Прасковья заговорила первой, задав неожиданный вопрос:

– Зачем ты ее убил?

– Кого?— удивился он, но, сразу догадавшись, о ком идет речь, пояснил: — Она ловушки мои стала разорять, зверя с капканов снимать, каждую ночь приходила к нашей землянке. Так что тут вопрос стоял, кто кого одолеет. А что?

– По нашим поверьям, рысь охраняет древний курган, ты убил эту, а на ее место все равно придет другая. Это их земля, и они тебе не дадут там охотиться, чтобы ты не тревожил покой умерших.

– Так это могильник, а я-то думаю, кто такое нагородил? Тогда понятно. И что мне теперь делать, если ты говоришь, что на ее место придет другая?

– Надо приносить жертву. Если убьешь лося — оставь лытку от ноги, поймашь утку — оставь крыло, и тогда они не будут тебе вредить. Но на курган лучше не ходи.

Дождавшись, когда Артем насытится и отложит ложку, Прасковья поднялась с лавки и начала прибирать со стола. Артем, исподтишка наблюдая за ней, любовался красотой девушки и, чтобы она снова не уличила его, спросил:

– Почему вы в лесу вдвоем с отцом живете?

– У нас семья большая, а я старшая, вот тятя и приучил меня с детства к охоте. Младшие с мамой в деревне живут, помогают ей за скотиной ухаживать, а я здесь отцу подсобляю, на белку и горностаю плашки ставлю, шкуры выделываю. Вот он выйдет из леса, а у меня печь истоплена, варево приготовлено. Мы с ним договорились, что завтра последний срок — он должен из пармы вернуться. Дорогого зверя в близкой округе мало стало, приходится все дальше и дальше в парму ходить. На следующую зиму мы на другое место перебираться будем, ближе к Урал-камню зимовье поставим.

– А твой отец случаем дороги за Камень не знает?— заинтересовавшись, спросил Артем.

– Он ходил туда, но там земли вогулов, и они сказали, что убьют его, если будет добывать зверя на их угодьях. Вогулы никого не пускают охотиться по другую сторону камня. У них иногда бывает, что брат брата из-за хорошей шкуры может убить, чтобы вина напиться. Тятя говорит, они раньше совсем вино не пили, не знали, что это такое, а как пришли русские, так и приучили их.

Артем от обиды за свой народ взъерепенился и повысил голос:

– Опять у тебя русские виноваты, если я не хочу бражничать, то кто меня может заставить пить вино? Мы тут ни при чем, и среди русских есть много людей, которые не могут отказаться от этого зелья.

Вдруг Артем схватился рукой за шею и сильно закашлялся: в азарте разговора он забыл про раненое горло и стал говорить громче. Девушка не растерялась, взяла с теплого предпечника глиняную крынку, налила из нее отвар в плошку:

– На, выпей, тебе поможет,— ласково сказала она и добавила:

– Не надо так горячиться и громко разговаривать, твое горло еще такое слабое. Теперь тебе надо ложиться спать и отдохнуть, с утренней зарей ты должен уйти. К полудню до своей землянки дой-дешь.

Артему ничего не оставалось делать, как подчиниться. Он послушно поднялся с лавки, лег на нары и прикрылся одеялом. Хозяйка задула масляный светильник, оставив крохотный огонек лампы у иконы Богородицы, который не мог осветить даже всю икону, перекрестилась на нее, сняла сарафан и легла на установленный с другой стороны от печки топчан.

В затерянной среди глухого леса избушке повисла темная плотная тишина. Из-за толстых стен бревенчатого зимовья не было слышно ни шума ветра, ни шорохов тайги, и только одно сердце бешено било в набат, возвещая на весь мир о том, что с ним произошло чудо. Артему казалось, что оно стучит так сильно, что может вырваться наружу и потревожить сон той, к кому стремится и о которой мечтает. Тихонечко он положил обе руки на грудь, удерживая и прикрывая ладонями шум сердца, и вдруг удивился пришедшей на ум простой догадке. Артем понял, что раньше совсем не знал, где оно находится, и даже никогда не чувствовал его присутствия.

Утром Артем проснулся с ощущением спокойствия и счастья на душе. Еще не открыв глаза, он услышал, что Прасковья уже поднялась и хлопочет по хозяйству. Приятно трещали поленья в печи, и пахло свежее испеченным ржаным хлебом.

– Я уже проснулся, можно глаза открыть? — известили он о своем пробуждении, чтобы не застать девушку врасплох и не попасть впросак.

– Открывай, коли проснулся, я не страшная, не испугаешься, — разрешила хозяйка, поддержав шутку Артема. — У меня все готово.

Она подошла к нарам, держа в руках его штаны и верхнюю рубаху:

– Как ты себя чувствуешь, хорошо выспался?

Артем с идиотской и счастливой улыбкой кивнул головой, во все глаза глядя на красавицу.

– Ты покуда одевайся, а я на стол накрою. — Она подала Артему одежду и отошла к столу, наломала хлеба, поставила на середину столешницы большую миску с отварным мясом, выбежала из избушки, оставив дверь открытой. Артем тем временем стал потихонечку одеваться, раны саднили, а горло не-

много ломило, но слабости не было, и перестала кружиться голова. Он справился с одеждой, прошелся по горнице, проверяя себя на работоспособность.

«Кажись, и вправду дойду», — решил он и взглянул в распахнутую настежь дверь. Тайга опять его удивила своими переменами: выпал снег, и ударили первые морозы. Артем с удовольствием набрал полную грудь свежего морозного воздуха и выдохнул, приговаривая: «Хорошо-то как!» В этот момент к порогу подбежала Прасковья, раскрасневшаяся, пышущая здоровьем, с лучистыми голубыми глазами и выбившимися из косы русыми прядками волос вокруг лица. В одной руке она держала за хвосты головами вниз двух стерлядок, а в другой — берестяной туес с квашеной капустой. А он смотрел на нее во все глаза. Пьянящим дурманом ударило в голову.

— Вот в ледник сбегала, рыбы взяла тебе для строганины. — Девушка протянула руки, показывая принесенное.

Артем не удержался, обнял ее за талию, притянул к себе, неумело ткнулся губами в щеку. И сразу ощутил крепкий удар двумя морожеными стерлядками по голове. Он тотчас отскочил от нее и, не издавая ни звука, глядел на Прасковью. Она гордо прошла мимо, положила рыбин и поставила туесок на стол, присела на лавку:

— Зачем ты так?.. Взял и всю мою спокойную жизнь порушил, — не зная куда девать предательски вздрагивающие руки, она стала переплетать распустившийся хвост косы. — Я совсем не знаю, как мне теперь быть? — Прасковья подняла лицо со слезинками на длинных ресницах и вопросительно посмотрела в глаза Артема. — Мне так было хорошо, пока ты был здесь, я за тобой ухаживала, а теперь тебе надо уходить, и мое сердце не может никак успокоиться.

Артем подошел и присел рядом.

— Я хочу, чтобы ты стала моей суженой.

— Тебе сначала надо договориться с моими родителями, но они никогда не согласятся меня за тебя отдать.

— Почему?

— Потому что ты русский.

— И что теперь делать?

— Не знаю, но мне кажется, лучше немного подождать, и решение само придет, — она поднялась. — Я хочу тебе подарок сделать, — Прасковья намеренно повернула разговор в другое русло. — Ту рысь, что ты убил, я подобрала, шкуру сняла и на пяло насадила. Если ты ее сейчас не возьмешь, я ее выделаю и шапку тебе сошью, а к Рождеству к вам на зимовье приду и тебе принесу, там и решим, как нам быть и что нам дальше делать. А теперь тебе уходить пора, солнце уже высоко поднялось. Если тятя нас вместе застанет, тогда еще хуже будет.

Артем, успокоившись, стал собираться в дорогу. Прасковья принесла его нож, с которым он ходил на

рысь, и широкий цветной кушак, перепоясала его поверх зипуна и, завязывая, что-то прошептала, а потом объяснила:

— У зырян опоясок — это оберег. Я сама его вязала и покрывала узором, он тебя будет оберегать от бед. Носи его и помни обо мне, — быстро чмокнула его в щеку и, засмеявшись, отскочила.

Артем стоял и, как околдованный, смотрел на девушку.

— Я думал, ты где-то там, глубоко в пещере гулами спрятана, а тебя и искать-то не надо, ты сама меня нашла.

Она приблизилась и прижалась к его груди щекой.

— Про кого ты говоришь?

— Про тебя, моя золотая — и обнял ее крепко.

4

Ходу от зимовья зырян до Верх-Усольского починка, где жил Артем, было примерно восемь верст, здоровому человеку это расстояние можно пройти в два раза быстрее, чем преодолел его Артем, но, как и говорила Прасковья, к полудню с частыми передышками он добрался до своей землянки. Отец с братом еще не приехали. Отдохнув и перекусив тем, что собрала в маленький узелок ему в дорогу Прасковья, Артем занялся хозяйством. Затопил печь, прибрался в землянке, разгреб навалившийся у входа снег и, не зная, чем еще занять себя, стал рубить колоду под воду.

Работая, он думал о том, какие произошли перемены за три дня в его жизни. В голову лезли думы одна краше другой, но чем больше он думал, тем дальше мысли его заходили в тупик. Артем не заметил, как стемнело, и, когда уже почти не стало видно то, что он делал, оставил работу, воткнул топор в недоделанную колоду и зашел в землянку, так и не решив, как поступить. Два варианта приходили в голову: выкрасть Прасковью или в ноги родителям упасть, украсть или упасть, украсть или упасть... Совершенно измученный думами и уставший за день, он завалился на нары и крепко уснул.

— Бать, глянь-ка? Дрыхнет сынок твой и не чувствует, что гости нагрянули.

Артем подскочил на нарах, спросонья не понимая, что произошло. В землянке перед ним стояли два человека, у одного в руке был факел, другой отряхивал с шубы снег, и только по голосу он узнал брата Фому.

— Одичал, небось, здесь за три недели, родственников не признаешь, — подойдя к Артему, Фома схватил его и поднял с нар, стал мять в объятьях. Артему было больно, но он терпел, не хотелось перед отцом показывать, что он хворый, а то после придется рассказывать и про все остальное.

— Ну ладно, хватит тебе тут топтаться, дай и отцу с сыном поздороваться, — отец отстранил Фому. — Зажги для света что-нибудь да пойди лошадь распряги и в санях разбери что куда, пока мы с Артюш-

кой толкуем. Ну, здравствуй, сынок, как ты тут?— и обнял его.

— Все нормально, тятя, вот починок караулю.

— Мать там шибко за тебя волнуется, а как узнала, что ты здесь один остался, так и вовсе расстроилась. Говорит, что чует материнское сердце что-то неладное, и все нас торопила, чтоб мы, значит, пораньше выехали, а мы че? Все снега ждали, на санях-то, ты сам знаешь, по голой земле много не наездишься, лошадь только измучаешь.

Фома тем временем запалил лучину, вставил ее в рогатый светец и вышел. Отец продолжал расспрашивать сына:

— Как тебе это место, по нраву? Небошь, все закоулки облазал, пока один здесь сидел?

— Места здесь хорошие, зверя много, в реке рыба имеется, с голоду не помрем.

— А я, сынок, грамотешку на эту землицу выхлопотал, так что строиться будем по закону, и никто нас отсюда не отселит, пока я сам не решу, — отец довольно потряс Артема за плечо.— А так, сынок, я очень рад за тебя и что тебе здесь приглянулось, в отличие от Фомы. Заартачился братец твой, не хочу, говорит, перебираться сюда — не знамо куда — и все тут, так я, почитай, его от самой Чердыни подзатыльниками кормлю, а он все равно ни в какую. Ну да ладно, вот построимся, потом хоть на все четыре стороны пушай идет, держать не буду, только куды он от нас денется. — Отец, улыбаясь, хитро подмигнул Артему и весело добавил: — На выселках-то жить одному ох как трудно, гуртом-то всегда было легче и веселей.

Фома распряг лошадь, занес в землянку короб с продуктами и две пилы, продольную и поперечную. Артем увидел новинку в хозяйстве, стал разглядывать. Фома ехидно стал шептать ему на ухо:

— Наконец-то батя раскошелился, пилы купил и две железные лопаты, я думал, что мы так топорами и будем тюкать до скончания века, а он, гляди-ка, не пожадничал. Видать, лихо хочет замахнуться со строительством-то, — брат подмигнул Артему и, подсовывая короб, громко сказал:

— На, Артема, прймай короб, там матушка тебе гостинцев послала, пирогов с капустой да грибами. Смотри сразу все не слопай, а то треснешь.— Фома завалился на нары и засмеялся.

— Буде ржать-то тебе, жеребец застоялый, за полночь уже, вечеряйте и разбирайтесь спать. С завтрашнего дня работать начнем.— Сафон снял шубу и по-хозяйски сел за стол.

— Нам ныне тесу много потребуется, хочу большой двор поставить, на три коня, чтобы для всего хозяйства места хватило. Если к Рождеству поспеем заготовить лес, то на праздники в город поедем, передохнем маленько.

— Ты, тятя, на широку ногу хошь развернуться? — спросил Артем.

— А то как же, надо успевать, пока мы здесь первые, потом народу с России понавалит, из-за

каждого клочка земли драка будет. Вот помяните мое слово, скоро и за Урал-камень народ попрет, не удержишь, потому как в Московии тесно людям жить становится. Я бы и сам туда подался, да против сибирских татар целую рать содержать надо, а у меня строгановских деньжищ не имеется, пшик один, а без войска эти нехристи жить спокойно не дадут. В Соли Камской люди говорят, Москва опять стрельцов собирает за Камень посылать, хотят Кучума добить. Только тут закавыка маленькая выходит, — Сафон поднял указательный палец вверх и, прищуриив глаз, загадочно спросил: — Как войско в Сибирь переправить? Через тагильский волок тяжело, а по лозьвинскому пути долго. Вот кабы здесь поблизости короткую дорогу через перевал выведать, то это было бы дело... — Он дожеввал пирог и, хлопнув ладонью по столешнице, сказал: — Ладно, сынки, хватит языками чесать, поздно уже, спать давай укладываться, завтра с зарей подыму.

Отец, как и обещал, сам усердно работал и не давал сыновьям продыху. За два дня из тонкомера срубили временную конюшню для лошади Мурашки, а затем каждый день с утра до вечера валили вековые деревья, обрубали сучки и кряжевали. Артем поначалу пытался вести счет дням до Рождества, но каждодневная однообразная работа замаяла, и он, вконец запутавшись, перестал по вечерам считать и загибать пальцы.

Прасковья все это время неотступно была в его мыслях, ясный и лучистый взгляд ее преследовал его везде. Даже когда работал, пилил с Фомой лесину двуручной поперечной пилой, то постоянно сбивался с ритма и не попадал в такт. Фома в сердцах чертыхался, ругаясь матерно на весь лес.

— Че ты!... Язви тя в душу!... Через пень-коромысло!... Квельый какой-то?! А ну давай под счет! Раз-два, раз-два.

Артем старательно повторял за Фомой: «Раз-два, раз-два», но мысли от однообразной изнурительной работы сами собой уплывали куда-то, рисуя в воображении ее образ, который он мысленно целовал и говорил непонятно откуда взявшиеся ласковые слова, каких он никогда доселе и не произносил.

Фома вечерами, когда они по сумеркам возвращались в землянку, вечеряли и укладывались спать, подшучивал над Артемом:

— Братка, слышь? Ты как в лесу один пожил, так каким-то смурным стал, будто бы тебя по башке чем-то двинули. Ты и раньше-то был немножко не в себе, а теперь и вовсе как будто чуток умом тронутый.

В середине месяца студня — декабря — ударили лютые морозы, холод стоял такой, что плевков на лету замерзал, не успевая долететь до земли. Несмотря на холод, отец продолжал работать, не делая уступок сыновьям. Накануне праздника Введения во храм Богородицы братья взмолились.

— Тятя, ты хоть на праздник-то дай отдохнуть, замаялись уже, сколько без продыху вкалываем. К тому же в праздники грех работать.

Сафон, почесав затылок, прикинул в уме, успеют ли закончить с лесом до Рождества, и разрешил пробездельничать один день, заметив при этом:

— Ежели поспевать не будем, я вас по ночам заставлю, как вы говорите, вкалывать. А работать — не грех, не работать — грех.

Сыновья тут же согласились, закивали головами.

В праздничное утро все поднялись по привычке ни свет ни заря, рано, хотя можно было поспать и подольше. Фома взялся латать свой полушубок, отец за столом подсчитывал убытки и сколько еще нужно вложить денег в его затею. Артем, не зная, чем заняться, оделся, вышел из землянки, принялся тесать топором лыжи из двух заготовленных загодя еловых плах. «Когда работаешь, все легче переносить жгучую тоску, — думал он. — А так, без дела, хоть волком вой, все мысли Прасковья заполонила».

— Куды лыжи востришь, братка?

Артем, увлекшись своими мыслями, не заметил выбежавшего из землянки по малой нужде Фому.

— Фома! Черт! Прямо под руку спросил, топор из-за тебя сорвался, чуть-чуть палец не оттяпал.

— Вот я и говорю, блаженный ты какой-то, будто сам здесь, а душа твоя хрен знает где обитает. — Фома, заприметив что-то, вытянулся, пристроив руку ко лбу защищаясь от бликов солнца и снега, всмотрелся и удивленным голосом произнес:

— Тю, никак к нам кто-то торопится? Глянь! Вот по грани нашего выруб на ходунках скользят.

Артем пригляделся и узнал Прасковью. Она легко шла на лыжах в зеленой, обметанной по подолу снегом, юбке, в лузанае, одетом поверх короткого овчинного полушубка, а из-за спины виднелись дуга большого охотничьего лука и колчан со стрелами на боку. Сердце его бешено заколотилось, он сорвался с места и побежал навстречу, разметая ногами целинный снег, навалившийся уже на три четверти.

— Да то ж баба, ай да Артемка, кралю гдесь уже подцепил, вот так тихоня!

Фома в одной рубаше, продрогши на морозе, дождался, пока брат добежит до девки, и видя, что дальше ничего интересного не происходит, зашел в землянку сообщить бате новость.

Артем, в распахнутом зипуне, в сбившейся на затылок шапке, запыхавшийся, подбежал к девушке и, проваливаясь почти по колено в мягкий рыхлый снег, топтался на месте, не зная, что сказать, как будто пока бежал, растерял все те слова, какие давеча говорил ей, но только в воображении. Прасковья, раскрасневшаяся от долгой ходьбы, стояла на лыжах вровень с ним и глядела широко открытыми глазами.

— Вот я, как и обещала, пришла.

— А я уж было чуть сам сегодня к тебе не сорвался, не знал, как день прожить, все думушки о тебе передумал. Фома уже малохольным обзывает.

Артем поднялся и встал рядом с Прасковьей на ее широкие охотничьи лыжи, сразу став выше на голую.

— Так-то сподручней будет, — сказал он, раскрыл полы своего зипуна и, как крыльями, обнял девушку, пуская ее к теплу своего горячего тела. — Как ты, купава моя, цветочек весенний? Все ли у тебя ладно?

— Я батюшке все рассказала, не смогла утаить. Он, как пришел, сразу спросил: кто был? Следы-то твои в одну сторону шли от зимовья, он охотник, все примечает. А как узнал, что ты русский, так и вовсе о тебе ничего слышать не хочет. Мы на Рождество в деревню к своим пойдем, так он грозитя меня там оставить, чтобы я под присмотром матушки была.

— И когда свидимся-то теперь?

— Ой, милый, даже и не знаю, — и тесней прижалась к его груди, заплакала, мелко вздрагивая плечами.

— Может, в землянку зайдем? Я тебя с братом и отцом познакомлю, да и согреешься заодно.

— Нет, идти уже пора, а греться-то мне и вовсе не надо, меня моя любовь к тебе так греет, что как печка горячая. — Она смахнула рукой в шерстяной рукавице набежавшие на щеки слезинки и, немного повеселев, заулыбалась.

— Я тятю сказала, что дальние капканы пойду проверять, а сама к тебе побежала, а их все равно надо еще успеть обойти. Мне и так хорошо, повидала тебя, и сердце теперь на спокойное будет.

— На Рождество мы в Чердынь поедем, родных на праздники навестить. В лес вернемся только после Крещения.

— Мы с тятей тоже туда приедем, рухлядь, что нынче заготовили, купцам сдать надо, может, и доведется нам там свидеться?

— А ну как к тебе в эту пору сваты от Никольки придут, как тогда быть?

— Если тятя с мамой согласие дадут, то я из дома убегу. Примешь меня без приданого? Обратной дорогой мне уже возврата не будет.

— Ты еще спрашиваешь, любя моя, непременно приму, и приданого никакого не надо, лишь бы ты была рядом, а со своими родителями я договорюсь, они меня поймут и помогут нам.

От захлестнувшего чувства счастья Артем целовал девушку в щеки, в глаза, обнимая все крепче и крепче, не удержался и оступился, упал в снег, утянув за собой и ее. Барахтаясь в снегу, дурачась и смеясь, они пытались подняться и снова падали, проваливаясь в еще не успевший от стужи и ветра покрыться настом рыхлый снег.

Фома, любопытствуя, вышел посмотреть, что делают брат с девушкой? И, увидев их барахтающимися в снегу, сначала подумал, что они дерутся, а за-

слышав смех, удивленно пожал плечами и заскочил обратно в землянку

– Тятя, глянь-ка? Артюшка с девкой-то, как дети малые, в снегу вертухаются и ржут на всю округу.

Сафон, считая и выкладывая полушки, денежки и копейки по разным стопкам, сбился со счета и в сердцах незлобно выругался:

– Мать твою! Прямо под руку, сбился из-за тебя! Что, мне дел больше нет никаких, кроме как за молодыми подглядывать, да и ты займись чем-нибудь, вон фитиль совсем прохутился, починить надо.

Артем и Прасковья стояли, обнявшись, посреди выруб и никак не могли расстаться. Девушка, первая очнувшись от пьянящей близости, спохватилась:

– Артюша, милый, поздно уже, мне идти пора, так бы и стояла с тобой, да мне капканы еще проверить надо. Если тятя что заподозрит, то может меня и под замок посадить.

Она достала из висящего на боку ятагана трех из рыси, надела его прямо поверх старого, изношенного войлочного колпака Артема. Полюбовавшись немного, поворачивая руками его голову в разные стороны, чмокнула в покрытую мягкой молодой порослью волос щеку. Смеясь, обошла его, встала на свой след, каким пришла, и ходко, не оборачиваясь, заскользила ходунками, обтянутыми лосиными голеньями, по лыжне. Артем некоторое время пытался идти за ней, но, утопая по колени в снегу, отстал и потом долго смотрел ей вслед, пока она не прошла выруб и не скрылась в лесу.

Вернувшегося в землянку Артема Фома встретил с растянувшейся до ушей улыбкой.

Подойдя к Артему, снял с него шапку, стал мять ее в руках, разглядывая.

– Сдается мне, батя, что эта рысь еще недавно вокруг нашей землянки бегала, знать, одолел ее все-таки Артюшка. То-то я гляжу, у него горло тряпичей перемотано, – он посмотрел на брата испытующим взглядом, – как же ты эту зверюгу-то одолел, а, братишка, поделись секретом? И за какие такие заслуги эта баба тебе такой добротный трех преподнесла? Небось, пока мы дома были, вы тут с ней...

Артем, не желая выслушивать Фому, выхватил из его рук шапку и, как ошпаренный, выскочил из землянки.

5

К праздникам все задуманные Сафоном работы были выполнены. За неделю до намеченного отъезда Артем и Фома с разрешения отца, дабы не терять время даром, по утрам ставили и проверяли ловушки на мелкого пушного зверя. Сам же Сафон следил за поставленными на реке фитилями. За два дня до Рождества, припрятав в лесу все ценное, оставили свое новое жилье на порядочность людей, какие могли воспользоваться отсутствием хозяев, притворили дверь землянки поленом и выехали в город.

Зимний путь давался трудно, снега выпало почти на два аршина, и Фоме с Артемом пришлось топить колею по переметам для лошади, запряженной в сани, с горкой груженные рыбой. Старая кобыла Мурашка, слепая на один глаз и с провалившейся хребтиной, кое-как тянула воз. Отец, ругаясь на весь лес, то и дело соскакивал с облучка и шел рядом с возом, понукая лошадь.

– Ну! Мать твою, дьявольское отродье, совсем дряхлая стала, восьмой год от тебя приплода жду, и все без толку. Видно, на базаре пустышку подсунули, каналы! Правду люди говорят, на дешевое позаришься – дороже обойдется. Так и знай! Как притащимся в город, продам тебя на бойню живодеру-татарину Касимке, сымет он с тебя шкуру, а из костей драгунца наварит. Кабы чуяла, что тебе предстоит пережить, так бежала бы щас со страху аж поперед моих оболтусов.

Пройдя тяжелый отрезок пути, он снова мостился на край облучка и, отдышавшись, начинал рассуждать, поучая впереди идущих сыновей:

– Вот что нужно для доброго хозяйства? А? Я вас спрашиваю?

Сыновья, разгребая почти по пояс навалившийся снег, выбившиеся из сил, молчали, не обращая внимания на разговорившегося от нечего делать отца.

– А я вам поясню, чтоб не мучаться вот так-то и не тащиться, как улитка по склизкому бревну, доброму хозяину перво-наперво нужно ладить дорогу, и желательнее, чтоб она не петляла по лесу, как змеюка, а была прямехонька. Вот как поставим на Усолке избу, так сразу за дорогу и примемся, чтоб до Чердыни за день можно было добраться. До большака по лесу всего-то пятнадцать верст, а кажется, что все сорок, если большак так же перемертен, то придется заночевать в дороге. Но! Шельма! – он снова на ходу прыгивал с саней, подбирая за пояс полы шубы и матерно крестил лошадь, дорогу, и сыновьям доставалось на пряники.

К полудню следующего дня, в предпраздничный сочельник накануне Рождества Христова, они добрались до Чердыни. После дремучей тайги тихий маленький городок показался им столичным городом. По улицам ходили нарядно одетые люди. Со всех окрестных деревень, где не было своих приходов, съехались верующие православные и в предвкушении заговенья после долгого поста ждали всемогущей службы. Молодые девки и парни по своей добровольной охоте в своих околотках заливали ледяные горки для катания с них в праздники. Они таскали воду деревянными ушатами из вырубленной иордани на речке Колве, по правому берегу которой стоит городок Чердынь. Поддавшись всеобщему настроению, Сафоновы ребята, забыв усталость тяжелой дороги и обиды друг на друга, радовались, как малые дети, на ходу дурачились, толкались, давали друг другу шутейные подзатыльники.

У дома, где они жили, их встретил радостным лаем дворовый пес по кличке Вялый, он вилял хво-

стом и насканивал на хозяев поочередно, желая получить от каждого порцию ласки. Завидев приехавших отца и братьев, с визгом и радостными объятиями налетели младшие сестры. Соскучившиеся по Артему, сестренки сразу облепили его, рассказывая наперебой свои девичьи истории. Всем трем сестрам братья приготовили подарки, какие можно было добыть в лесу. Старшей Лукерье — несколько шкурок белки для оторочки кафтана, средней Фросе — куницу на воротник, а младшей, поскребышу Полинке — живого зайца, заскочившего в охотничью петлю перед самым отъездом. На шум и переполох во дворе из дома вышла мать, она вежливо поздоровалась с мужем, обняла Фому и, подойдя к Артему, всплеснула руками, приговаривая:

— Исхудал-то как, а на лицо будто старше стал, ишь борода какая полезла, три месяца назад так ее и вовсе не было. Так, глядишь, тебе и невесту скоро надо будет подыскивать.

— Нет, мама, никого искать не надо, она у меня уже есть, — смущаясь, ответил Артем.

— Ишь как вышло. Где ж ты ее нашел-то, в лесу, што ль? Не оборонила ли случайно, сынок? Али лешачка какая? — не понять, шутейно или всерьез, спросила мать.

— Нет, простая девушка, глянь, какой треух из рыси мне сшила, на все дела мастерица, Прасковья зовут. Вот увидишь, она тебе приглянется.

— Ты, Евдокия, потом с ним наговоришься, иди в дом, чего раздетая вышла, поставь на стол, что есть, проголодались с дороги, — встрял в разговор отец.

— Ты што, Сафон? Сегодня же последний день поста, до первой звезды нельзя.

— Ниче, хворым да путникам можно.

— А ты никак захворал?

— Дура, типун тебе на язык. Путники мы, полтора дня в дороге ладом не жрамши.

— Так у меня только сочиво с медом да репа пареная, квашню-то я к завтраму на пироги поставила, — стоя уже на пороге, оправдывалась мать.

— Ну, куды деваться-то, раз уж пост, и сочиво сойдет, не до жиру, быть бы живу, — отец засмеялся, проводил веселым взглядом мать и, обернувшись, прикрикнул на девок.

— Што рты пораззявили? А ну живо таскайте рыбу в подклеть да складывайте ее там у стены поленницей. А вы, — обратился он к сыновьям, — распрягите лошадь да баньку затопите, ко всеобщей шоб все мытыми были. К Богу надо идти чистым и телом и душой... Лушка?!

— Что, тятя?

— Как баня протопится, вы ее от сажи-то отмойте, да не забудьте пол и полки кирпичом отшоркать.

— Ладно, тятя, исполню.

Сафон потоптался чуток на крыльце и, убедившись, что все дети заняты делом, с хитрым видом зашел в дом. После яркого солнца и белого снега, щурясь, привыкая к полумраку, снял с себя шубу и кинул ее на лавку.

— Евдокия?! Ты где? — кликнул он жену, потирая озябшие ладошки друг о дружку.

— Тута я, — тихо и глухо раздался голос из кухонного закутка.

Сафон отдернул занавесь, отделяющую горницу от кухни, зашел за печь и, взмахнув руками... ухнул вниз, в открытый лаз домашнего погреба, простучав ногами в пимах по ступеням.

— Што ж ты, голова твоя мякитная, лаз-то оставила открытым? Хотел получить ласку, а вместо этого — увечья.

— Сам виноват, под ноги-то надо глядеть. А то ишь, полетел за лаской, задрав голову, голубь сизокрылый. Слава Богу, что мне на загривок еще не присел, а то бы и меня порушил, — она поставила на приступок миску с набранными из бочки солеными огурцами и, подталкивая снизу, помогла Сафону выбраться из голбца наверх. Тот, кряхтя и охая, продолжал ругаться, но уже не злобно, а так, для острстки, понимая, что виноват сам.

— Вот бляха-муха... Прости меня, Господи, грешного!.. Как же я сегодня всенощную-то стоять буду, крестец-то начисто отшиб, аж позвоночник гудит, будто в ем пчелиный рой завелся и каждая из них ядрено кусат.

Он кое-как с помощью Евдокии добрался до лавки, лег на нее ничком.

— Ты, матушка, кликни-ка кого из девок-то,— плаксивым голосом попросил он,— скажи, чтоб сбегали до деда Лешки, пушай придет.

Про деда Лешку в округе ходило много сказок и небылиц, но кое-что из народной молвы было и правдой. Многие люди были свидетелями его чудачеств. То он свадьбу, проезжавшую мимо на лошадях, остановит, кони встанут как вкопанные и не сходят с места, что с ними ни делай, пока жених с невестой не попросят старика и не дадут откуп пряником или кружкой браги. Или привезет дед Лешка из леса живых зайцев, косые сидят свободно в розвальнях и не убегают, а на вопросы зевак, почему зайцы сидят смиренно, старик отвечал:

— Я когда по лесу еду, заячью песню пою, а они уши развесят и, чтоб лучше слышать, сами в сани-то и запрыгивают. А почему не убегают? Потому как ведают, што я их не трону и не обижу, — и хлопнет неожиданно в ладоши. Зайцы повыпрыгивают из саней во все стороны, и напрямик до леса.

За знахарем Евдокия послала среднюю дочь Фросю, та, сверкая подшитыми подошвами валенок, понеслась к старику, на ходу оповещая всех, что тятка расшибся. В доме собрались дети, расселись рядком на лавку вдоль стены и в ожидании, что будет происходить далее, переживали за отца.

Тем временем Сафону стало совсем худо. Он так и лежал ничком на узкой деревянной лавке, опустив руки до полу. Жесткая лавка давила грудь, и он, пытаясь облегчить свои страдания, упирался кулаками в пол, приподнимая тело, чтоб свободней дышалось. Каждое движение причиняло боль, он охал и клял весь женский род аж до четвертого колена, упоминая в сердцах и Божью Матерь.

Бегавшая до деда Лешки Фрося вернулась и, запыхавшаяся, отчиталась:

— Дедушка сказал, что он припозднится чуток... ему щас некогда... со скотиной управиться надо... Я ему рассказала, что случилось, так он наказал, чтоб ты, тятя, не шевелился.

— А я и так не могу шевельнуться, — жалостным голосом занудил Сафон. — Надо же, угораздило на праздничек зашибиться,— и, обведя взглядом домочадцев, решил разогнать всех, дабы не было свидетелей его беспомощности.

— Вам что?! Дел больше никаких нет, кроме как на меня глазеть? Вот бездельники! Помру, все хозяйство прахом пойдет. Идите хоть чем-нибудь да займитесь? Я не скоморох, нечего тут на меня глаза пялить, ротозей!

Несмотря на беспомощность отца, дети, забоявшись его гнева, разошлись, придумывая каждый сам себе занятие.

Ближе к вечеру, переделав все дела, домочадцы снова собрались в горнице. Сафон, как и прежде, ничком лежал на лавке и время от времени говорил вслух все, что взбредет ему в голову, чтобы хоть как-то отвлечься от боли в пояснице.

— Лукерья, ты баню от сажи отмыла?

— Да, тятя.

— А кирпичом шоркала?

— И кирпичом.

— Так идите мойтесь. В церкву уже пора собираться... Я вам не поп, праздничную литургию служить не буду... Да не забудьте там помолиться за меня, в церкви-то. А то моченьки моей уже нет, терпеть этаку боль... Где этот чертов шаман?!

И в то же мгновение в дверь кто-то тихо постучался, прочитав молитву: «Господе Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешного»... Все домочадцы в голос произнесли «аминь» и удивленно переглянулись. Что это был чужой человек, сомнений не было, но почему не лаяла и пропустила постороннего сидевшая у ворот на цепи собака, было непонятно. Стоявший ближе всех к входу Фома открыл дверь.

В избу зашел маленький человек неопределенного возраста, седые длинные волосы, намазанные конопляным маслом от вредных насекомых, висели сосульками. В его сухом теле не было видно богатого здоровья, в движениях не чувствовалось уверенности, но маленькие черные глаза-пуговицы прожигали насквозь. Несмотря на русскую кровь отца и деда, шаман Лешка был настоящим остяком — и видом, и повадками.

— Здравствуйте, люди добрые,— с легким поклоном поздоровался он, повернулся к красному углу и три раза перекрестился на иконы с зажженной лампадой, показывая свою набожность.

— Что, Сафон, недуг схватил?— отбив поклоны, спросил старик.

— Да, вишь? Распластался, как черепаха, не вздохнуть, не... охнуть.

— Ты уж, Ляксеи, постарайся, куды нам без него, без хозяина-то? — тербя передник, слезно стала просить деда Евдокия. — А мы уж отблагодарим, не покупимся.

— Ну, благодарить-то пока еще рано, а помочь постараемся,— дед снял с себя латаный-перелатаный армяк, повесил его на рогатки у входа, подошел к Сафону, задрал на спине рубаху и спустил до ягодиц штаны. Как бы прицениваясь к разложенному на полу товару — поглядел и начал давать распоряжения:

— Ты, милочка,— обратился он к Артему,— принеси с улицы три осиновых полена. Баня топлена?— спросил у Евдокии.

— Топлена, родимый, топлена,— подтвердила мать.

— Тогда пусть Фома принесет ушат теплой воды, мне ноги надо омыть. Ты, милушка, приготовь чи-

стых тряпиц и плоску — как не жалко, — продолжил дед распоряжаться, обращаясь к Евдокии.

Все разошлись выполнять наказания, оставшиеся сестры сидели тихо, во все глаза наблюдая за стариком, тот из переднего кармана лузана достал маленький глиняный кувшинчик с пробкой, поставил его на стол. Артем принес поленья и, не зная, что с ними делать, тоже положил на стол перед стариком. Мать достала из сундука тряпки, а из подпечника вытащила старую, выщербленную по краям глиняную чашку, подала деду. Старик взял посудину, поманил пальцем самую младшую из сестер, когда Полинка подошла, сунул ей в руки чашку и сказал на ухо:

— На, милая, набрызгай чуток.

Девочка зарделась краской и вопросительно посмотрела на отца.

— Делай, что велют, надо, так надо, — на все соглашаясь, нетерпеливым тоном сказал Сафон и тяжело вздохнул.

Фома принес из бани ушат с парившей водой и с торжественным видом, как поднос с яствами, поставил его у ног лекаря. Старик попросил братьев переложить отца рядом с лавкой на пол, предварительно расстелив старую шубу. Артем и Фома выполнили просьбу и встали, в ожидании дальнейших указаний, по обе стороны от распластавшегося на овчине родителя, как рынды подле царя. Отец, отдавшись воле колдуна, покорно слушался и не возражал, лежал, тихо упершись подбородком в вонючий ворс старой шубы, разложив веером бороду, и наблюдал из-под лохматых бровей за происходившим вокруг. Дед уселся на опустевшую лавку, не спеша стянул с ног няры — меховые сапоги, закатал штаны до колен, снял ровдуги — носки с длинным голенищем, большим пальцем ноги попробовал воду и, блаженствуя, опустил ступни в ушат.

— Эх, лепота-а, — он от удовольствия закатил глаза и помечтал вслух: — Зараз бы сбитня горячего!

Домочадцы недоуменно переглянулись, удивляясь чудачествам старика.

— Так можно и сготовить, — услужливо предложила мать

— Нет, спасибочко, не надо. Вы лучше идите, не мешайтесь здесь, парни пусть остаются, ежели че, так помогут, а вы, девки, все на выход, — дед помахал в сторону дверей рукой, — нечего вам тут делать.

— Куда идтить-то, батюшка? — растерянно спросила Евдокия.

— А вот в баню и идите, помоеетесь заодно, а то не люблю, когда бабы под руку смотрят.

Мать с дочерьми тихо достали из сундука чистое белье и, стараясь не шуметь, явно побаиваясь колдуна, вышли из дома.

Дед еще немного побулькал в ушате ногами, по очереди вытер их насухо тряпицей, затем из принесенного кувшинчика налил в ладошку масло, обмазал им свои ступни и шустро, по-молодецки

перекинул ноги через лавку. И, начиная с шеи, стал ловко ощупывать пальцами ног позвонки на спине Сафона. Когда проворные пальцы дошли до крестца, отец взвыл от боли, вцепился руками в шерсть шубы, заскрипел зубами и круглыми страдальческими глазами жалобно смотрел на сыновей. Дед как ни в чем не бывало, не обращая внимания на страдания Сафона, продолжал елозить ногами по позвоночнику, пока не ощупал копчик.

— Лихо ты, милоч, прокатился по ступеням-то, — озадачившись, заметил знахарь. — Почитай, от самого копчика до поясницы все позвонки порушил. Как бы совсем без ног не остался. Вот что, ребятки, тащите-ка вы его на порог, боль изгонять из тела будем, а то, если я ему сейчас жизненный столб править начну, он может и Богу душу отдать, такую муку терпеть, не приведи Господи. Старик взял три осиновых полена, загодя приготовленных Артемом, и открыл входную дверь. Два положил по обе стороны порога, третьим вооружился сам, держа его в правой руке, как меч.

В открытые настежь двери тянуло морозным паром и доносился благовест басовитым гулом одиночных ударов большого колокола, извещавшего горожан о скором начале праздничной службы в Иоанно-Богословском каменном храме, построенном в Чердыни недавно.

— В самый раз колокол загудел, — заметил дед, — под бой легче будет хворь прогонять. Колокольный звон и молитва — это самая убойная сила против всякой нечисти, так что, пока я тут с хворью бороться буду, вы вставайте под образа и читайте «Отче наш» — одно другому не помешает, — и нетерпеливо прикрикнул на братьев. — Ну што встали?! Тащите его! — старик поленом, как жезлом, стал указывать, куда и как положить Сафона.

Артем и Фома, не на шутку испугавшись слов деда Лешки, аккуратно, боясь лишней раз причинить тятю боль, перенесли его на порог и уложили поперек порожного приступка животом вниз, головой на улицу, а ногами в дом, как указал старик. Сами же братья встали на колени под образа и в голос зачастили молитву, с любопытством поглядывая в сторону деда.

Дед Лешка взял чашку с Полинкиными брызгами, намочил тряпицу и аккуратно разложил ее на ушибленное место, затем опустился на колени перед Сафоном и, держа обеими руками полено, прижал его ко лбу. Поначалу он тихо, а потом все шибче и шибче стал раскачиваться взад и вперед, как ванька-встанька, издавая гортанные звуки и произнося непонятные слова. При каждом наклоне вперед он слегка прикасался поленом к спине Сафона, а затем прикладывал его к своему лбу. Наклон движений туда-сюда постепенно увеличивался, а звук голоса становился похожим, чередуясь, то на звериные рыки, то на крик большой птицы. Осиновое полено било по спине все сильнее и жестче. Глаза старика закатились и светились в полумраке белыми

бельмами, седые длинные волосы-сосульки сами собой поднялись дыбом, а голос из человеческого превратился в сплошной звериный вой. Сафон сначала вздрагивал от прикосновения полена, но по нарастанию силы ударов все меньше и меньше реагировал на боль и на все происходящее вокруг.

Фома и Артем, видя такое первый раз в жизни, не на шутку перепугались и глядели на то, что творил старик, как на бесовское представление, совсем забыв про молитву и крестное знамение.

Старик, достигнув наивысшего состояния бешенства, как посчитали братья, последний раз стукнул отца по лопаткам, диким голосом прокричал «аминь» и затих. По его морщинистому лицу текли струйки пота, из трясущихся расслабленных пальцев рук вывалилось полено и грохнуло об пол. Стариковское худосочное, маленькое тельце тянуло судороги, была мелкая дрожь, и со стороны было похоже, что он кривляется и строит рожи. Дед поднялся с колен, держась за дверной косяк, кое-как прошел на подгибающихся ногах в горницу и сел на лавку.

— Ребятки! — слабым голосом обратился он к братьям. — Это мы еще только полдела сделали, самое главное впереди, вы бы притащили его сюда, под лавку, пока я сил набираюсь.

Артем и Фома подняли безвольное, расслабленное тело отца и перенесли его на место, где он лежал прежде. Глаза Сафона, бессмысленные и пустые, блуждали по горнице, ни на чем не останавливаясь, казалось, что он был в сознании, но ничего не ощущал и не понимал действительности.

— Старик-то дьявол вылитый, волосищи пегие, и глаза, как буравчики, аж жуть берет, нешто так людей лечить надо? — шептал Фома.

— Был бы дьяволом, на образа бы не крестился, от креста животворящего вся нечисть гибнет, наверное, тут дело в другом, великой силой дед владеет — нами неведомой.

Дед Лешка, посидев чуток, набрался сил, отдохнул и вновь принялся за спину Сафона. Устроившись на лавке удобней, он босыми ногами так же, как и в прошлый раз, стал осторожно ощупывать поясницу. Шаря пальцами ног по позвоночнику и найдя только ему ведомый изъян, он, прицеливаясь, мягкими толчками пятки расставлял позвонки по местам, действия его были точными и уверенными. В горнице стояла такая тишина, что слышно было, как хрустят вправляемые кости. Сам старик, не обращая ни на что постороннее внимания, был в напряжении и сосредоточен только на том, что делал. Напряжение передалось и братьям, они сидели тихо, во все глаза наблюдая за действиями знахаря, отлично понимая, что самый важный момент в лечении отца проходит именно сейчас, и от того, как старик справится с этой задачей, зависит вся дальнейшая жизнь их большой семьи.

Входная дверь, открываясь, заскрипела. В тишине горницы ее звук был неожиданным и зловещим.

Братья с холодком, пробежавшим по их спинам, медленно повернули головы. На пороге в нерешительности, не зная, что делать, выйти или зайти в горницу, топтались вернувшиеся из бани мать и маленькая Полинка, на них сзади напирала Луша и Фрося. Лица их были распаренными и красными, а в глазах сверкало любопытство. Клубы морозного пара вваливались в дом и катились по полу, протягивая холодком.

Дед Лешка, не обращая внимания на толчею у порога, продолжал священнодействовать. По лицу знахаря бежали крупные капли пота, а рубаха на теле взмокла. Он больше не бил пяткой, а только пальцами ног осторожно бегал по костышкам позвоночника Сафона и как будто прислушивался к чему-то. Перестав шелудить ногами, осторожно опустил их со спины больного, расслабленно откинулся на лавке и, упираясь спиной на сзади стоявший стол, с облегчением выдохнул из себя воздух.

— Ууух... — и затем тихим голосом добавил: — Кажись, все, отмучался родимый.

Стоявшая на пороге Евдокия поняла сказанные стариком слова по-своему и, видя, что ее муж лежит неподвижно и бездыханно, враз заголосила:

— На кого ж ты нас покинул, родимец ты на-а-а-ш? Тока ведь с животом бы-ы-ы-л! Нешто ты, старый хрыч, погубил его? Убивец! А-а-а!..

Вслед за хозяйкой по нарастающей стали поднимать вой и дочери. Фома и Артем, ничего не понимая, попеременно смотрели то на родственников, то на деда Лешку. А тот продолжал сидеть, не обращая внимания на нападки Евдокии, и хихикал в свою жидкую остяцкую бороденку.

Неожиданно из-за лавки, с пола, где лежал Сафон, раздался его громкий голос:

— Вы што, бабы? Совсем сдурели, блажите, как по покойнику?

Евдокия и старшие дочери враз как начали, так и перестали выть, только одна младшая Полинка продолжала, кривя рот, пищать и выдавливать крупные слезы из плотно зажмуренных глаз.

— Сон только потревожили, такой баской был, и не дали досмотреть, бестии, — Сафон стал медленно подниматься с разостланной на полу шубы, сначала боязливо встал на четвереньки, пощупал рукой поясницу. «Не болит», — удивляясь, сказал он и поднялся во весь рост.

— Вы дверь когда-нибудь закроете?! — раздраженно закричал на стоявших у порога жену и дочерей. — Весь дом выстудили, на вас так-то и дров не напасешься и печи не натопишься, вот ежели бы помер седня, у вас тогда бы все прахом пошло.

Вдруг неожиданно с улицы в открытый проем двери, поверх голов матери и сестер, в дом ворвался колокольный перезвон, означавший скорое начало праздничной рождественской службы в храмах города.

(Продолжение следует)

Каури — монеты из раковин

Много тысяч лет назад люди обходились без денег — ничего не продавалось и не покупалось. В те далекие времена они брали все необходимое для жизни у природы.

Но время шло, человечество развивалось. Произошло разделение труда — появились скотоводы, земледельцы, ремесленники. У гончара много горшков, но они пусты. Не поешь из пустой посуды. У скотовода вволю мяса, но не в чем его варить, хранить запас воды, зерна. Без горшка не обойтись. Скотовод берет барана и ведет его к гончару — и баран превращается в глиняную посуду. Оба довольны. И всякий раз при обмене совершается чудо — зерно становится топором, рыба — одеждой, лук и стрелы — мотыгой и т.д.

Но не всегда гладко проходит обмен товарами.

Известный английский путешественник, исследователь Африки Камерон Верни Ловетт в 1873 году встретился с большой проблемой при изучении озера Танганьика. Он вспоминает: для поездки по озеру мне нужна была лодка. Сначала я хотел взять ее напрокат у Сиди ибн Хабиба. Но в качестве платы за пользование лодкой он требовал слоновую кость, которой у меня не было. Однако я узнал, что у Мохаммед Бен Салиба есть слоновая кость. Но пользы из этого для меня было не много — Мохаммед хотел по-

лучить взамен хлопчатобумажную ткань, которой тоже у меня не было. Тут я узнал, что у Мохаммед ибн Гариба есть хлопчатобумажная ткань, которую он хочет обменять на проволоку. К счастью, проволока у меня была. Таким образом, я отдал соответствующее количество проволоки Мохаммед ибн-Гарибу, он передал Мохаммед Бен Салибу хлопчатобумажную ткань, тот в свою очередь передал Сиди ибн Хабибу соответствующее количество слоновой кости, и тот, наконец, позволил мне взять лодку.

Проблема возникла из-за отсутствия у местных жителей общего денежного эквивалента. За общий эквивалент можно принять какой-то товар, который становит-

ся средством, с помощью которого обмениваются другие товары. Подобные товары и были первыми деньгами.

Например, в южных скотоводческих регионах из многолетнего опыта люди знали, что за одну овцу можно получить одну рыболовную сеть, или одну шкуру быка, или четыре глиняных горшка и т.д. Здесь в качестве денежного эквивалента выступает овца. Овец все охотно принимают, они всегда пригодятся. Их можно употребить в пищу или приобрести за них любой другой товар.

А вот в северных скандинавских странах в качестве денег выступали шкуры. Ими расплачивались за покупки, платили штраф. В своде за-

Раковина каури

Гана. 1 седи. Бронза

конов того времени говорится, что за оскорбление словом обидчик должен отдать лисью шкуру; за пощечину — куницу; за физическое увечье — соболя. Шкуры играли роль денег на Аляске, даже в древней Спарте, Риме, Карфагене.

Вообще, в разные времена у разных народов роль денег играли различные товары — ножи, ткани, копья, топоры, железные прутья, перец, прессованный кирпичный чай и т.д.

Но в домонетном периоде особое место занимают деньги, сделанные из раковин морских моллюсков. Эти деньги со временем вышли из региона их появления и стали общими для многих народов. Особую роль в этом отношении сыграли раковины каури.

Каури — морской брюхоногий моллюск. Удивительна судьба каури. Из сравнительно уединенного небольшого региона Мальдивских и Лаккадивских островов она распространилась в качестве денег чуть ли не на все северное полушарие Земли. Ее знали Индия и Цейлон, Сиам и Африка. Находят ее даже в далеких от родины

развалинах древней Ниневии, в славянских курганах, на берегах Балтийского моря, в могильниках древних Германии и Англии, Швеции и Франции. У народов Средней Азии и Северного Кавказа и Среднего Поволжья (мари, удмуртов, мордвы, чувашей) каури бытовали в XVII—XIX вв. как деньги, а затем и как женское украшение, передаваясь по наследству. Еще в XX веке раковины каури употреблялись в качестве денег на Цейлоне, во многих областях Китая, Индонезии, Индии и почти на всей территории Африки.

Раковины каури были мельчайшей денежной единицей и в больших количествах (нанизанные на шнурок, нашитые на материю или упакованные в мешочках) приравнивались к единицам других денежных систем, в том числе и чеканной монете. Естественно, стоимость каури колебалась в зависимости от места и времени. Например, в Индии в XIX веке тысяча раковин приравнивалась к одной рупии. В Америке же до появления доллара даже европейские переселенцы применяли так называемые

деньги «вампу», представлявшие собой нашитые на кожаный пояс каури. При введении доллара одна денежная единица вампу была официально оценена в сорок долларов.

Характерно, что страдаемые жаждой обогащения европейские колонизаторы попробовали подделывать ракушки. Однако фальшивомонетчики делали их слишком тонкими, отшлифовывая до такого блеска, что местное население быстро распознавало обман.

Ну, а на родине каури в то далекое время все было очень просто. Если верить рассказам арабских путешественников X века, то у королевы Лаккадивских островов казна никогда не пустовала. Когда казначей докладывал королеве, что денег осталось мало, она посылала своих подданных бросать в море ветки кокосовых пальм. В короткий срок к веткам прилипало множество моллюсков — носителей раковины каури. Оставалось их собрать, высушить, очистить от мякоти, и — «деньги» готовы.

Естественно, раковины каури сыграли очень большую роль в развитии денежного обращения в странах мира. В благодарность за это каури запечатлена на денежных знаках некоторых стран. Например, на монетах Гвинеи и Ганы. Что замечательно — монеты мелкого достоинства в Гвинее так и называются — каурисы.

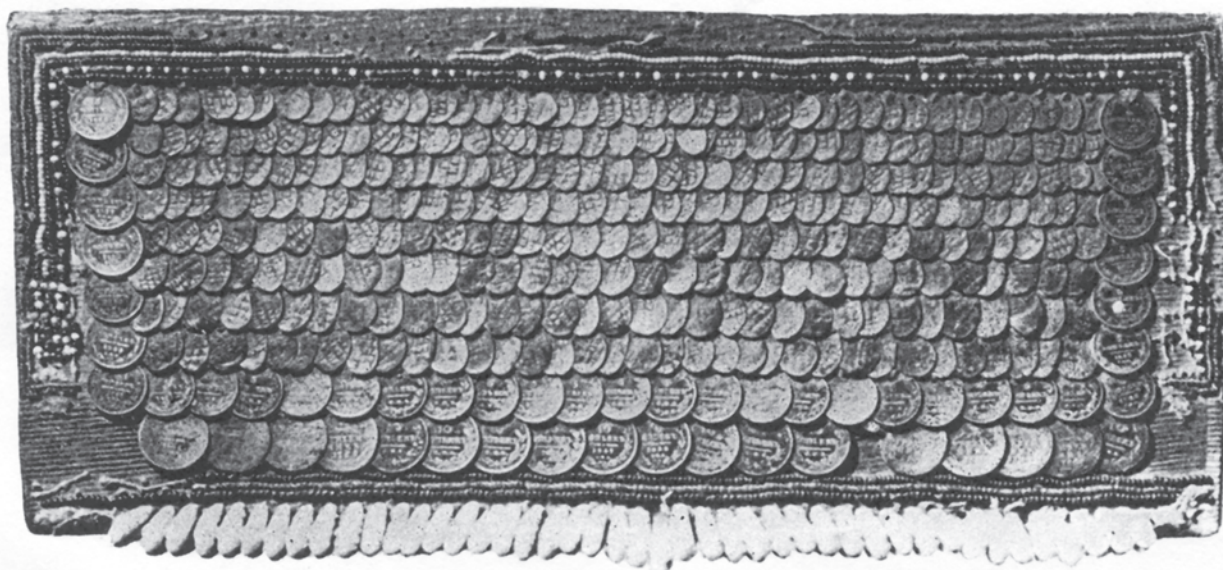
Как ни странно, но монетные дворы первобытного периода существуют и поныне, т.к. монеты из раковин имеют и в настоящее время широкое хождение среди коренного населения.

Есть на Тихом океане государство Соломоновы острова, состоящее из сотен островов и островков. Самый крупный — остров Гуадалканал со столицей Хониара. Производство денег — основное занятие жителей нескольких крошечных труднодоступных островков, о существовании которых в сердце архипелага, на Гуадалканале мало кто знает.

«Монетные» островки разбросаны в лагуне Ланга-Ланга. Есть несколько причин, объясняющих,

Гвинея. 50 каурисов. Алюминий

Деталь одежды одной из народностей Поволжья с нашитыми раковинами каури и монетами от времени Ивана Грозного до середины XIX века

почему деньги испокон веков изготавливали именно на островах лагуны Ланга-Ланга, например, на острове Ауки. Достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться в том, что ни о каком земледелии здесь не может быть и речи — кругом известняк. Здесь способна расти лишь кокосовая пальма. Ископаемых богатств нет. Море дает аборигенам рыбу. Но этого недостаточно. Значит, надо выменивать у жителей других островов зерно, фрукты, мясо и другие товары, даже крепкий камень. Для этого островитянам из Ланга-Ланга пришлось научиться делать такие вещи, которые не смог бы сделать никто, кроме них. Такой — единственной в своем роде — вещью стали деньги из раковин, но только не каури — они здесь не водятся. Ныне их «чеканят» только на острове Ауки. Здесь производят три вида денег из трех разных видов раковин — черные, белые и красные.

Нужно сказать, что «чеканкой» денег занимаются исключительно женщины. Мужчины лишь поставляют им сырье. Из пригодных материалов мастерица выбирает нужную раковину, сноровисто разбивает ее каменным молотком. Потом аккуратно проходится молотком по каждому из обломков, придавая им более или менее круглую форму. Поскольку известняк, единственный на Ауки камень,

недостаточно тверд, чтобы из него сделать молоток, островитяне покупают камень для молотков на острове Малаит. Молоток из этого камня стоит очень дорого. Круглые, примерно восемь-десять миллиметров в диаметре, кусочки раковин мастерица поштучно помещает в круглые выемки деревянного бруска того же размера, что и монеты. Затем, сильно нажимая на брусок, кругами водит по известковой доске, политой водой. Из бруска вынимаются готовые монеты — гладкие, приятные на ощупь.

Но на Соломоновых островах отдельная монета цены не имеет. Здесь платят связками монет, нанизанных на шнурок. Связка состоит примерно из пятисот кружков.

На черные монеты идет огромная, в тридцать сантиметров, раковина курила. Она в изобилии водится на мелководье вокруг острова. Поэтому черные деньги — самые дешевые на Соломоновых островах. Выше котируются белые. На их изготовление идет белая раковина какаду. Воды лагуны Ланга-Ланга изобилуют этой раковиной, зато в других местах ее почти нет. А вот красные деньги — это валюта. Они дороже белых ровно в десять раз. Красные монеты делают из раковины роуму. Их добывают на очень большой глубине и к тому же лишь в двух местах. «Агенты по снабжению» с Ауки покупают их у рыба-

ков пролива Маламасики. Причем продавцы категорически отказываются принимать за раковины твердую валюту — соломоновские доллары или на что-нибудь выменять. За красные раковины платят только красными деньгами. Корзина раковин стоит шнур красных денег.

В то время как финансовые кризисы и бури сотрясают европейскую и американскую валюту, курс ракушечных денег необычайно стабилен, и цена их даже возрастает. Обычно соломоновцы, отработавшие на плантациях, возвращаясь домой, немедленно меняют свою зарплату на раковинные деньги с острова Ауки, к которым питают доверие неизмеримо большее, нежели к долларам и фунтам.

Европейские и китайские торговцы тоже охотно принимают красные деньги, дают ими сдачу, называют в них цену товара.

В устойчивости раковинной валюты лежит обычай, по которому брачный выкуп платят только раковинными деньгами. Положение человека в маланезийском обществе определяют количеством связок раковин, сложенных в глубине плоскими камнями. Ракушечные деньги постоянно изымаются из обращения, а это помогает избежать инфляции.

Итак, деньги из раковин и в настоящее время в почете.

Евгений АНДРЕЕВ,
фото Юния ГОРБУНОВА

Заозерское золото

На самом севере Свердловской области есть населенный пункт, название которого однокоренное с областным центром. Это — село Екатерининка, расположенное в 40 км к юго-западу от г. Ивделя. В 2008 году исполняется 130 лет со дня обретения приисковым поселением статуса села. А история прииска началась значительно раньше.

...В 1780 г. столичный вельможа и царедворец Всеволод Алексеевич Всеволожский (1738—1796) купил компаньонов Максима Походяшина медные рудники, расположенные к северу от Богословских заводов, за озерами Светлым, Верхним и Средним. Эта территория в междуречье Сосьвы и Лозьвы получила название Заозерской дачи. Село Заозерное позднее стало именоваться Всеволодоблагодатским. Сегодня часть Заозерья входит в состав Ивдельского городского округа.

В.А. Всеволожский намеревался организовать здесь медеплавильное производство, но осуществить свой замысел не сумел.

Неудачей закончилась и попытка построить медеплавильный завод рядом с Заозерским рудником, предпринятая его наследником — Всеволодом Андреевичем Всеволожским (1769—1836), которому бездетный дядя завещал все свое состояние, включая вотчину на Северном Урале.

Новый владелец дачи переключил свое внимание с меди на золо-

то, которое в Богословском горном округе было открыто в 1823 году. В Заозерье вожденный металл был впервые найден в старых медных коях по речке Стрелебной. Позднее золотоносные россыпи обнаружались в других местах дачи, и прииски возникали один за другим. В 1830 г. был открыт Преображенский, а через год — Знаменский (Шапшинский) прииск. Разработка этих богатейших промыслов привела к зарождению Ивдельского селения, предшественника города Ивделя.

Речка Стрелебная

Школа в с. Екатерининка

В 1833 г. начал действовать Екатерининский прииск. Временное селение, возникшее при промысле, также долгое время называлось Екатериновкой, и только после 1878 оно стало именоваться селом Екатерининским. Есть версия, что названо оно так в честь дочери Александра Всеволодовича Всеволожского (1793–1864), Екатерины, родившейся 21 мая 1833 г.

Обживали дикие места и добывали драгоценный металл крепостные крестьяне и мастеровые люди, пригнанные на Северный Урал по приказу господ Всеволожских из их владений.

Позднее ремесло старателя стало передаваться из поколения в поколение.

Вплоть до закрытия прииска (последняя драга на Лангурском участке была демонтирована в 1957 году) работал на золоте потомственный добытчик драгоценного металла Владимир Николаевич Постоногов. Его дед — Степан Егорович — родился в Заозерской даче и в 1834 г. был занесен в «ревизскую сказку» (список населения). На приисках прошла вся его жизнь. И даже правнук Степана Егоровича — Вячеслав Владимирович Постоногов — в 90-е годы минувшего века оказался связан с золотодобычей, возглавляя кадровую службу сначала в старательской артели «Приполярье», а затем в акционерном обществе «Урал-Норд».

На Лангурском прииске

Но вернемся в прошлое. После смерти Всеволода Андреевича в права совместного владения имуществом семьи вступили братья Александр (старший по возрасту) и Никита Всеволожские. Осенью 1849 г. наследники завершили раздел фамильной собственности, включая Заозерскую дачу.

В 1858–1859 гг. Южно-Заозерские прииски находились в аренде у екатеринбургского купца Юхнева. Затем они попали в руки купца Ислентьева, который в 1873 г. добычу золота прекратил.

Оживление началось при новом арендаторе — купце Шадрине. Он построил в Екатериновском селении часовню, открыл лавки. В 1878 г. часовня была обращена в церковь, и временное поселение перешло в разряд основных селений волости.

К концу XIX века значение села Всеволодоблагодатского упало, а роль административно-хозяйственного центра стали выполнять Екатерининка и прииск Лангур. По сведениям Верхотурской земской управы, в 1908 г. с. Екатерининка насчитывало 138 дворов и 622 жителя. По размерам оно уступало только Никитов-Ивделю, главному селу Северо-Заозерской дачи. В селе имелись три торговые лавки и земское начальное училище. Перед первой мировой войной жители села всем «миром» построили для него здание, в котором до сих пор располагается сельская школа.

Старожилы Ивделя и поселков помнят немало историй, связанных с фартом и добычей вождельного металла старательством. Записан и в 2001 г. опубликован рассказ О.Е. Шаргиной, прожившей более 80 лет. Родилась она в типичной старательской семье и на золоте работала с 13-летнего возраста. Выйдя замуж, помогала мужу.

— Как-то на Лангуре заложили шурф глубиной четыре метра, — вспоминает Ольга Ефимовна. — Муж нагребает грунт в шурфе, а я воротом поднимаю бадью. И — о, счастье! — в смыве шесть «тара-

Село Екатерининка

канов» (небольших самородков). Бегу, радостная, а муж в глубине матерится: он уже по грудь в воде. Жилу-то нашли, но и струю откопали! А помпы были только у богатых да в артелях. Пришлось продать месторождение в казну.

В годы Великой Отечественной войны старательством можно было заниматься любому. Жительница Екатерининки В.М. Мальцева рассказывала, что она со старшей дочерью и сыном по вечерам мыла золото буквально в 100 м от своего огорода. За несколько часов старания добывали 2–3 золотника. Намытый золотой песок сдавали и получали боны. На них в магазине «Золотопродснаба» приобретали продукты и товары.

В 50-е годы эксплуатация месторождений драгметаллов в районе была прекращена. Спустя 15 лет ЮЗПУ планировало возобновить золотодобычу на законсервированном Лангурском участке и даже намечало расширить его границы. Под снос попадала половина Екатерининки, поскольку село в буквальном смысле стоит на золоте.

Однако золотодобывающая страсть возродилась только в 80-е годы, и ее «реанимация» связана с деятельностью не государственной организации, а старательской артели «Приполярье».

Современные старатели прошли шагающим экскаватором не только по старым копиям, отвалам и шахтам, но и разработали новые золотоносные площади, выявленные геологами в послевоенный период.

Однако в годы экономических реформ артель обанкротилась, а на ее обломках возникло ЗАО «Урал-Норд». В 1999 г. начал функционировать Лангурский участок. Сегодня он считается одним из самых продуктивных. Здесь, наряду с бульдозерной, действует и гидравлическая подача песков на промывку, изменена технология разработки россыпей.

GPS plus

Сеть специализированных магазинов "GPS plus":
Екатеринбург, ул. Малышева, 85а, тел.: (343) 216-11-78
Екатеринбург, ул. Восточная, 230, тел.: (343) 356-50-39
Пермь, ул. Соповьева, 12, тел.: (342) 215-51-46
Тюмень, ул. Семакова, 20, тел.: (3452) 24-22-98
Уфа, ул. Р.Зоргре, 9/3, тел.: (347) 277-79-32
www.gpsplus.ru

Используя GPS-приемник, вы можете проложить маршрут до интересного места, которое мы вам рекомендуем посетить. Введите в память прибора координаты предлагаемых путевых точек и постройте маршрут поездки в аятское охотхозяйство, чтобы увидеть живописные пейзажи и узнать много интересного об уральской природе

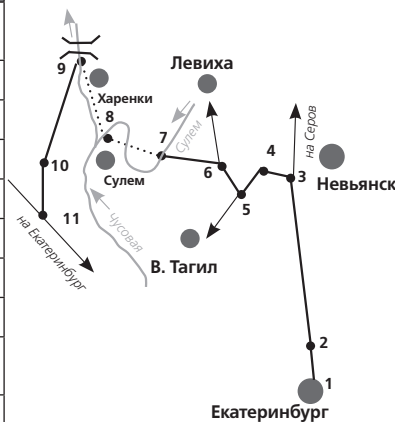
Сулем

Из притоков Чусовой Сулём - это, наверное, самая строптивая речка. Такой характеристикой она обязана баркам, ташам и тулумам (так старожилы называют шиверы, когда в русле реки в беспорядке лежат огромные валуны и течение становится стремительным).

Т.к. населенные пункты в начале и конце маршрута не имеют регулярного транспортного сообщения, автотранспорт необходимо заказать для подъезда к началу

№	Точка маршрута		широта	долгота
1	г. Екатеринбург, УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ, редакция	авто	N56°50'144"	E60°35'382"
2	выезд на трассу Свердловск-Серов	авто	N56°56'825"	E60°36'387"
3	съезд с трассы Свердловск - Серов	авто	N57°27'078"	E60°11'643"
4	поворот в Киров-граде	авто	N57°25'966"	E60°05'096"
5	съезд с дороги на В. Тагил	авто	N57°24'664"	E60°03'642"
6	съезд на дорогу вдоль водовода	авто	N57°26'184"	E59°57'400"
7	начало сплава от плотины	сплав	N57°27'731"	E59°30'312"
8	стрелка Чусовая-Сулем	сплав	N57°32'387"	E59°09'744"
9	конец сплава, мост в с. Харенки	сплав	N57°39'635"	E58°57'435"
10	с. Колпаковка	авто	N57°27'237"	E58°51'225"
11	с. Илим, выезд на трассу Шалы-Свердловск	авто	N57°22'052"	E58°57'880"

маршрута и возвращения после его прохождения.

К деревне Большие Галашки, откуда начинается сплав, нужно ехать через Белоречку и Кировград до рудника Победа (Ежовский). Не доезжая до него, необходимо свернуть налево, пересечь мост через р. Тагил и продолжать ехать на запад, отсюда до Больших Галашек, старинного старообрядческого поселения, по дороге около 30 км.

В верховьях Сулема находится Висимский государственный заповедник. Часть маршрута и подъезд к нему проходят по его охранной зоне.

Первые километры Сулем плавно и спокойно несет свои воды. Река глубокая, ширина ее до 20 м. Но после характерного левого поворота с большой заводью у правого берега

Сулем меняет свой нрав: появляются перекаты, шиверы, быстротоки, небольшие порожки. Таков Сулем на протяжении почти 30 км.

После моста на автодороге, связывающей пос. Висимо-Уткинск с дер. Сулем, заканчивается охранная зона заповедника. Река делает почти 20-километровую петлю на север и обратно и после разрушенного моста впадает в Чусовую. В устье реки стоит деревня Сулем.

Почти на 30-километровом пути по Чусовой от дер. Сулем до дер. Харенки встречаются камни-бойцы: Романов Камень, Афины Брови, Могильный и др.

У моста в дер. Харенки маршрут заканчивается.

* * *

Творятся на земле загадочные вещи:
Синь неба набухает, как лед на речке, вот
Еще чуть-чуть, и брызнет сквозь трещины полет
Стай птичьих, синева заплещет и заплещет.

Весна затопит нас. Затопит талым снегом,
Сходящим с тротуаров, с ума, с больших домов,
Пришедшей с горизонта волной сырых ветров
И буйным небом так, что станет больно векам.

Деревья в солнце — как в рояльном легком лаке,
Из черных лунок высят слоновой кости ствол.
И меж чудес весенних меня спокойно вел
Асфальт — растрескавшийся панцирь черепахи.

* * *

Весной, под кустом сирени,
Я тебя закопала.

Без особых прений
И перепалок.

Куст, дорожка,
Бинты снега,
Яма, ты — ты дороже
Для меня человека!

Весной, под кустом сирени,
Без зазрений
Совести, с тяжелой лопатой,
Я тебя закопала.

Неглубоко — земля твердая,
Не нашли бы собаки,
Не пронюхали б мордами,
Что ты мертвая, мертвая...

* * *

От пуха, летящего между солнцем и шторой,
Тени на гребнях бегущей складки,
Как от табора вольных птиц, который
Снявшись с насиженных гнезд, без оглядки
Направляется к югу, пересекая воздух
Между солнцем и морем, бросая тени
На гребни бегущей волны, но жизнь — лоскут,
Который без толка мир-неврастеник
В руках тербит, и не вырваться пухом,
Не вырваться птицей, ни телом, ни духом.

* * *

Бесконечное множество
Лет одиночества,
Дождей и бессонницы — на века.
Все выходы заперты,
Падаю замертво
В темных лабиринтах стиха.
Звезды, ветки — все лгунии,
Но мысль уже клюнула
На крючок вопросительного значка.
Бездна страшная, вечная
Открывается к вечеру,
И в нее летят облачка.

* * *

Как ветки живы птицами,
Как воздух звуком жив,
Как пьеса — репетицией,
Чем я жива, скажи?

Твоей ли волей вышнею,
Безволием Твоим?..
Цветет простор над вишнею,
И Ты молчишь над ним.

* * *

Как пахнет яблонями сад!
Соцветья грузно прогибают
Сеть веток, лепестки кидают
На ветер, вдоль оград.

Расцветивается сирень
Бумажными с резьбой флажками,
Пропахла женскими духами
Насквозь сквозная тень.

Пылится под кустом лопух,
Скрипят две старые качели.
А тополя потяжелели,
И скоро будет пух.

Ксения Шалобаева живет в г. Екатеринбурге, учится в УрГУ на филологическом факультете. Лауреат Рождественского поэтического конкурса 2001 года. Стихи публиковались в журнале «Урал», коллективных сборниках «Шаг в будущее» (БКИ), «Складчина» («Урал»), «Рождественский поэтический...» («Калан»).

* * *

Щеки сгорают в пульсирующем румянце рябин,
Кожа желтеет и опадает, как штукатурка.
На языке бульвара в лужах чуть тлеет серый ватин,
Занявшись от кончика непогашенного окурка.
Прошу вас, ходите на кончиках клеток кожи ступней,
Чтоб пятки — деревянные молоточки в рояле —
Не сделали заболевшему осенью лету больней,
По струнам обнаженных ветвей не ударили.

* * *

Послушай, как тихо.
Послушай, как дышит теплом тихий двор,
И, как облепиха
Пупырчат, льет свет из расширенных пор.

Послушай, как гулко
Играет земля, как большой барабан!
И воздух, как булка
Из печки: и свеж, и горяч, и румян.

Послушай, ведь это,
Наверно, весна, и теперь, наконец,
Не будет здесь неба,
А будет густой голубой варенец.

* * *

И о чем только плачут ангелы,
Эти глупые ангелы?
О том ли, что тело их больше не греет?
О том ли, что крылья носить не умеют?

И о чем только плачут ангелы,
Эти грустные ангелы?
О том ли, что в небе, как в форточке, тесно?
О том ли, что некому слушать их песни?

И о чем только плачут ангелы,
Эти светлые ангелы?
О том ли, что ветры насквозь продувают?
О том ли, что знают, что их не бывает?

* * *

Я лягу в семь, меня разбудят в восемь.
Какое время: лето или осень?
Зима. Рука — наждак, за шторой — темень,
Ослаблено давление в котельной.

По замкнутому кругу, по спирали —
Дорогу прямо у людей украли.
Уже с утра из фонаря метелит, вьюжит,
И ветер складками сугробы заютюжил.

Следы — немые спутники прохожих,
От двери к двери, к коврику в прихожей.
Я лягу в семь, меня разбудят в восемь.
Давай все бросим, жизнь, давай все бросим.

* * *

Был снег
и пушистые улицы.
Пустынный проспект
щурился
фонарями
под седыми бровями.

Мороз,
обжигающий легкие,
шуршанье колес,
далекие
отголоски:
ругань, смех у киосков.

А здесь
тишина — тише тихого,
и мне одной весь —
индигово —
серебрист —
мир подарен браслетом на кисть.

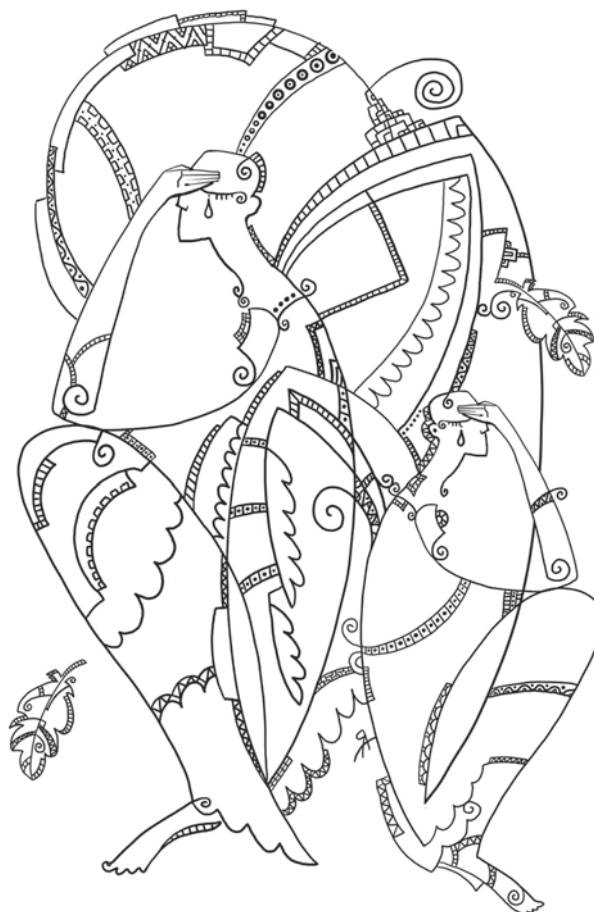

Рис. Яны Ахметшиной

Светлый шелк неба

Светлый шелк неба у каждого получался своего, особенного оттенка. У серьезного Зима — бирюзовый, прохладный; у его соседа — густо-синий, как в июньский полдень.

Томео, пряча улыбку в густую бороду, еще раз обошел учеников. Семь голов, старательно склоненных над работой; семь льняных платков, распяты на тугих деревянных кольцах. Семь небес, рождающихся под проворными пальцами. У каждого — свое.

— После того, — негромко сказал Томео, опираясь кулаками о каменный подоконник и разглядывая настоящее небо. Высокое, лазоревое, безоблачное. — После того, как вы научились видеть цвет, следует потренироваться в создании формы. Ученик Зим, о чем надлежит помнить, прежде чем положить первый стежок?

— Прежде чем соединить нитью начало и конец первого стежка, необходимо проложить мысленно не только этот стежок, но и последующие.

— Почему, ученик Зим?

— Потому что нельзя вышить поверх того, что уже вышито.

— Хорошо, ученик Зим, — Томео задумчиво смотрел в круглые глаза Зима. Запомнил. Но понял ли то, что запомнил? — Ученик Аль! — Нельзя дать повод думать, что мастер Томео выделяет своего сына из прочих и проявляет снисхождение.

— Ученик Аль, на занятиях надлежит смотреть не в окно, а в свою работу или на учителя. Что есть игла вышивальщика, Аль?

Темные глаза Аля, обратившиеся к отцу, вспыхнули беспокойно и горячо. В такие смотреть, будто угли в ладони держать — и красота мерцающая, колдовская; и жжется — до боли, до кровавых волдырей. Мамины глаза. А голос свой — не робкий, как шелест летнего ветра; а звонкий, подобно говору быстрого горного ручья.

— Игла есть продолжение не только пальцев вышивальщика, но его сердца и глаз. Нить, продетая в иглу, связывает воедино взгляд, сердце и руку. Каждый стежок настоящий мастер делает сперва глазами, потом сердцем, и только потом — рукой.

— Что ты опять увидел в этом окне, ученик Аль?

— Птицу, учитель.

— Что? — вздрогнув, Томео повернулся. Ему почудилось, что на подоконник упала тень огромных крыльев. Будто не городская пичуга — юркий воробей или неуклюжий голубь — пролетела мимо, а какая-то большая нездешняя птица.

— Только я думаю, что это не так, учитель.

— Что? — Томео опять вздрогнул. Глаза сына смотрели взволнованно; губа закушена, вороная прядь перечеркивает бледный лоб. «Мальчик мой, — задохнувшись от нежности, подумал Томео, — как же ты похож на Альду. Особенно сейчас». Эта прозрачная кожа, детская хрупкость узких плеч, тонких запястьев. Захотелось обнять, нежно и крепко, прижать к сердцу, никогда не отпускать. Защищать — от ветра, времени, непогоды. От смерти. Игла вышивальщика — продолжение сердца? Ты — мое продолжение, мальчик. Моя солнечная нить. Что я без тебя? Пустая игла, которая бесположно ранит ткань жизни, не оставляя ни света, ни красоты волшебного рисунка. Томео заставил себя опустить задрожавшие руки. Потому что знал, что бессилен. Так как не смог уберечь Альду. А ведь пытался. Лучшая знахарка, лучшие лекарства. Рубашку вышил — с хризантемами. В каждый лепесточек весь свет, всю надежду вложил. Сам все время рядом; в последние дни о еде и сне вообще забыл, домашние считали, что помешался. А ему казалось — если не выпустит из руки исхудавшую ладошку — удержит. Не отдаст — той, костлявой страшной гостье, которая уже хозяйски озиралась на пороге. Не удержал. Так потом и похоронили в той рубашке с хризантемами. Соседки все шептались, что непорядок — живое, мол — живым. Дурь. Разве он мог кому-то еще отдать те, ее цветы?...

Разве он мог теперь лишней раз приласкать мальчика, опасаясь вызвать у других зависть; опасаясь испортить его слишком мягким воспитанием; опасаясь потерять. Будто мальчик теперь был единственным живым цветком, и страшно было сломать его неловким движением. Будто теперь само прикосновение Томео, не сумевшего

Татьяна Томах родилась и живет в С.-Петербурге. Образование - высшее техническое (С.-Петербургский государственный технический университет, факультет технической кибернетики). Работает в компании «ТРАНЗАС», принимает участие в разработке программного обеспечения для навигации. Пишет стихи и прозу. Занимается в литературных студиях - поэзии при СПбГТУ; прозы при ЦСЛИК (Центр современной литературы и книги). Участник, финалист, победитель некоторых сетевых литературных конкурсов. Есть публикации в сборниках и журналах («Порог», «Реальность фантастики», «Знание — сила», «Техника — молодежи»).

удержать любимую супругу, было отравлено беспомощностью и обреченностью.

— Что не так, ученик Аль? — строго переспросил Томео.

— Я думаю, что сперва мастер делает стежок сердцем, а потом уже взглядом. Потому что мастер часто вышивает то, чего нет на самом деле. То, чего нельзя увидеть.

* * *

— Какие цвета, матушка Клио! — восхитился Томео, перебирая мотки новых шелковых ниток. — И откуда вы берете такие дивные краски?

— Ну, мастер Томео, — коричневое лицо старушки еще больше сморщилось от довольной улыбки. — Я ведь не выпытываю ваших секретов!

Пальцы вышивальщика с удовольствием поглаживали теплый шелк — будто спинки разноцветных чудных зверьков.

— Черный, — Томео удивленно разглядывал растрепавшийся моток на своей ладони, похожий на огромного паука. — А вот еще... Раньше ведь у вас не было черных ниток, матушка Клио? И серых... Помните, много лет назад, когда я спросил, вы мне сказали, что даже глаза не могут быть черны — я просто плохо разбираю цвет. И что туча, несущая плодородный дождь, на самом деле переливается серебром и перламутром, если разглядеть ее суть... А иные тучи изображать не след...

— Ну, — старушка будто смутилась — времена меняются, мастер. И после яркого заката наступает ночь, хотим мы этого или нет. Вот и я теперь решила, что нитки должны быть всяких цветов, чтобы каждый мог выбрать то, что ему нужно.

Матушка Клио отобрала у Томео черный моток и сердито отшвырнула обратно в корзинку. Черного паука — к беззаботным ярким бабочкам.

* * *

— Ученик Лис, о чем должен думать мастер за работой?

— О работе, учитель, — востроносый белообрый юноша запнулся под строгим взглядом. Поправился: — О предмете, который создает... о... о его сути. Иначе суть созданного предмета, а значит, его назначение и действие могут быть искажены...

— Хорошо.

Семь пар глаз выжидательно смотрели на Томео; семь тонких игл подрагивали в нетерпеливых пальцах, готовые связать воедино мысль, чувство и волшебное сияние шелка.

— Когда вы будете вышивать тучу на своем небе, вы должны думать о дожде внутри ее. Добром, долгожданном дожде, о котором молятся крестьяне в жаркие дни. О жизни внутри вашей тучи — но не о темноте и тяжести. Понятно? Теперь можете начинать.

Он посмотрел, как иглы скользнули к чистым полотнищам ткани — одни медленно и нерешительно, другие — уверенно. Оперся о подоконник, с удовольствием чувствуя пальцами прохладное прикосновение камня. Над ратушей в безоблачном небе плавилось раскаленное солнце. Сейчас приятно думать о дожде — о теплом

летнем ливне, который прильет горячую пыль, вымоет до блеска мощные улицы. Под таким ливнем хорошо плясать, хохоча и подставляя под ласковые струи лицо, плечи и ладони. Хорошо — особенно когда ты беззаботный мальчишка, а не уважаемый мастер цеха вышивальщиков... Давно не было дождя — недели две, три? Странно, уже очень давно...

— Что это, ученик Аль? — Томео вдруг осип, и вопрос получился почти беззвучным.

— Дождевая туча, мастер, — почтительно ответил Аль, не прерывая работы. Стежок за стежком ровно ложились на туго натянутую ткань, обозначая границу между светлой глубиной неба и краем тучи. С каждым движением проворной иглы туча на ярко-синем небе Аля все больше становилась похожа на огромную хищную птицу. Черную птицу, раскинувшую крылья над маленьким, будто игрушечным, городом.

Черную птицу.

Черную.

Мастер Томео все еще пытался справиться с голосом. Аль ловко закрепил последний стежок; нагнувшись, перекусил кончик нити. И тут за окном в небе, потемневшем в один миг до густой чернильной темноты, полыхнула молния. На улице вскрикнула женщина; один из учеников испуганно ахнул; упала корзинка со швейными принадлежностями, с жалобным звяканьем рассыпались по полу коробочки с иглами. На город, измученный трехнедельной жарой, обрушилась яростная, сверкающая огненными молниями, чернокрылая гроза...

* * *

Утром в дом мастера Томео ворвался посетитель. Отряхнул на пороге грязь с башмаков, истрепанных дорогой; сбросил мокрую накидку из козьих шкур. Долго кланялся удивленному хозяину, раскладывая у ног подарки — бочонок с медом, легкое, будто кружевное, одеяло из козьего пуха. Благодарил сбивчиво, но искренне, захлебываясь словами.

Мол, слава мудрому мастеру Томео, который все знает и чувствует. И позор на голову глупого Мак-Гала, дурня из дурней. Даром что выбрали его старостой восточные хранители хлеба. Не заметил Мак-Гал, что истлела старая, еще дедам даренная вышивка. Рассыпалась в пыль. Пока сообразил дурень Мак-Гал заглянуть в сундук; пока ахал да собирался в путь; пока топтал неуклюжими ногами дорогу — тут бы и совсем засохла земля, погиб урожай. Но слава мудрому мастеру Томео, который все знает и чувствует! Ах, какой могучий ливень вчера ласкал пересохшую землю! А теперь мастер Томео передаст глупому Мак-Галу новую вышивку — чтобы добрый дождь впредь всегда поил досыта восточные земли?

Мастер Томео долго разглядывал вчерашнюю работу сына. Хмурился. Велел Алю показать иглу. Игла оказалась обыкновенной, ученической, как и должно. Спросил, указывая пальцем, но избегая дотрагиваться до бока черной хищной тучи:

— Почему ты вышил ее так, Аль?

Аль ответил робко, не поднимая глаз; но упрямо:

— Помните, вы мне ответили, отец, что сначала мастер должен увидеть будущее создание. Но не глазами, а своим сердцем. И потому это не всегда будет то, что видят остальные. Я увидел ее такой.

Сначала Томео хотел приказать сыну распустить злосчастную вышивку — стежок за стежком, начиная с самого последнего. В порядке, обратном тому, с которым стежки ложились на ткань. Потом передумал. Это было бы равносильно признанию, что ученическая работа пугает мастера Томео. Что ей придается больше значения, чем должно. Что вчерашняя гроза, кстати, ударившая молнией в ратушу, могла быть не просто совпадением.

В конце концов Томео с осторожностью, которую предписывали при обращении со старыми опасными вышивками, отнес работу сына в хранилище и уложил в сундук, прикрыв чистой тканью.

А в следующую ночь мастер Томео создал для восточных хранителей хлеба вышивку взамен умершей. И в отягощенной добрым дождем, пухлощекой туче, которую он вручил утром довольному Маг-Галу, не было ни одного черного стежка. Ни единого.

Перед выпускным экзаменом Томео волновался, кажется, больше сына. Даже учителю не следовало заранее спрашивать учеников о придуманной дипломной работе — дабы не повлиять на замысел и не исказить результаты. Но Томео спросил.

— Я собираюсь изобразить Стену Мира, отец, — послушно ответил Аль. — И цветы возле ее подножья. И небо над ней.

Стена Мира часто становилась темой дипломных работ. Это поощрялось. И монументально, и патриотично, и чем чаще будет воспеваться крепость и незыблемость Стены Мира, тем лучше.

— Хорошо, — с облегчением кивнул Томео. Задумался, пытаясь отыскать возможный подвох в такой спокойной теме. Черная тень той, надежно упрятанной в старом сундуке, вышивки еще иногда мерещилась ему, будто задевала затылок краем ледяного крыла. Томео уточнил: — В том небе, Аль, не будет туч? Или птиц? Черных птиц?

Аль задумался. Потом улыбнулся. Покачал головой.

— Я еще неотчетливо вижу мою Стену, отец. Но ничего такого не будет. Точно. Там будет чистое светлое небо. Я обещаю.

На вступление в цех вышивальщиков в этом году претендовали четыре ученика мастера Томео. Экзаменов проводили в кельи во Дворце мастеров и под наблюдением мастера Бри, главы цеха вышивальщиков, запечатали двери. Ровно через сутки ученикам надлежало представить дипломные работы на суд экзаменаторов во главе с губернатором города. Учителям дозволялось присутствовать при оценке.

Первые два ученика не посрамили Томео. Выпуклые колосья на одной работе так и манили ухватить в ладонь, ощутить упругость и тяжесть зерен, порадоваться доброму урожаю. Над пшеничным полем вдалеке возвышался

восточный край Стены мира. На второй вышивке из бурливой горной речки, играя, выпрыгивала форель с перламутровым блестящим брюхом. Один из экзаменаторов вдохнул, будто пытаясь ощутить запахи реки и рыбы — такой свежестью веяло от работы.

Томео натянуто улыбался в ответ на поздравления губернатора и с тревогой смотрел, как Аль идет по проходу, держа на вытянутых руках свою прикрытую белой тканью вышивку.

Бри, сухонький востроносый старичок, сообразил быстрее всех. Кто-то еще только успел ахнуть, восторгаясь красотой и живостью алого цветка на переднем плане; кто-то недоуменно нахмурился, разглядывая изломанные стебли и смятые лепестки других цветов, кто-то еще только скользнул взглядом к нависающей над полем громаде стены Мира, отмечая какую-то несуразность знакомого силуэта... А мастер Бри уже споро накинул на вышивку белую ткань. Морщась, как от зубной боли, пробурчал скрипуче и резко:

— Недоработано. Мастер Томео, извольте забрать и объяснить ученику его... э... ошибки.

Обернулся к губернатору:

— Извините, ваша светлость, юноша безусловно талантливый, но слишком перевозмозвился. Дозвольте перенести экзамен на будущий год.

Губернатор, так и не успевший ничего разглядеть, милостиво кивнул.

Ночные гости редко приносят хорошие вести. Даже если среди ночи приходит старый друг. Верный друг, не побоявшийся рискнуть своей репутацией и жизнью, чтобы предупредить о беде.

— Не нужно, — морщась, махнул Бри на поднос с фруктами и вином, предложенный заспанной служанкой. Сухая старческая ладошка была словно птичья лапка. — Холодного чаю полкружки или воды. Душная ночь. — Ясные не по возрасту глаза обратились к Томео. — Та... вышивка... еще существует?

Томео неохотно кивнул.

Когда они с молчаливым Алем вернулись со злосчастного экзамена, Томео первым делом потребовал распустить вышивку. Стежок за стежком, в порядке, обратном тому, с которым они ложились на ткань. Потому что только создатель мог уничтожить свою работу — если сам желал этого. Впрочем, даже у самих создателей это получалось не всегда. По крайней мере — не всегда точно так, как им хотелось.

Аль отказался.

— Прости, отец, — сказал он, не поднимая глаз: — Я не могу. Даже для тебя... я не могу солгать ни одним стежком. Я увидел ее так...

«За что мне это? Ну за что?» — подумал Томео, глядя на бледного, напряженного, как преступник на допросе, сына и Стену мира за его спиной. Несокрушимую, вечную Стену мира, на вышивке Аля оскалившуюся рваной раной черного провала. Полоса священных цветов перед Стеной была вытоптана; только один цветок покачивался на слишком тонком стебле, и его дрожащие на ветру лепестки напоминали капли крови. Мастер Томео тяжко вздохнул и, укутав страшную вышивку белой, не знав-

шей иглы, тканью — будто покойника в саван — отнес ее в сундук. К той, первой, где черная птица простирала над городом огромные крылья, предвещающая беду...

— Неважно, — мастер Бри глотнул чаю, снова поморщился, как от укуса, отставил чашку. — Теперь неважно. Томео, вели своему сыну собрать вещи. Легкую сумку. Пусть поторопится. Потом ты проклянешь его и изгонишь из дома и из города, а я засвидетельствую обряд. — Бри предупредительно поднял сухую ладонь, заставляя мастера Томео молчать. — Времени мало, Томео. Ты мне веришь?

Томео склонил голову под его взглядом.

— Нельзя ли... — тяжело вздохнув, начал он.

— Поторопи сына.

Поднятый с кровати Аль торопливо одевался. Томео вернулся в гостиную, время от времени пребольно щипая себя за руку — в надежде наконец проснуться и забыть происходящий сейчас кошмар.

Бри стоял возле окна, напряженно вглядываясь в пустынную ночную улицу.

— Вечером к губернатору прилетела почтовая птица от пастухов западных лугов, — сухо и отрывисто сказал Бри, не оборачиваясь. — Черная птица. Знак беды. В записке... — Бри осип, кашлянул несколько раз, продолжил тихо, еле слышно: — В записке говорилось о трещине, о провале в Стене Мира.

Бри обернулся — страшно постаревший и осунувшийся за несколько минут.

— Ты понимаешь, Томео, что они сделают с твоим сыном, когда вспомнят, какую вышивку он представил на экзамен?

Он даже не успел ничего толком объяснить сыну. Аль моргал спросонья недоуменно и растерянно, пытаясь улыбнуться — должно быть, ему тоже казалось, что все это — просто дурной сон. Тяжелые, непоправимые слова срывались с заостренных губ Томео. Мастер Бри, вслушиваясь, кивал, прикрыв глаза.

— Если ты осмелишься вернуться к порогу моего дома, я захлопну дверь перед твоим лицом, — закончил Томео. «Лучше бы я проглотил все свои иглы и они вспороли мне внутренности», — подумал он. Лучше бы...

— До рассвета, юноша, тебе следует покинуть город, — сказал мастер Бри, подхватывая Аля под локоть. — Поторопись. Мы проводим тебя до ворот. Ступай на восток. Вот тебе письмо к доброму Мак-Галу, он будет счастлив оказать тебе гостеприимство.

Она вывернулась невесть откуда — шустро выпрыгнула из темноты, запричитала, хватая Аля за руки:

— Ай, сыночек, да куда же! В темную ночь, на незнакомую дорожку, ай-ай!

— Матушка Клио, — изумился Бри, первым признавший старушку.

— Вот пирожков на дорожку-то, тепленьких, держи, держи, малыш, — матушка Клио силком впихнула в руки Аля полотняный мешочек; подергала куртку, заставив юношу нагнуться; расцеловала в обе щеки, погладила

по голове. — Дорожка-то длинная, ай! Ну, ступай, раз старшие велят. Ступай. Раз такая у тебя дорога. — Матушка Клио легонько подтолкнула Аля в спину. — Пусть небо тебе будет светлым шелком, сынок.

Так и получилось, что Аль шагнул в ворота города не под проклятия отца, а под доброе напутствие матушки Клио.

«Ты — мое продолжение, мальчик, — думал Томео, глядя вслед сыну. — Моя солнечная нить. Что я без тебя? Пустая игла, которая только больно колет пальцы и не умеет оставить даже простого рисунка...»

Хотелось крикнуть: «Я люблю тебя, сынок!», но он не мог даже пожелать светлого неба, как матушка Клио. Хотелось, чтобы Аль обернулся, хоть разочек. Чтобы понял. Чтобы простил — за слова, которые были сказаны, и за те, которые так и не были произнесены.

Аль не обернулся. И мастеру Томео почудилось, что ножницы в чьей-то невидимой руке перерезали солнечную нить его жизни. Ножницы, чьи черные лезвия были похожи на крылья огромной птицы...

Сперва Аль шел, не разбирая дороги. Слезная муть застилала глаза, и в ней плавало видение бескровных отцовских губ, роняющих проклятия, и двери родного дома с медным кольцом, до блеска натертым сотнями ладоней. Двери, теперь закрытой для Аля навсегда.

Потом Аль сообразил, что идет не на восток, как велел мастер Бри, а на запад. Остановился. Измученные ноги задрожали. Юноша присел на траву возле дороги. Вдохнув горьковатый запах полыни и душистый — мяты, шмыгнул носом; припомнил горячий чай с мятой и медом, который пили дома по утрам — и расплакался.

Высоко поднявшееся солнце напекло затылок. Из мешочка матушки Клио, повернувшегося под щеку, вкусно пахло пирожками. Аль утер слезы, съел сладкий пирожок с земляникой и решил, что теперь все равно, в какую сторону идти. Какая разница, если у него больше нет своего дома.

Цветы на лугу, через который он шел, были такими красивыми — захотелось сейчас же подобрать цвета и хотя бы наметить рисунок, чтобы потом, уже не торопясь, завершить вышивку. Аль полез в котомку, не сразу припомнив, что мастер Бри, пересмотрев собранные вещи, отобрал шкатулку с нитками и иглами. А ту ученическую иглу, которой Аль вышил свою дипломную работу, мастер Бри уронил на пол и раздавил каблуком. Недовольно морщась, будто исполнял крайне неприятную обязанность. Аль опять едва не расплакался, вспомнив обломки ни в чем не повинной иглы.

Его будто что-то гнало вперед. Аль почти не ел — пирожки матушки Клио потихоньку каменели в мешке. Спал урывками — стоило закрыть глаза, Аль проваливался в серую вязкую муть, как в болото, из которого сейчас же хотелось выбраться. Сперва думал — из-за непривычки к ночевкам под открытым небом; потом разобрался, что любая остановка раздражает, кажется пустой потерей времени. Будто внутри Аля поселился кто-то чужой, зло

и нетерпеливо погоняющий усталое тело и непривычные к долгой ходьбе ноги. Куда? — растерянно спрашивал у него Аль. Скорее, сердито торопил чужак. Скорее.

Утром третьего дня Аль раздвинул колючие лапы последних елей на краю западного леса. Над изломами мертвых скал выступал краешек Стены Мира. Аль замер, задохнувшись — и в этот миг осознав, куда так стремился идти. Он хотел увидеть Стену Мира. Ту, что была вышита его сердцем, рукой и ученической иглой, раздавленной башмаком мастера Бри. Увидеть и убедиться, что Стена Мира цела и уродливый разлом не коверкает ее совершенного силуэта. Конечно же, цела, а что может с ней приключиться?

Торопясь, спотыкаясь, едва не падая, Аль спустился вниз, в долину Сухой воды — в узкое изломанное русло давно пересохшей реки. Кратчайший путь к западной Стене Мира среди мертвых скал.

Ноги увязали в песке, запинались о камни, обточенные водой и выбеленные солнцем — похожие на черепа странных существ. Некоторые огромные валуны приходилось обходить, через другие — перелезать, чтобы не застрять в завалах из коряг, веток и камней, преграждавших путь. Аль запыхался. Солнце, будто застывшее в зените, обжигало затылок и плечи, слепило глаза. Слишком поздно — лес уже скрылся за несколькими изгибами мертвой реки — Аль вспомнил, что не догадался захватить воды. Возвращаться назад было почти столько, сколько идти вперед. По крайней мере, Алю хотелось так думать. Разозлившись сам на себя, он ускорил шаг — попытался ускорить — не обращая внимания на цветные круги, все ярче вспыхивающие перед глазами. Просто солнце. Скорее, торопил чужак — тот, который верил, что еще все можно исправить. Если успеть до того, как Стену Мира разорвет черная трещина, если успеть... А потом цветные круги сложились в ослепительную радугу на вышивке во Дворце мастеров; а из-под радуги вспенилась и полетела по мертвому руслу полноводная бурливая река. Обожгла брызгами пересохшие губы Аля — и обрушилась на него; сшибла с ног, залила ледяной водой глаза, рот, ноздри, потащила по дну вместе с камнями и обломками веток...

Аль закашлялся, пытаясь вдохнуть.

— Живой! — Говор был непривычным, гортанным — будто язык, знакомый Алю с детства, с трудом пробивался сквозь рокот горной реки.

— Так, Ра, живой, — подтвердил еще более неразборчивый и низкий голос. — Только сейчас захлебнется. Отберите у него флягу.

Аль открыл глаза и сейчас же прищурился. Солнце запуталось в облаке пушистых волос — будто богиня Радуги и Солнца наклонялась над Алем, протягивая в ладонях напиток бессмертных. Привыкнув к сиянию золотого нимба, Аль разглядел тонкий профиль, птичьим крылом взлетающую к виску бровь и блестящий глаз удивительного яблочного цвета и узкого, дивного, похожего на лепесток цветка Чи, разреза.

— Ну, чего уставился? — кривя губы в усмешке, богиня отняла флягу; дернула головой. — Красивая?

— Красивая, — благоговейно выдохнул Аль, завожженный вспыхнувшим на солнце нимбом. И не сразу разглядел, что левая сторона лица девушки обезображена длинным кривым шрамом — от скулы до виска, до розовой сморщенной кожицы, затягивающей ослепшую глазницу.

Полоска черной ткани закрывала Алю глаза во время тряской и торопливой дороги.

— Вот лазутчик, отец, — хрипло и презрительно сказала богиня Радуги. Сорвала повязку и подтолкнула Аля в спину — так, что он упал на четвереньки на жесткие вытертые шкуры.

— Я не лазутчик, — возмутился он, пытаясь подняться.

— Правда? — широкоскулое смуглое лицо склонилось над Алем. В раскосых глазах будто плавали капли тягучего солнечного меда. И голос был как мед — неторопливый и вязкий. — Правда? Тогда тем более ты нам все расскажешь, да?

Полог из тяжелой темно-серой ткани качнулся, отрезая от Аля светлое небо. Будто набухшая дождем туча, которая еще не решила — то ли проплыть мимо, то ли раскрыть черные крылья и кинуться на землю огненной грозой. Как ворон на цыпленка.

— Отец сказал — ты мой пленник, мне тебя и отпустить, — богиня посмотрела хмуро; покусала тонкую губу, шевельнула рукой. Аль не успел заметить, как в ее пальцах блеснуло тонкое лезвие, разрезало ремни на его запястьях. — Он тебе поверил.

— А ты?

Богиня дернула плечом. Мол, какая разница? Нет, не богиня. Когда говорит или усмехается вот так дергаю — просто диковатая, обиженная на кого-то девчонка. Понятно, на кого — кто изуродовал ей лицо, превратил совершенство рисунка в мятую рваную ткань. И у кого рука поднялась? Или просто — случайность? Несчастный случай?

— Чего пялишься? Красивая?

— Когда не злишься и не кричишь — красивая, — стараясь говорить ровно и спокойно, ответил он. Выдержал взбешенный взгляд. Осторожно указал на длинные ножны на поясе девчонки, вышитые разноцветными бусинками. — Можно? Можно взглянуть?

Серебряная молния очутилась в руках девчонки еще быстрее, чем нож. Затанцевала, отбрасывая на серые стены шатра солнечные блики.

— Что, правда никогда не видел сабли? — усмехнулась девчонка, наблюдая за восхищенным лицом Аля. Он качал головой. Осторожно тронул перевитую кожаными ремешками рукоять, хищно выгнутое сияющее лезвие. Ледяное, как вода в горном ручье. Палец дрогнул, из тонкого пореза выступила капля крови.

— Зачем? — удивился Аль, разглядывая царапину и скалящееся огромное лезвие. Осекся, переведя взгляд на кривой шрам, исковеркавший лицо богини. Девчонка фыркнула, с лязганьем швырнула саблю в ножны. Отвернулась.

— Что, у вас вообще нет оружия?

— Я ведь уже говорил. Нет, — уже начиная немного сердиться за недоверие, ответил Аль.

— Как это?

— А зачем?

— Ну... — девчонка вроде даже растерялась. — Как за чем? Понять, кто сильнее; кто вождем будет...

— Хранители хлеба на осеннем празднике соревнуются, кто сильнее — кто быстрее и дальше с мешком зерна пробежит; лесовики — бревна поднимают... Только, э... вождем все равно самый мудрый становится — кто больше примет помнит, кто лучше об урожае и о людях сможет позаботиться.

— Ну, а если кто нападет — как отбиваться? — не сдавалась девчонка.

— Кто нападет? — удивился Аль. — Зачем?

— Как зачем? Землю отобрать, коней, овец, зерно...

— Зачем отбирать? Если надо что другому — поделись, а когда тебе будет надо — он с тобой поделится. А отбирать... — Аль улыбнулся. — Малые дети в песочнице игрушки отбирают друг у друга — пока разговаривать не научились и договариваться.

— Странный ты, — фыркнула девчонка. — Сабли не знаешь. Может, из лука умеешь? Нет? Тогда кто ты? Лесовик?

— Вышивальщик, — гордо ответил Аль.

Девчонка недоуменно смотрела, будто решая — шутит или нет; потом расхохоталась.

— Ой, не могу! Вышивальщик! Как моя колченогая бабка Лиса — вышивальщик!

Пора было идти. Вещи ему вернули, даже мешочек с закаменевшими пирожками. Аль поднял котомку, оглянулся — ничего не забыл? Вспомнил презрительную усмешку Ра. «Если бы у меня была игла и хоть немного ниток, я мог бы показать», — вздохнув, подумал Аль. Если бы... Он сунулся в котомку, еще раз неторопливо перебрал свое скудное имущество — спешить-то некуда. Никто не гонит, никто не ждет. Аль вынул из мешочка матушки Клио все пирожки — куда их теперь? — и ойкнул, наткнувшись внизу на что-то острое. Доставал осторожно, затаив дыхание — боясь ошибиться. Не тусклая, ученическая, а сияющая, стальная — игла мастера — легла в ладонь Аля, выскользнув из мягкого гнезда разноцветных шелковых мотков.

— Ты вышьешь мне цветок? Или бабочку?

— А хочешь — радугу? Ра — это от Радуги?

— Вот еще, — Ра досадливо покусала тонкие губы. Аль заметил, что она избегает поворачиваться к нему левой, изуродованной половиной лица. Ра помолчала. Потом сказала неохотно: — Ра — это Солнечная. Дурацкое имя, да?

Она запрокинула лицо к небу, прищурилась на солнце. Моргнула, смахивая слезинку. Не Солнце, подумал Аль. Теперь — Луна. Луна, половинка которой сияюще прекрасна, а половинка утопает в черноте.

— Красивое имя, — серьезно сказал он. — Очень красивое.

И наметил кончиком иглы первый стежок.

— Кто ты, колдун? Лекарь? Святой? — цепкие пальцы больно стиснули плечи Аля; смуглое лицо казалось серым в полумраке шатра; а золотисто-медовые глаза под узкими, как у Ра, крыльями бровей — почти черными.

— Вышивальщик, — сипло ответил Аль, пытаясь не показать, что испуган до полусмерти.

— Неважно, — руки неожиданно выпустили его. Кусая длинный ус, в котором седина уже мешалась с чернотой, вождь отвернулся. — У вас все так могут? — глухо спросил он.

— Мастера, — ответил Аль. — А ваши мастера разве не... — он осекся. Признался: — Я сам не был уверен, что получится. Не всегда рука направляет иглу, но иногда — игла — руку. Если боги удержали бы мою руку, я бы не смог...

— Спасибо, — улыбка на скуластом, будто из камня вырезанном лице вождя выглядела непривычно — робкой гостьей, случайно заглянувшей на огонек. — Спасибо тебе, вышивальщик. Останься, — не то попросил, не то приказал. — Я хотел бы еще говорить о твоём городе. И я хотел бы отблагодарить тебя, если сумею.

Аль склонил голову. Ему все равно было некуда идти.

Напряженно замерев у входа в шатер, за разговором наблюдала девушка с глазами удивительного яблочного цвета и узкого, дивного, похожего на лепесток цветка Чи, разреза. И кожа на ее левой щеке была такой же гладкой и нежной, как и на правой.

— Наверное, это мы виноваты, — неуверенно сказала Ра, вместе с Алем глядя на провал в Стене Мира.

— Почему? — удивился Аль.

— Ну, знаешь, мы ведь убежали от степняков. А тут стена. Дальше некуда бежать. Мой отец сказал воинам — помолитесь светлому небу. Чтобы путь был легок. Потому что воин, убитый в бою, прямо на светлое небо уходит, по солнечной лестнице.

— А у нас говорят, — перебил Аль, — что если мастер умирает за работой, то он тоже, ну... сразу на светлое небо... к богине Радуги, чтобы вышить для нее настоящую радугу. Да, они помолились — и что?

— И тут — трещина в стене, — пожала плечами Ра. — Не то появилась, не то только заметили. Мы в нее и вошли.

— Знаешь, — Аль нахмурился, припоминая уроки истории на общих классах, — у нас говорят, что мы когда-то тоже пришли сюда через дверь в Стене Мира. А потом дверь закрылась.

— Значит, мы пришли сюда по одной дороге?

Ра повернулась; ее глаза дивного разреза и цвета очутились напротив лица Аля — будто светло-зеленое закатное небо — узкая полоса между багрянцем умершего дня и чернотой наступающей ночи.

— Да, — согласился Аль, — по одной.

Щека Ра была прохладной и нежной, как гладь шелковой вышивки; а губы — неуверенными и горячими, как прикосновение летнего солнца.

— Вышивальщик, — глаза вождя больше не казались золотистыми — теперь будто огонь полыхал из узких

щелей в каменной маске лица. Аль отпрянул. — Я не хочу трогать твой город. Если хоть половина из того, что ты рассказал — правда... Если ваши гончары делают такие чашки, которые превращают дождевую воду в ароматное вино; кузнецы — колокольчики, песня которых заставляет улыбаться; а плотники... если... Я верю тебе, вышивальщик, потому что я видел, что умеешь ты. Твой город — чудо, каких, наверное, больше нет в этом мире. Но тот, кто идет по моим следам, не знает, что такое чудеса. Мы с ним оба воины. Но для меня сабля — как для тебя игла; а танец с соперником — как для тебя ткань, на которой ты вышиваешь свой самый лучший узор. А для Тен-Чина, идущего за мной, это просто еще одна кошма, которую он бросит под свои грязные ноги. Мы с ним оба воины, но в этом разница между нами. Ты понимаешь?

Аль неуверенно кивнул. Вспомнил, как плясала сияющая сабля в тонкой руке Ра, и подумал, что это и в самом деле похоже на иглу в руках мастера-вышивальщика, увлеченного работой. Так же красиво, так же волшебю.

— Беда в том, что я сейчас между ним и твоим городом. И я не удержу Тен-Чина и тьмы его рыжих дьяволов, когда он придет сюда. Но если твои мастера хоть вполчину таковы, как ты... мы вместе могли бы... Вышивальщик, ты покажешь мне дорогу к вашему городу — чтобы я мог попробовать договориться с вашими мастерами — так, как вы обычно договариваетесь между собой?

Аль ответил, не поспев мыслью за своими словами — как иногда не поспевает рука за торопливой иглой, уже понявшей суть узора. За иглой, в этот миг ведомой не рукой, а одним сердцем.

— Да, я покажу дорогу.

Они шли, как захватчики. По молчаливым пустым улицам. Гулко цокали подковы, фыркали лошади, звякало железо. Только один раз раздался смех и детский восхищенный вскрик: «Блестящая лошадка, мама, смотри!» — и сразу же гулко хлопнуло окно наверху, отрезая и смех, и глухой встревоженный выговор: «Тихо, детка, сегодня нельзя».

Аль чувствовал себя предателем. Под взглядами слепых, наглухо закрытых окон родного города хотелось поехать. Широкая спина вождя, туго обтянутая серой чешуей кольчуги, невозмутимо покачивалась впереди. Рядом — такая же чешуйчатая фигурка Ра; золотой нимб волос спрятан наглухо под блестящим колпаком шлема. Как змеи, подумал Аль и неприятно тронул рукав своей кольчуги. Змеи, вползающие в светлый город. Позади в три ряда — затылок в затылок, блестя металлическими боками и затылками, двигались воины. Девять десятков. Лучшие. Остальные ждали снаружи, за городской стеной, превратив цветущую поляну для праздника урожая в стального ежа — ошетилившийся копытами дозорных временный лагерь. «Они все равно нашли бы дорогу, — подумал Аль, — даже если бы я... И они хотят помочь нам...» Но видение стальной змеи, ползущей по улицам его любимого, светлого города, не уходило. Как и видение

другого, еще незнакомого зверя — страшного, рыже-гривого, с огнедышащей пастью, идущего по следу змеи через рваную дыру пролома в Стене Мира. Пролома, который был вышит иглой Аля — его руками и сердцем.

На совещание Аля не позвали. Он маялся в комнате гостевого дома, где обычно останавливались хранители хлеба и пастухи, приезжая на праздник урожая. Хотел спуститься вниз, пройти по улицам — пешком, без тяжелой кольчуги, натирающей плечи. Но не решался.

А вечером пришел отец.

Постоял на пороге, растерянно щурясь, будто никак не мог разглядеть своего сына в юноше с выбеленными солнцем волосами и загорелым худым лицом. Потом позвал неуверенно:

— Аль.

Аль качнулся навстречу, кусая губы, вспоминая свою последнюю ночь в городе, отцовские проклятья, ускользящий в сторону взгляд.

— Прости, мальчик, — выдохнул Томео. — Прости.

И сделал то, о чем мечтал и на что уже не надеялся очень давно. Крепко и нежно обнял сына, свою самую большую драгоценность, единственную солнечную нить своей жизни.

— Не знаю, — признался мастер Томео, после того как Аль рассказал ему все. — И никто точно не знает, мальчик. Может, мастер только умеет предвидеть то, что должно произойти в любом случае. А может, умеет сам творить будущее. А скорее всего — и так, и так. Скорее всего, он просто выбирает лучшее из возможного — то, что ему по сердцу. До тех пор, пока боги дозволят ему выбирать. Твоя мама... — Томео запнулся, тронув тему, которой раньше избегал — особенно в разговорах с сыном. — Я пытался что-то сделать, но...

— Я знаю, — Аль тронул его за локоть: — Я знаю, па. Выдохнул. Спросил без надежды:

— Теперь ничего не изменить, да? Ты говорил — однажды вышитого — не изменить. Наш мир рухнул, да? Вместе со Стеной Мира?

— Говорят, давным-давно мастера собрались и ушли из большого мира — от его грязи, боли, несправедливости. Отгородились огромной стеной — и построили под ее защитой свой мир, где оружие было запрещено, а детям с ранних лет внушали, что драться — дурно и что лучшая доблесть — правильно положенный стежок, верно вылепленная чаша. Наш мир, Аль. Самый лучший из всех. Где ремесло превращается в искусство, а искусство — в волшебство. Странно думать, что где-то может быть по-другому, да?

— Он рассказывал, — перебил Аль, — что там — по-другому.

Мастер Томео кивнул.

— Мы сегодня говорили с твоим вождем. Он тоже мастер — но другого искусства, которое наши предки решили не брать с собой. Не терзайся, Аль. Может, когда подмастерья этого вождя просили помощи перед запертой Стеной Мира — ты их услышал. Нельзя не

помочь просящим у тебя. А еще, знаешь, Аль, может, это и неправильно — отгораживаться стеной от всего остального мира.

* * *

Город бурлил, как горная речка весной. Торопились посыльные к восточным хранителям хлеба, западным пастухам, южным художникам садов. Из сумрачной глубины сундуков доставались старые запретные вышивки. Хмурясь, кузнецы изучали хищно изогнутые клинки сабель, длинные клыки мечей, примерялись молотом к заготовкам серпов и кос — получится ли убедить мирное железо стать военным? На главной площади подмастерья золотоглазого вождя учили новобранцев странным танцам с новым оружием.

Войско степняков подкатилось к городу рыжим пловодьем. Вились украшенные алыми лентами бунчуки; металась гривы низкорослых коней, блестели рыжие крупы, пламенели лисьи хвосты на шлемах воинов. Облако грязной рыжей пыли летело следом — прах земли, до смерти затоптанной копытами лошадей Тен-Чина.

— Мне нужно видеть, как они пойдут, — сказал Аль и, нагрузившись рамками для ткани, коробками с нитками и иглами, полез на стену — туда, где стояли лучники. Мастер Томео остановить его не сумел.

— Я пригляжу, — пообещал маленький воин, затянутый в серую чешую кольчуги, мимоходом тронув Томео за руку. Узкие светло-зеленые глаза блеснули в прорези шлема. Ра — девочка, портрет которой мастер видел у сына.

Глупости, рассердился Томео. Глупые дети, как они могут так рисковать. Заторопился, собрал свои принадлежности для вышивки. Задыхаясь, полез на ратушу, боясь не успеть. Нужно было начать как можно раньше. Рыжая волна уже катилась с гулом на городские стены; обрушилась — город дрогнул, застонал, жалуюсь, но и не желая сдаваться.

Мастеру Томео нужно было видеть только Аля. Закрепив ткань, он попросил прощения у города. «У тебя вон сколько защитников, — сказал мастер Томео, — а у моего сына?» И, прищурившись, положил первый стежок на контур мальчишеской фигуры, который уже виделся ему отчетливо и ясно. Юноши, стоявшего невредимым на крепостной стене под градом стрел с рыжим оперением.

Мастер Томео торопился, чуял — успеет закончить фигурку — все будет хорошо. И заметил слишком поздно, что кровь из ужаленного иглой пальца пятнает белую рубаху юноши, замершего на городской стене.

* * *

— А-аль!

Ра дикой кошкой выпрыгнула из укрытия, схватила за руку.

— Пустяки, пустяки, — отмахнулся Аль, не замечая стрелы, вонзившейся в плечо, и алых пятен, поползших по рубашке. Кольчугу он снял — несмотря на бур-

ные протесты Ра. Мешала. Аль переложил иглу в левую, все еще послушную руку — и опять склонился над вышивкой.

— Аль!

Следующая стрела, метившая в горло Аля, щелкнула по затянутому в кольчугу локтю Ра. А следующая — вонзилась в узкую щель шлема, в левый глаз удивительно нежного зеленого цвета. Глаз, который был уже мертв когда-то — до тех пор, пока Аль не подарил ему еще одну жизнь.

Хрипя, пытаюсь уцепиться за локоть Аля, Ра начала сползать вниз.

Опомнившись, уронив иглу — будто в один миг вывалившись из сна в реальность, Аль закричал, подхватывая девушку на руки.

— Аль, — прошептала она еле разборчиво. — Аль, нарисуй меня снова... Ты можешь, да? Нарисуй меня красивой, Аль...

Дальше Аль не помнил.

Воины, уцелевшие под ураганом рыжих стрел на крепостной стене, потом рассказывали о случившемся. Как треснула земля и в рваный разлом хлынула бурлящая полноводная река — совершенно такая, как на вышивке у того парнишки. В один миг она обвила городскую стену тугим кольцом, сшибла рыжих всадников и бусевала, будто дикий зверь, до тех пор, пока макушка последнего воина не скрылась под водой.

* * *

Бри начал, как всегда, издали. Мол, погода какая в этом году дождливая. Солнца мало. Светлого неба почти не видно. Молодежь все больше в лучники да в фехтовальщики идет. Тоже искусство, конечно, но... Зато из дальнего города, за Стеной, юноши приехали, просят их учениками взять. Может, и получатся мастера, а?

Кстати, а не хотел бы Аль взять учеников — из этих, новоприбывших? Он ведь сейчас не занят?

«Я спрошу», — пообещал мастер Томео, чувствуя себя неловко оттого, что торопится выпроводить гостя. Старого друга, от которого у него теперь появилась тайна.

После ухода мастера Бри Томео осторожно поднялся по скрипучей лестнице наверх, к комнате сына. Постоял возле приоткрытой двери, так и не решившись сказать ни слова. Незачем. Аль и сам все знал.

Нельзя вышивать собственную судьбу.

Нельзя изменить уже вышитое.

Мастер Томео вздохнул и осторожно прикрыл дверь. Аль даже не обернулся. Склонился, изогнув напряженную спину; аккуратно, выверенными движениями тонких пальцев укладывал стежок за стежком. Туго натянутая ткань вздрагивала от прикосновений иглы, но стена на вышивке казалась неподвижной. Крепостная стена, на которой стояли двое, взявшись за руки — юноша в белой рубашке и девушка с облаком солнечных волос. И ни одна стрела не пятнала светлый шелк неба, раскинувшего над ними сияющие крылья.

Муха

Ты смотришь на замечательную стюардессу, она улыбается тебе, как улыбалась день, два... три назад, но ты уже начинаешь понимать, что обманут в своих лучших чувствах к ней, а в ее лице ко всей гражданской авиации. Тебя уже не завораживает блистательная надпись: «Летайте самолетами Аэрофлота». Была, оказывается возможность летать другими, не аэрофлотовскими самолетами, а ты проморгал и теперь готов лететь хоть на метле. Прошла неделя. Жизнь не такая уж долгая, а Аэрофлот, надо думать, не вернет украденного времени!.. Кофе в буфете отвратителен, в зале душно, и вообще жизнь разбита. Впрочем, это только в первые часы зуд нетерпения: лететь, лететь, но постепенно не заметишь и как, ты перестанешь ждать, а начинаешь просто жить.

Народ в аэропорту Мыса Каменного собрался бывалый, кому и месяц, кому и два приходилось дожидаться рейса. Даже залетный корреспондент не теряет присутствия духа, хохочет, слушая байки, потирая широкое бабье лицо.

Несколько в стороне от честной компании, на краю скамейки, сидел мужчина неопределенных лет и стертой наружности. Время от времени он снимал кожаную шапку, скреб стриженную наголо шишковатую голову, застенчиво улыбался. На нем была черная классическая, каких геологам не выдают, фуфайка, явно не по сезону кирзачи. Поерзал, несмело придвинулся ближе, сказал:

— Со мной тоже случай был... человека убил. — Видимо, сообразив по вытянутым лицам, что сказал не то или не так, полез в карман, достал справку с треугольной печатью. — Думаете, я того, с катушек?.. Вот, никаких отклонений.

Корреспондент, которому была протянута бумага, брезгливо взял ее, подержав, не читая, вернул: ага, стал бы нормальный человек обзаводиться таким основательным документом.

- Ну, а летишь куда?
- Домой. Отмотал положенное — и лечу.
- В южном направлении, стало быть?
- Южный берег — угадал — Ледовитого океана.

— Отлично, — захмыкал корреспондент, — когда-то при царе на Север ссылали, а теперь, видишь, наоборот... Ну как, старина, отдохнулось на югах?.. Ништяк?

Геологи сдержанно хохотнули, корреспондент подсел к типу со справкой ближе.

* * *

Опять дует. Вернее, и не прекращало дуть. Чубарь слушал, как гремит железо под напорами ветра, то и дело переворачивался, меняя отлежанные бока. Но вот отдернул грязную ситцевую занавеску, обвел тусклым взглядом нехитрое обиталище: печь, железный сварной стол, ящики до потолка и мешки, висевшие на веревках вонючие шкуры. И еще одна кровать, никелированная, с нелепыми по краям спинки шишечками, что постоянно выкручивались и падали на пол. На кровати его напарник Самойленко.

Чубарь сунул ноги в валенки с обрезанными голенищами, прошел к оконцу. Свысока, с балки, обтекая крутолобые торосы, змеисто струилась поземка, затуманивала пуржистыми дымами мерзлое пространство, оголтело подхватывалась над синими стекляшками озера, шрапнелью осыпала бронированный коробок фактории, норовя сдуть, опрокинуть со свай, покатить по тундре перекасти-полям.

— Не приедут, — сказал Чубарь, позевывая.

Самойленко не откликнулся. Напарник имел обыкновение спать с открытыми глазами. Спит или не считает нужным ответить? На лице обычное выражение, будто что смекает, прикидывает.

Вспомнив, что его очередь дежурить, Чубарь натаскал полный с верхом угольник угля. Никудышный уголишко, к тому же наполовину со снегом — натрусило в ларь через щели. Уметь надо таким топить. Взял кочергу, принялся растравливать огонь, что поначалу незлобливо огрызнулся на его удары синюшными языками пламени, исподволь просушивал, прогревал свежую порцию топлива, вдруг вспыхнул, давай яростно ее пожирать. Вскоре Чубарь стянул продравшийся в локтях свитер, остался в тельняшке. Снова прилег, поковырял пальцем белокаменный налет инея на шляпке вбитого в стену гвоздя, приложил пятерню к трубе отопления — не то. В печь

Юрий Григорьевич Бриль — Член Союза российских писателей, автор многих книг прозы и очерков, изданных в Екатеринбурге и Москве («Советский писатель», Молодая гвардия» и т.д.) Жил и работал на Дальнем Востоке и на Урале. В настоящее время живет в Екатеринбурге, работает директором Уральского литературного агентства.

полетели щепки расколотого ящика, щедро политые соляркой рваные штаны. Наконец он угомонился, сел, подпер голову рукой.

— Муха! — вскочил он с места. — Муха!

По клеенке стола ползла муха.

— Тише, брат, сон... — невнятно забормотал Самойленко.

— Муха, я говорю!

— У, бык мордастый! — застонал Самойленко. — Вечно не даст поспать! — Он откинул одеяло, сел повосточному и, потирая цыплячью ступню, сказал со вздохом:

— Опять снилась.

— Кто?

— Да Шурочка, кто еще? И ярко, зараза, ярче, чем в кино.

«Сочиняет», — подумал Чубарь.

Пять лет назад Чубарь и Самойленко метили профиля в геодезической партии, Шурочка варила им вкусные борщи из оленины и квашеной капусты. Другое дело, приснилось бы тогда, пять лет назад. Тогда Шурочка всем снилась и всем одинаково ярко. Странно даже, что сны эти не запачкали ее. Чубарю тогда Шурочка виделась чаще, чем кому-либо, но это опять же ни к каким последствиям не привело.

Самойленко принялся рассказывать сон, бесстыдно смакуя подробности.

— Пусть живет, — перебил Чубарь.

— Кто? — уставился на него Самойленко.

— Муха.

— Уй, заразу разводить! — Самойленко хватанул маленькой ладошкой над столом.

— Пусть живет, я сказал! — заиграл желваками Чубарь.

— Он сказал, — засмеялся Самойленко.

Чубарь бухнулся на постылую кровать. Вспомнилось, как было хорошо в геодезистах. Пятеро в балке, если не считать лемминга. Но как его не считать? Тоже геодезист, хоть и зверушка. Животный, не то чтомышь. Напашешься, упадешь на нары, а он тут как тут. Заберется на грудь, расхаживает поделовому, на задние лапки встает, передними бородами расправляет, интересно ему — будто какой лес дремучий. К концу сезона лемминг пропал. Биолог Гесслер, когда к ним заезжал, рассказывал, что леммингов порой ни с того ни с сего овладевает необъяснимая тоска, и они собираются до десятка тысяч и организованным шествием прут к морю топиться. Может, и этот присоединился сдуру к своим товарищам. А плохо ли ему жилось? Чубарь баловал лемминга пастилкой. В тот год ее было навалом. Забросили с навигацией.

Плескавшийся под умывальником Самойленко затрубил: одна ноздря, потом другая. Громко, как раненый мамонт, на всю тундру, хотя носик маленький, схватиться не за что.

— Брат, — нежно сказал Чубарь, — на земном шарике шесть миллиардов гавриков, а мы с тобой, ты

и я, почему? Пацанку не видел два года, даром, выходит, алименты перевожу, а ты — вот он. Просыпаясь — ты, ложусь спать — опять ты. Поясни, брат, как так? Э-эх, хоть бы бороду отрастил!

Самойленко тщательно, как на парад, выбривался.

В общем-то, они были привязаны друг к другу. Чубарю нравилась невозмутимость Самойленко. Вечная ухмылочка: будто что прикидывает. Еще тогда, в геодезистах, он с точностью до копеечки просчитывал зарплату отрядников. Не раз вставлял бухгалтерам фитилей, за что ненавидели его те, как классового врага. Книг он не читал, в карты не играл, вечерами все что-то подсчитывал, и все не хватало ему бумаги. Аккуратные цифровые столбики украшали стены балка.

Да ведь и Чубарь молодец. Любо-дорого смотреть, как месит тесто: чудовищные бугры его мышц перекатывались, железный стол постанывал. Ненцы отличали хлеб, который он пек. Тесто промешивал хорошо и не экономил на продуктах, хотя случилось, кто-нибудь находил в булке запеченную пуговицу или обрывок шпагата.

Правда, в геодезической партии они не были друзьями, а после их дороги и вовсе разошлись. Но встретились как-то в «Севере», Самойленко и уговорил Чубаря принять факторию. Первоначально Самойленко наладился ехать с Марийкой Балабановой. Была бы по всем статьям показательная фактория, но в последний момент Марийка сделала финт, укатила с Борей-летуном на Большую землю. Самойленко ничем своего огорчения не выдавал — все та же ухмылочка.

— Да, брат, с тобой проще простого опуститься, — драил зубы Самойленко. — Уголь просыпал — нет, чтобы подмести. А говоришь, на флоте служил. Как только твой корабль не затонул от грязи?

Чубарь начерпал из бочки со льдом натаявшей воды, вооружился лентяжкой. Прошелся ей по полу, собрался вылить воду в раковину умывальника.

— Чистюля! — заругался он на Самойленко, — моешься, а вода-то не проходит! — Взял с печки чайник, полил тонкой струйкой в раковину: дюймовая труба, дырявившая пол, забилась льдом.

— Э-эй!.. Это ж чай, два дня настаивался, а ты!..

— Жалко?

— Воды что ли нету?

— Еще осталось систему разморозить! — бурчал Чубарь, прочищая сливную трубу. Израсходовав весь чай и полбидона гревшейся на печке воды, удовлетворился, заткнул отверстие плотно пригнанной деревянной пробкой, чтобы тепло не высвистывалось.

Самойленко взялся наводить порядок.

— Валенки разве сюда надо ставить? — Поставил ближе к печке, куда надо. — А рукавицы?.. — Аккуратно разложил рукавицы на трубе отопления. Прошел туда и сюда, оглядывая дом критическим взглядом.

дом. — Да-а, порядок!.. — Поднял с пола кроватьную шишечку, прикрутил.

— Мое дежурство, — напомнил Чубарь.

Самойленко меж тем взял тряпку, приподнял с подоконника стакан, в котором стояла ветка карликовой березы, вытер грязь, некоторое время задумчиво глядел в окно, потом вскрыл фрамугу, выплеснул из стакана воду вместе с веткой.

Две недели ветка была безжизненной, но Чубарь заметил, нижняя почка набухла, накапливает силы, чтобы выбросить зеленый флажок. Он содрал с гвоздя гитару, запел:

— Мыла Марусинька белые ноги!.. — маленькая гитарка мучилась в его могучих руках, звук плавал. — Во, — прервал он пение, — я назову ее Марией, Маша, Маруся, Марийка... Марийка, ты где? — засмеялся он, оглядывая стены и потолок, ища муху — Брат, — подошел он к Самойленко, — тебе нравится это имя?

Самойленко не подал виду, что имя это о чем-то ему говорит. Чубарь бросил гитару на кровать — она глухо застонала, гася в себе звук. Лег, отвернулся к стене.

— Не приедут.

— А...

Через какое-то время Чубарь почувствовал, в спину уперлось что-то твердое. Обернулся — ружье.

— Пойду, зайчишек погоняю. — Самойленко стоял уже в полушубке и шапке, одетый, перепоясанный патронташем.

— Давай, — сказал Чубарь, отводя ружье. Он видел в окно, как Самойленко вскарабкался на снежный бархан, перевалил через него и пропал. Не прошло и пяти минут — вернулся.

— Кой черт, зайцы! — пританцовывал он, с ног до головы запорошенный снегом.

Стемнело. Накинув ватник, Чубарь вышел во двор, завел «чапалку» — вспыхнули лампочки, стало уютнее.

— Я еще пацаном был, откуда что, в поселке — эпидемия, вирус навроде СПИДа, от грязи заводитесь... — начал было вспоминать Самойленко.

— Рассказывал, брат, — перебил Чубарь.

— Может, поедим?

— Это дело. Мяска навернем, как думаешь?

— Не скоро сварится, старое.

Оленина действительно была старой, быки по шестьдесят килограммов. Чубарь сам загружал их в АТС, не копался, взял туши, лежавшие с краю. Стало быть, его вина.

— Обязательно варить? Ненцы не варят.

— Вот и ты, брат не вари, а я лучше тушеночки на верну. — Самойленко вспорол банку тушенки, банку фасоли в томатном соусе, зажег газовую плиту, хотя можно было подогреть еду на печке — и вскоре затрещало на сковородке. — Эх, лучку забыл! — порезал и лучку. — Лаврушечки разве для пущей важности? — Положил два лавровых листка. Попробо-

вал, облизал по-крестьянски ложку — вкусно. Сел, принялся за еду. Черпал аккуратно, с одного края, так что Чубарь мог догадаться, что противоположный край сковородки предоставляется ему. Но такое приглашение к столу было ему не по душе. Он сходил за оленьей ляжкой, достал из тумбочки аджику, отрезал небольшие кусочки мяса, макал в баночку, ел.

— Проголодалась поди, Марийка? — обрадовался Чубарь, увидев деловито ползавшую по столу муху. — Отрезал щедрый — рядом с мухой прямо гора — кусок. — Рубай, не стесняйся. — Но у мухи, видать, была губа не дура, сделал круг над столом, села на край сковородки.

— Кыш! — махнул рукой Самойленко.

— Ты что, Марийка, не знаешь этого жадюгу?! Рубай со мной. Мне не жалко.

Поели. Чубарь взял «Спидолу» — шум и треск.

— Радиоволны и то не проходят, а ты говоришь, ненцы.

Дуло с небольшими перерывами около месяца — и никого около месяца не было. Последним приехал ненец Миша. Зашел, молча посидел у печи, глядя на огонь, потом сказал:

— Ящик дай — ребенка умер.

Свободной тары не было — тотчас сжигали, но Чубарь опростал три ящика из-под консервов, отдал без сожаления. Миша не захотел оставаться в долгу, вынул из-за пазухи песка. Тогда Самойленко извлек из кармана микрокалькулятор, намереваясь рассчитаться с клиентом по всем правилам, но тот решил, что расчет уже состоялся, шагнул за порог, присел на нарты, взмахнул хореом, исчез в начинавших дуть и завихряться пуржистых дымаках.

Километрах в пяти от фактории обдувалось ветрами стойбище мертвых — холмиры. По извечному закону ненцы не предавали тело умершего земле — сколачивали для него ящик, давали с собой в неведомую дорогу все, что было необходимо в этой жизни, вплоть до оленьей упряжки и чайника. И эти грубо сколоченные ящики с мертвецами было единственным на многие километры, что оживляло пространство. Они будто не стояли на месте, угрюмым стадом брели встречу ветра, ища пристанища.

Самойленко подсчитывал что-то в уме. Глаза его устремлялись в потолок, выискивали что-то там, находили, и тонко отточенный карандаш выводил в записной книжке аккуратную циферку. Чубарь лепил из хлебного мякиша дом для мухи. Получался похожий на двухэтажный, бамовский.

— Марийка, — позвал Чубарь, любуясь своей работой. — Глянь, какой я тебе коттедж отгрохал! Безвозмездно, между прочим, пользуйся.

Муха, выказывая свои исключительные способности к дрессировке, подлетела к домику, обошла его вокруг, потыкала хоботком в стену, придиричиво исследуя качество строительного материала. Самойленко хлоп по столу — домик в лепешку и

мухи как не было. Наотмашь, левой, чуть привстав с тонко скрипнувшей кровати, Чубарь ударил Самойленко в бледную щеку. Взмахнув короткими ручонками, тот опрокинулся вместе с лавкой, на которой сидел, тюкнулся виском о кроватьную шпешечку и повалился, бумкнув еще затылком об обитый железом пол у печи. Забил, заскреб каблуками, перевернулся набок, скрючился и затих. Еще не отдернув руку от удара, еще даже не коснувшись бледной щеки Самойленко, Чубарь пожалел о вспыхнувшем и сгоревшем, как порох, гневе.

Он сидел в ожидании, что Самойленко встанет, и не скоро понял, что ждать бесполезно, этого не произойдет.

— Э-э... брат... ты что?.. Перестань, слушай... — Он наклонился над Самойленко, отнял руку с зажатым в ней карандашиком от виска, увидел струйку кро-

ви. Глаза открыты, выражение лица почти обычное: смекает что-то, прикидывает. Добавлялось только: будто знает конечный результат. Знает, а на остальное ему плевать.

Тарахтевшая на морозе «чапалка» астматически задышалась, лампы горели тускло.

Чубарь вынул из умывальной раковины пробку, подержал тыльную сторону ладони над дыркой, наблюдая, как седеют на ней волоски, покрываясь инеем. Подумав, распечатал еще фрамугу — закрубились в схватке струи теплого и холодного воздуха. Холодный постепенно и настойчиво заполнил собой емкость помещения и вскоре проник во все потаенные уголки и щели. Лопнула по сварному шву труба отопления, выжались несколько капель, заledenели грязно-ржавой сосулькой. Ворсистый иней окутал стены и порог дома, мириадами звезд искрились

Рис. Анастасии Митрофановой

кристаллы. Хрусталем посверкивал лед, снова за-
твердевавший в железной бочке.

«Чапалка» затихла, звезды погасли. Темень и хо-
лод.

С первыми потугами позднего январского утра
Чубарь достал рюкзак, бросил в него оленью ляжку,
три пачки сахара, баночку аджики, джинсы фирмы
«Риода». Повесив на плечо ружье, опоясался па-
тронташем. Задраил фрамугу, заткнул деревянной
пробкой дыру в умывальнике. Вышел из дома, по-
весив замок, а ключ бросил в тундру.

— Прощай, брат, — тихо сказал он, стоя на зака-
меневшем снежном пригорке, наметенном пургой
перед домом. Только теперь выжались две крохот-
ные слезинки. Все кончено, надо уходить. Един-
ственное утешение, что товарища похоронил по за-
кону тундры: ящик фактории большой и крепкий,
на века. А в нем все необходимое для продолжения
коммерческой деятельности: хлеб, прочие продук-
ты, пром- и хозтовары, микрокалькулятор...

Здесь, может быть, и стоило поставить точку, но,
чтобы развеять слухи о некоем Ямальском Кудеяре,
который якобы совершал чудовищные злодеяния,
наводя страх на ненцев и геологов, следует обозна-
чить некоторые вехи вполне безобидных кочевий
Чубаря.

День, а день длился не более трех часов, Чубарь
шагал по тундре, не особенно думая о выбранном
направлении. И когда солнце потерялось в мглистых
барханах, его случайный путь пересекся с оленьей
упряжкой. Олени пугливо шарахнулись от него, за-
снеженная гора оленьих шкур пошевелилась, из нее
выгнздилась голова ненца, лица не видно, даже
глаза закрывали медные бляхи снежных очков «хад
сырця». Только прорези, чтобы смотреть, не шире,
чем в копилке. По сравнению с ненцем Чубарь был
одет более чем налегке. Коротковатый ему полушуб-
ок, собачья шапка, унты, ватные штаны. В распах-
нутом вороте виднелась тельняшка, три обязатель-
ные полоски.

— Потерялся маленько, — сказал ненец. — Куда
еду, не знаю.

— А ты кати по профилям, — посоветовал Чубарь.
Он ведь и сам шел от вешки к вешке, которые не-
сколько лет тому назад собственноручно ставил.
Шел, хотя и не сознавал этого.

Позже Чубарь подумает, что ненец катил в фак-
торию и катил зря.

Всю ночь, а ночь длилась двадцать один час, он
шел, надо было идти, чтобы не замерзнуть. Пурга
понемногу стихала, обнаружили звезды, облитая
лунным светом сахаристо-снежная глазурь позвень-
кивала под ногами, звонко попискивала. И эти чи-
стые музыкальные звуки постепенно обратились в
красивую мелодию восточных инструментов. В нее
влились снежные голоса, поющие о жаркой пусты-
не, о глотке воды, о прекрасном городе, недоступ-

ном, как мираж. Он свернул с профилей, пошел на
песню — и скоро набрел на чум. Хозяином чума ока-
зался Сергей Вэлла. С ним еще жили: жена, двое де-
тей, мать и два двоюродных брата. Песня же лилась
из кассетного магнитофона «Романтик-6».

Чубарь гостил в чуме три дня и подарил Сергею
джинсы фирмы «Риода», в качестве ответного по-
дарка он обрел подержанную малицу и пимы. Те-
перь в пургу, в мороз он мог спать, закопавшись в
снег подобно куропатке.

В феврале Чубарь вышел на брошенную буро-
вую. Облюбовал один из балков, откопал от снега,
вставил стекла, в другом нашел газовую плиту и
пару неистраченных баллонов. Обследовав груды
ржавеющего металлолома, нашел еще немало по-
лезных вещей. Можно было наладить стоящий по-
одаль «Камаз», но куда больше по душе ему были
трактора. Выбрал один из них поновее, болотник,
повозился неделю — завел. Личный транспорт в тун-
дре — дело не последнее.

Место было удобным: мимо проходил зимник, от
Сеяхи и обратно раз в неделю шныряли трактора и
вездеходы, так что всегда была возможность обмен-
ять железяки на продукты. Этого добра, железяк,
на брошенной буровой было предостаточно, два
миллиона как-никак освоили... Чубарь представлял-
ся сторожем, и ни у кого подозрений не возникало.
Одобряли начальство: правильно, надо охранять —
ценности все ж какие-то.

Жил, жаловаться грешно. Стрелял куропаток,
разжился сетью, долбил майну в озере, лавливал
омуля. Но к лету наскучило гнать дурочку, поехал
колесить на тракторе тундру. Солярка в тундре име-
ется, надо только знать, на каких профилях стоят у
геологов емкости. Следы его болотника пролага-
лись к Сабете и Харасавэю. Но вскоре он и трактор
бросил. Примкнул к рыбакам, ловившим на озерах
рыбу по договору с Норильским рестораном. Что-то
гнало его дальше.

Летуны как-то рассказывали: кружили однажды
над тундрой, искали сейсмоотряд, вдруг откуда ни
возьмись человек в малице. Машет рукой: садись,
дескать. Сели — мало ли.

*- Куда летите? Не в Салехард?

— Не...

— Ну, летите.

И улетели. Забыли даже спросить, кто он и какая
нелегкая занесла его сюда.

Конечно, это был Чубарь. Кому еще быть?..

В милицию он явился сам. Ровно через год. При-
шел в Лабытки* грязный, оборванный, исхудав-
ший... Человека, говорит, убил... из-за мухи. Почему,
спрашивают, сразу не пришел? Я бы, говорит, и во-
обще не пришел, да чирьи замучили: ни лечь, ни
сесть.

* поселок Лабытнанги.

Анастасия МАЙОРОВА

* * *

Стирая краски, опустила тьма,
И город ждал полночного крещенья.
Ко мне в окно рвалась опять зима;
Нагие вишни кланялись в смущеньи.
Во тьме по снегу, тихо, босиком,
Туда, где каждая снежинка замирает,
Где бытие забытое, тайком
Кристаллы снега жгучие вдыхает.
Застыло время мёртвою рекой...
Забуть себя. Мир тихий и бездонный.
И, ощутив безвыходный покой,
Как Мастер я, на вечность обречённый.

Небо

Отбелило поля и души,
Посолило крупою вешней.
Тонким пальцем тебя коснувшись,
Я стою на вершине снежной.
И вдыхаю морозный пепел,
Что оборкою лег на плечи.
Он горчит, но он чист и светел
И меня этим светом лечит...
Но земля вдруг теплом поманит,
Закружусь, как зима снегами.
И растрёпанный мир предстанет
Перевернутый вверх ногами.

Рис. Анастасии Митрофановой

Анастасия Майорова, родилась в 1980 году, живет в Екатеринбурге. Закончила филологический факультет Уральского госуниверситета. Печаталась в журнале «Урал», газете «Уральский рабочий», сборнике «Современник»; была членом Нового литературного объединения при УрГУ под руководством Ю.В. Казарина и клуба «Лебядкинь» при журнале «Урал». Номинант пушкинского московского фестиваля «Только мир и любовь» 2000 года. Автор поэтической книги «Дыхание».

* * *

С души твоей повеяло —
Холодная, в снегу.
Поверила. Поверила!
Поверить не могу!
От слов твоих замёрзла я,
Тебе не отогреть.
На чудо понадеялась.
Надеяться ли впредь?

* * *

Моё время лишит меня голоса,
И пред ним я навеки в долгу.
Чёрно-белые частые полосы
Перепрыгиваю на бегу.
Я не Анна, и я не Андреевна,
Мне себя целиком не отдать.
И полоски забвения временны —
Лишь посмертно нам будут внимать.

* * *

Растает день в беззвучной пустоте,
Лишь одиночество обжитое не тает.
Слова бездумные, бездушные, не те
Бессонно на ресницах оседают.
Посыплет небо хмурой сединой.
Закрывать глаза. Не двигаться. Устала.
Я двое суток спорила с душой,
Но та тебя оправдывать не стала.

* * *

Люди с правдой, увы, не знакомы...
Оттого ль мироточат иконы,
Испуская смолистый дурман?..
Темнота мой покой отравила,
Тяжело. Тишиной придавило.
Злая ночь оттянула карман.

На своей одинокой скамейке,
Медных звёзд я считаю копейки.
Ветер волосы треплет, злодей...
И от горя промокшая ива
Моим строчкам внимает ревниво,
Укрываясь, как я, от людей...

Апельсиновый рай

Близился вечер. Я утер лицо рукой, оставляя на коже грязные разводы, и с трудом поднялся из изогнутой позы, в которой находился уже около часа. Солнце клонилось к закату, намекая на то, что день подходит к логическому завершению и не принесет ничего нового. Еще один день – еще одна неудача. Вот уже десятый месяц раскопок безрезультатен. Когда подойдет срок отчета, нашей группе нечего будет представить комиссии. Иссякнет источник финансирования, падут духом приобщенные к таинству поиска студенты, нечем будет оплатить работу аборигенов, и, конечно же, прекратятся поставки питья и еды.

Я сильнее сжал кисточку, которой очищал от земли и песка конусообразный камень с таинственными письменами: скорее всего, еще одна разрозненная деталь, намекающая на близость некогда великого города в долине Апельсинового рая. Намек, не более.

Такие конусы находят по всей планете Зайри. Такие артефакты, по мнению профессора Заруби, лишь указывают направление, но не означают близость древней столицы. Но я уверен... да почти уверен, что где-то рядом, под моими ногами, находится самый величественный храм, который перевернет историю и объяснит истинное происхождение человека. Не от обезьяны, как писал Дарвин, позже отказавшийся от своей теории... Не в свете последних нелепых объяснений происхождения Вселенной и эфира. Не от божественного желания...

О богохульник! Какой я все-таки вероотступник и насколько верю в идею! Безумцам и увлеченным даруется высшая благодать: они не оглядываются назад, постоянно следуя за звездой, за мутным огнем в зыбких болотах. Они ищут... Собирают вокруг себя таких же увлеченных и сумасшедших. Достают средства на самые невероятные походы и бьются о стекло со всей дури между «до» и «после» открытия.

Наша группа исследователей собрана из нескольких потоков археологов, прибывших на планету в поисках новых сведений о цивилизациях, но лишь немногим из моих сотрудников известно, что не город, даже не клады волнуют мое взбудораженное сердце. Я прилетел сюда ради того самого всем проевшего мозги Грааля. Чтобы опровергнуть начисто теории и наконец познать истину. Великую истину о человеке.

Черт, романтик задумался. Романтик опять терпит боль в спине. Я оперся на пологую осыпающуюся стену и закрыл глаза. Пот скатывался по лбу, оставляя прохладные борозды на коже, давно не ощущавшей чистоты. Неудача. Глаза закрылись, не в силах более видеть это вечно чистое высокое небо и эти пески. Возможно, я еще один неудачник, который ошибся в расчетах и вовлек пять лучших археологов в поиски призраков. Возможно, скоро меня ожидает суд за растрату. Ведь доля государственного вклада куда больше моих скромных усилий. Вот когда бывшие друзья становятся новыми противниками сумасшедших идей, а неудачника ссылают на дальние планеты в целях обыкновенно-

Галина Антатовна Прокопенкова (псевдоним Ескевич) родилась 8 мая 1974 года в городе Видное Московской области. После школы училась в Московском государственном полиграфическом колледже, затем поступила в Московский государственный университет печати, который заканчивает в 2008 году. Последние 13 лет работает в области полиграфии. Член литературного подмосковного общества им.Ф. Шкулева, интернет-объединений «Тьма» и «Радио луны». Все свободное время посвящает рисованию (акварель, графика, масло) и писательству. Публиковалась в газете «Видновские вести», в этой же газете ведет «Литературную страницу». В конце прошлого года по ее сценарию снят короткометражный фильм-сказка «Видно Есть она». Публиковалась в журнале «Порог» и газете «Просто фантастика».

го размножения. Хочется ли тебе, профессор, быть семенным бычком? Иметь пять или даже шесть жен, чтобы дарить им генетику, доставшуюся от такого же бедняги. Что от тебя оставят? Подчиненные мозги, возбужденную крайнюю плоть?

Этих детишек отправят в лучшие школы. Дадут им лучшее образование, выявив предпочтения и способности. Человечество — машина. Человечество решает, как размножаться. Конечно, некоторым изначально дано производить трудовых пчел, которые обеспечат работу системы, иначе откуда взялись все эти служащие, все эти штатные работники с одинаково глупым выражением лица и среднестатистической внешностью, которая считается идеалом красоты? Не клоны рождаются от человека. Человек клонируется уже очень давно — тысячелетия. Человек — мясо, биомасса, которую следует подкармливать, которую следует ограничивать рамками цивилизации и ни в коем случае не выпускать за рамки, в духовное, которое для них ограничивается божественными запретами. Догма — великий союзник для скрытых ГЛАВНЫХ.

Впрочем, бедняги, не следует вас разочаровывать и говорить, что никакого бога нет. И никогда не было... Вам и так об этом намекали все великие, которым удалось вырваться из паутины общества и цивилизации.

Я тяжело вздохнул и начал взбираться по веревочной лестнице, щедро орошаемый пылью, когда услышал голос. Сердце сжалось от боли, той самой, что испытывает всякий мужчина, если влюбляется без ума.

Тогда ни образование, ни верхнее напускное «я» не помогут, остается лишь внутреннее глубокое «оно» — основанное на инстинктах.

Зачем? Зачем я слышу тебя вновь? Черт... Я вис между дном и поверхностью, прислушиваясь к происходившему наверху. Зачем она здесь? Зачем преследует меня? И как? Как нашла? Неужели сотни парсек — не предел? Куда я должен убраться, чтобы больше никогда не видеть лица, причинившего мне столько страданий любви и разлуки?

А страдания... Знать страдания — познавать реальность, а не выдумку, которая создана воображением — это значит пройти путь, который сплетен из миллиона изменений. Это значит родиться на Земле в самой лучшей семье и расти в любви. Это получить от природы дары, которыми наделены лишь немногие. Это постоянно восставать против несправедливости во всех ее формах и считать, будто существует лишь черное и белое, а потом познать серость будней и иерархию общества. Это возможность приобрести жену, дом, ребенка, но невозможность хоть иногда глядеть в звездное небо. Это карьера, которую прочат тебе, это деньги, это власть. Это все — общество, расчесывающее тебя под одну гребенку с выдающимися из общего ряда винтиками. Это... О Боже, я сглотнул боль глубже, пытаюсь переварить ее каждой клеточкой, каждой

мембраной. Это открытие, которое позволило мне узнать часть истины... И навсегда сделало изгоем и счастливейшим из смертных.

Я сунул пальцы в карман и коснулся холодных стеклышек, плоских и однообразных, как все существование, и начал улыбаться. Конечно, она нашла меня. Потому что она агент. Потому что она... часть системы. Но я зря опасаюсь. Я зря боюсь ее наручников и ее стягивающих световых пут. Она никогда не арестует сумасшедшего профессора. Все, что знают в системе — это то, что я здесь, на далекой планете. Что я в экспедиции. Они уверены, что психологи способны точно определить мой портрет хорошего мальчика из богатого семейства с отличным образованием и незаурядными умственными способностями, но они вряд ли предполагают, какая бомба сейчас лежит в моем кармане и какую жесткую науку прошел я, открыв нечто, низведшее прошлый мир до уровня пустого листка бумаги. Тогда я впервые оказался лицом к лицу с опасностью, я попал в кровавую мясорубку...

— Карл! Карл! К нам прибыло пополнение! Студенты из Саганского университета решили поработать на практике и предложили помощь в раскопках.

Отвечать... Сейчас? Пальцы врезались в обточенные края. Капелька крови. Достаточно лишь капли, чтобы изменить все и избежать ареста и допроса. Однако как я стал подозрителен. Я не хочу больше видеть тебя, моя убийца. Не хочу, чтобы все закончилось сегодня... когда я на пороге... Конечно, они послали агента, потому что я копаю в нужном месте. Как же я сразу не догадался?! Вот почему, когда треугольник почти полностью обследован, здесь возникает посланник системы. Они были уверены, что мы не докопаемся. Они щедро позволяли правительству трех систем оплачивать наши пустые поиски, но теперь все изменилось.

— Карл, ты там живой? — Над ямой появился наш бухгалтер. Над плечом его висел портативный самопередвижной шар-робот, который занимался сканированием, а в свободное время и расчетом зарплаты.

— Да вроде живой, — констатировал шар насмешливо. Интеллектуальная штукавина. Подпитывается эмоциями.

Я потянулся к верхней, провисшей от множества подъемов и спусков перекладине и лишь на краткий миг обернулся на торчащий из земли в расщелине конус. Сознание. Мое сознание еще шевелилось и перетекало. Моя тень... Моя тень шевелилась и изменчиво ползла вниз. А капля крови уже оросила холодную геометрическую плоскость в кармане и превратила яму практически в двумерное пространство. Помните сказку про тень? Сказку, в которой тень отделилась от человека и стала жить своей жизнью? Она ушла безболезненно. Она была физическим дополнением, которое обозначало лишь то, что человек не способен отражать свет. Но

вы слышали и о другом понятии — отражение в зеркале. Неправильно думать, будто инверсия ограничивается сменой «лево» на «право», инверсия всегда дает неожиданный эффект: меняет местами органы, направления... Сейчас я не отделялся от себя, словно тень, и не отражался — я оставлял свое тело. Древние утверждают, что на подобные выкрутасы были способны лишь индуистские боги, вроде Кришны. Но я не был богом, а беглецом, который знал секрет, способный изменить человека и мир вокруг него. Сейчас, в данную секунду, я был уже не один. Я был двойственен.

— Карл? Боже мой, Карл... — бухгалтер поймал меня за руку и потянул на поверхность. — Ты так бледен!.. Тебе плохо... Ты не отвечаешь... — Всем весом я навалился на него и начал оседать у края ямы. — Кто-нибудь, носильщики! Профессор Маклой!.. ему плохо! Скорее...

И тьма... Благословенная тьма, за которой уже будет два разума и две памяти. А я... знаете, я стоял там, за конусом, и смотрел, как профессор Маклой падает. Что же, есть, по крайней мере, еще несколько часов, прежде чем мой агент поймет, что попала в ловушку обмана. Святые небеса. Копать, копать и еще раз копать.

Я поднял белый платок на нос, плотнее обвязал голову от пыли своеобразной банданой и взял в руки маленький ломик, а затем почти ползком полез под выступ за конусом, чтобы проверить свою внезапную догадку. Пространство было настолько узким, что мне приходилось практически вытягиваться в струну, чтобы проникнуть под камни. И камни в любую секунду могли завалить меня уже навсегда. Сканеры не показывали никаких пустот. Карта утверждала, что здесь сплошная порода. Или всякий раз роботы отключались и демонстрировали лишь то, что должно... то есть ничего.

Ломик ударил по камню первый раз. Второй... уже без всякой опаски уничтожить ценности. На третий раз, как в сказке, провалился в пустоту. Пахнуло спертым воздухом, плесенью и тишиной. Гул ее проникал в уши и заполнял меня и мою новую оболочку, которая еще не познала жизни. Говорят, что клонирование возникло на фоне жажды человеком жизни. Сначала для того, чтобы выращивать внутренности и использовать их, вместо испорченных. Потом заказчики требовали повторения для того, чтобы передавать им информацию о себе и жить снова и снова. Из клонов создавалась армия с запрограммированными мозгами. Клоны...

А люди? Что представляют из себя люди? В чем их неповторимость, индивидуальность, единственность? Песок сыпался на голову, как иногда время засыпает прошлое. «Был ли мальчик?» Мальчик, который пытался, как все мечтатели, создать машину времени, а пришел к совершенно другому...

Времени нет. Время выдуманно человеком, чтобы связывать мнимые причину и следствие, чтобы отождествлять себя с реальностью, чтобы плотнее

связываться с этим миром и впитывать из него знания. Но всякая связь связывает по рукам и ногам возможными благами. Материалистическое начало захватывает, сулит и увещевает. Желания наполняют плоть, рождают страсть. Страстями полнится и заполняется пустота внутри тебя. Обладать, иметь, проглатывать... Человечество тысячелетиями, словно черная дыра, вбирает в себя Вселенную, превращаясь в миллионночревовидного и многоголового дракона. Зло — это мы сами. Мы, которые убиваем и кровоточим на земли святые и оскверненные одновременно.

Мне лишь одному доступно познать... Проникнуть в глубину образовавшегося лаза. Где же фонарик? Ну, Карл, что же ты медлишь? Ты уже видел многое. Ты уже был там, где не ступала человеческая нога. Ты уже создал машину, так преждевременно названную «временной». Ты знаешь, что времени нет. Есть лишь плоский лист бумаги, каждая точка которого вторичные и третичные реальности, сплетенные в тонкую паутину. Там каждый «ты» — клон тебя самого. Но лишь один из этого множества — настоящий.

Помнишь, в детстве ты считал, что улицы, дома, другие люди тебе лишь кажутся, что они плод твоего безумного воображения. Ты был прав. Ничего нет. Ничего, потому что материальное — система покруче выдуманной человеком компьютерной или виртуальной матрицы. Ах, как не хочется употреблять это глупое словцо! Матрица — мать — мать твою!

Тело провалилось в темноту и полетело вниз, больно ударились о выступ и, наконец, обрело под собой твердую поверхность, совершенно гладкую и необъяснимо холодную. Я зажег фонарик и осветил небольшой участок, поражаясь тому, как наполняюсь счастьем. Сейчас или никогда...

— Профессор, как вы себя чувствуете? — Холодная влажная губка вытирает мое лицо. Кто-то бережно меняет воду, и кожа начинает дышать. Глаза готовы открыться, дыхание выравнивается.

— Карл, ты слышишь? Мы ввели тебе противоядие. Алэна сразу распознала змеиный укус. Ты не шевелись... Не беспокойся. — Голос бухгалтера Влона, сероглазого губтиса с планеты Сомил, практически спокоен. — Сейчас прибудет спасательная капсула...

— Я в порядке, — пытаюсь шевелить губами, но они тяжелы и налиты жаром, как расплавленный свинец. Такими же были когда-то ноги после ранения в третьей мировой. Ноги, которые я потерял после мощного взрыва. Я вел небольшой отряд гражданских через виртуальное поле, которое стабилизировалось, к дальним камням, за которыми был портал в реальность. Я нес на руках маленькую черноволосую девочку по имени Алэна.

Алэна плакала и все время просилась на руки высокой женщины, которая вместе с подростком поддерживала старика с больными ногами. Мы

двигались очень медленно: между разрушенными зданиями, по глубоким траншеям, пригибаясь, мелкими перебежками, прячась за покрытыми пеплом войны стенами. У девочки были большие зеленые глаза, и она не плакала... Худая, с ввалившимися щеками... Девочка, которая потом станет моим преследователем. Девочка, которая спасет мне жизнь в одном из миров. Она родилась в государстве, проводившем эксперименты по регулированию рождаемости и генетики. Клонирование там было запрещено, но вот опыты над генетикой процветали. Так что монстры — реальность, дорогие мои. Готовьтесь! Вы еще узнаете их живую власть, потому что нормальность — очень относительное понятие. Те, кто раньше считался нормальным, с двумя ногами и руками, одной головой, дышащий воздухом, питающийся полуфабрикатами и стриженный под мерки настоящего общества, — однажды оказывается в меньшинстве. И тогда получается коллапс. И вы, большинство, которое не признавало когда-то национальные, половые, религиозные, интеллектуальные, виртуальные, клонированные меньшинства, сами становитесь меньшинством, которому суждено защищаться и воевать за жизнь. И влачиться по чужим территориям в надежде на спасение. Тогда не важно, человек вы или монстр... Вы беззащитны, вы хотите увидеть небо и благодарить за каждую малость покоя. Но молитвы чаще всего нужны нам лишь в минуты отчаяния. И спасение — удел неверующих. Таких, как я, который, служа одной армии, поведет к нужному рубежу монстров, порожденных человеком — то самое отвергнутое некогда меньшинство. Они — живые. Они тоже хотят жить! Они много дней сидели в подвале разрушенного дома и ждали прихода людей, которые бы несомненно перестреляли их. Но пришел я... и я не собирался никого убивать. Я знал дорогу до края виртуальности, я имел ключ к порталу. Я собирался спасти эту маленькую, изможденную горем семью, чье племя уничтожило столько человеческих отпрысков, возомнивших себя богами. Но у самого портала случилось несчастье. Там оказался один из наших отрядов...

— Карл, не молчи. Ты еще здесь? Говори, говори что-нибудь! Алэна, дайте ему воды, я поменяю капельницу.

Нежное прикосновение к волосам, губы охлаждает поток льда. Угли жгут небо. Алэна! Милая... Девочка... Агент... Убийца... Ты сказала когда-то, что цивилизации человечества пришел конец. Что теперь и мне следует узнать, что белый лист существования нашего рода истыкан иглой событий отрицательного заряда. А я — шпион, которому удалось узнать, что времени нет, который позволил бросить тебя в портал во время последнего боя со своими же соратниками и взорвался на границе между двумя пространствами.

— Вы слышите меня, Карл? — Ну вот, она рядом, она говорит. — Скажите, как проходят раскопки?

Вы добрались? Карл... — шепот проникает в ухо и режет мозг на части. Ничего я тебе не скажу. Меня укусила пустынная змея. Я ничего не нашел. Я ничего не знаю, потому что я не настоящий. Я всего лишь отражение.

— Карл, капсула прибыла... — Влон включает установку, и тело мое скользит над землей прямо к длинному белому «гробу»-роботу, который сейчас проведет обследование и обнаружит неполадки организма. Наверное, на экране уже высветились металлические кости ног, обросшие мясом и кожей, — в них яд не попадал. Змея укусила меня за ухо. Яд сразу «направился» в мозг и теперь вызывает галлюцинации. Мой мозг медленно умирает. Смейтесь, агент Алэна.

— Слышу... Вы прочесали третий уровень под скалистыми породами? Ты получил отчет? — почти беззвучно бормочу и пытаюсь отхаркнуть сгустившуюся во рту слюну.

— Студенты нашли несколько черепков и еще три десятка конусов. Знаешь, Карл, совсем крохотных. Они похожи на слоников, если поставить в рядок. Но сам посмотришь, когда очухаешься. Говори, только не молчи.

Резкий писк возвестил о нахождении места укуса. Сквозь веки красный огонек замигал о серьезной опасности. Влон заметался по комнате, виртуально имитирующей медицинский отсек. Верхний портал мог в любую минуту отнести меня на космическую станцию.

Я с трудом открыл глаза. Алэна стояла в непосредственной близости от стекла капсулы и в упор смотрела на меня, криво улыбаясь. Она пришла убить, но змея оказалась быстрее агента. Смешно, красавица? Ты даже не предполагала, что капелька крови на «временной» машине способна так испортить праздник системе, из которой я выпадаю, как шаловливый младенец. Вы еще много не знаете о стеклышках...

— Карл, — губы, ее красные, пухлые, опалаяют капсулу желанием, — я люблю тебя!

И я тебя... Зеленоглазую, высокую, почти двухметровую, с тонкими запястьями и невыразимо гибкой талией, с широкими бедрами и ногами, как у дикой кобылицы. Тебя, которая рождена в эксперименте и скрещивает в себе неизвестно каких животных. Крест и скрещивание... Крестообразно люблю тебя, знаком бесконечности лобзаю твою сияющую фиолетовую кожу и прозрачные глаза.

Мы познакомились с тобой в Апельсиновом раю, ты помнишь? В ту ночь я один остался в институте под предлогом зачистки, заперся в лаборатории и запустил эфирную установку. О, эфир! О создатель вселенной и звезд... О, воспетый поэтический сосуд бога. Я воспользовался тобой по своему усмотрению, терзаемый желанием осуществить неосуществимое и «объять необъятное». Я долго думал и дошел до точки в страданиях воспаленного разума. Но не стану вам открывать тех заблуде-

ний, которыми насыщен был, когда верил, что время существует. И так, машина... Едва закончилось взбалтывание, подобное движению на карусели тысяч мельчайших строительных частиц, меньше нейтрино, я вытащил из эфирной жидкости первую геометрическую форму — тонкое стекло с прозрачными диагоналями — и долго смотрел, как оно меняется и кристаллизуется в твердую субстанцию. Я взял его в руку и гладил, словно только что породил ребенка. Я видел на поверхности стекла мутную рябь, но то были не наноизменения. Вещицы нано сворачиваются до размера спичечного коробка и разворачиваются до огромного дома со всеми удобствами, а мое стекло — оно содержит вселенную. Палец провел по краю, и тонкая струйка крови окрасила поверхность в алый цвет, через мгновение вспыхнувший спектром и перешедший в белизну арктических снегов. То, что произошло потом, невозможно описать точно. Я оказался в апельсиновом саду, хотя не сделал ни шагу от установки. Я стоял с широко открытым ртом и смотрел на девушку, которая шла мне навстречу: высокая богиня с темными волосами. Оранжевые апельсины в огромной корзине, но ей не тяжело... Ей было совсем не тяжело... Она подошла так близко, что я ощутил аромат и почувствовал биение пульса под ее кожей. Я навеки пал перед существом высшего порядка. Откуда мне было знать, что это результат скрещиваний и игр человеческого разума над особями своего вида? Откуда я мог догадаться, что планеты Земля давно нет, что она покрылась вулканами, как язвами, и уничтожила прежний мир, а Человек теперь живет с помощью машины времени и населяет чужие миры... Смешно? Цивилизация людей опасна! Цивилизация людей — убийство. Люди знают страсть к уничтожению и поглощению. Люди...

— Карл! Дыши... — Алэна нахмурилась и присела, чтобы быть вровень с моим лицом. Я повернулся к ней и попытался улыбнуться. Боли не ощущалось, потому что обезболивающее капсулы начало действовать и почти вернуло мне ясность зрения. Хотя я до сих пор погружался в аудио- и видеовосприятие, как в болото. — Я никому не сказала, что поеду на раскопки.

Очередная ложь. Ты не могла выяснить, где я, без вмешательства в тайные файлы правительств. Ты не могла сама догадаться, под каким ликом я сейчас скрываюсь. Профессор университета. Глава общества археологов. До этого или «намного после» я был воином из армии Ричарда Львиное Сердце и брал вместе с ним Иерусалим... Я сидел рядом с Гитлером и смотрел на длинную улочку в маленьком австрийском кафе, поражаясь бедности этого страшного тирана... Я спасался от извержения в Помпее, не в силах никому помочь... И писал памфлеты на правление кардинала Армана-Жана де Плеси герцога де Ришелье... Слишком много воспоминаний... Что? Что ты читаешь в моих гла-

зах? Информация списывается на диск... Неужели так плохо? Неужели конец близок? А ведь, Алэна, ты очень удивилась, когда после сладких ночей в Апельсиновом раю потеряла меня среди прочих смертных и встретила лишь в баре на задворках галактического союза трех гигантов. Шел 2050 год по новому человеческому летоисчислению (все-таки майя создали более совершенный земной календарь!). Близилась третья мировая. И ты еще не родилась... То есть ты была здесь, чтобы спасти себя от гибели под скальпелем. Тогда монстры и клоны были меньшинством. Вы рождались мясом и умирали мясом. А я — я пришел в грязь планеты, чтобы просто напиться от безделья. Я сидел и смотрел на дождь за окном. Я ненавидел этот мир за насилие и безысходность, за гнев и желания... И я очень хотел умереть. Но ты принесла апельсиновый свет, но ты позволила мне подумать, что существует иная реальность, выходящая за границы волшебного стекла. И что человек рожден не из глины или атомов, а...

— Он умер, — Влон посмотрел на высокую студентку с фиолетовой кожей — приходят же чудные особи из соседней системы поработать на раскопках! — и включил передающее устройство. — Сообщение для правительства Третьего Гиганта. Сегодня, в шесть вечера по местному времени, скончался от укуса ядовитой змеи Сууу, профессор Карл Маклой. Подтвердите получение данных. О переизбрании президента проекта сообщим позднее. Девушка, ради Изула, не стойте на месте. Ваша группа распаковалась? Пойдемте. Я покажу ваш шатер. — Многохвостый губтис шагнул сквозь виртуал-дверь, пошедшую рябью, в пустыню. За ним направилась и Алэна. Она двигалась медленно, оглядываясь по сторонам и словно запоминая ступенеобразные ямы раскопок, перетянутые наномостками. Рабочие вокруг приветливо кивали головами, пучили глаза, издавали странные инопланетные звуки.

— Сейчас направляемся в штаб. Следует сообщить профессорам. Вот так новость... Говорил Карлу надевать защитный костюм... Все по старинке, все на ветер пускает... То обгорит, то муравьев покормит, доигрался... — Ни капли жалости не прозвучало в гнусавом монологе, хотя губтисы вообще редко умели выражать скорбь и прочие чувства. Но цвет кожи у Влона изменился, что означало его угнетенное состояние.

— Господа, — бухгалтер без обиняков заглянул внутрь большого шатра. — У меня две новости... Очень плохая и средней тяжести.

— Заходи, — раздалось из полутьмы. — Судя по всему, нам не будет весело... Неужели счет на начало месяца запаздывает? Ага, нас снимают с экспедиции и отправляют на строительство развлекательного центра? Нет, вероятнее всего, провал последнего периметра глубоко под землю...

— Все шутите, господа! А мне не до... Карл умер!

Шепот во мраке прекратился, наступила тишина. То есть шум, за которым сообщение о прибытии группы студентов совершенно затерялось, да и не интересовало Алэну вовсе. Девушка побежала в противоположную сторону, к яме, которую каких-то два или три часа назад покинул Карл. Диск, встроенный в руку Алэны, голосом профессора говорил и говорил... Разобраться, о чем, не составляло труда... Ах, Карл! Барон Мюнхгаузен позавидовал бы твоему упорству. Ты рожден из плоти и крови, но ты меньше всего похож на человека... Ты пытаешься вмешаться и изменить... Ты веришь, что лучше других... Ты видел столько смертей — страшных и непреодолимых. Ты пытался найти точку отсчета. Ты рвался к первоменту, настоящей реальности. И, кажется, теперь, на грани, когда нашел свой вид выжившим и способным дальше развиваться на других обитаемых системах, продолжаешь искать... Наверное, просчитались и зря подсунули мы тебе эту подделку, всунув в карман новое стеклышко, которое ты давно размножил и активно использовал. Здесь человечество — часть большой Тройки. Здесь ты мог бы дожить до логического финала и влиться за ограничительные края безо всяких последствий. Но, Карл, ты не обманываешься бликами солнца. Ты умеешь читать между строк... И ты увидел, что стекла твои больше не работают. И ты откуда-то узнал про Апельсиновый рай, про эту всеми забытую планету, и ты науськал больших людей и прочие виды начать археологические раскопки. Неугомонный.

Алэна спрыгнула в яму. Следы Карла были повсюду. На небольшом выступе лежали грязные вязаные перчатки и лупа, а также несколько кистей. У северной стены в тени были сложены несколько разноцветных глиняных табличек с клинописью. А у противоположной — торчал из камней гладкий, как слонобая кость, конус. Тень его клонилась к девушке, глаза которой были прозрачнее самой чистой воды.

— Карл, — позвала тихонько Алэна. — Не прячься! Не прячься от меня... Я расскажу тебе правду. Я обещаю тебе... Слышишь, Карл! Я не хочу, чтобы ты возвращался в те пространства и открывал двери. Карл, умоляю... — Губы девушки посинели и задрожали. Кожа стала прозрачной, и тысячи сосудов засветились на шее, лице. Что творилось под плотным комбинезоном, можно было только догадываться. — Ты ведь прячешься где-то рядом... Ты ищешь истинную реальность. Карл, не все ли равно, что случилось с людьми... Не все ли равно, что натворите вы в том или ином случае. Вы все равно уничтожите себя. И не поможет ни техника, ни гонка за рождение, ни ваше мнимое милосердие, ни любовь. Неважно, от кого вы произошли — от бога, от обезьян, от нас, которых вы создали или которых создали мы... Карл, ты знаешь, мне сложно находиться здесь, без океанской воды, мне сложно дышать, мне невозможно больно без нашего

Апельсинового рая. Без наших с тобой разговоров и десяти месяцев счастья. Мы не собирались тебя казнить... Мы любим вас, людей, такими, какими вы появились из глубины нашего чрева... Карл, остановись... Не уходи! У тебя родился сын. В одной из тех реальностей у нас родился сын... Он настоящий! Он единственный — настоящий... Он сможет изменить судьбу человечества и восстановить равновесие. У него наша общая кровь... Но ты погибнешь, ты погибнешь, если откроешь последнюю дверь, если все остальные реальности не исправлены... Вспомни, сколько вы натворили... Вспомни, сколько зла... Весы склонятся к концу, и тогда назад возврата не будет. Ненависть, зависть, убийства, желания, страсти, садизм, тысячи войн, кровь и горечь слез... Пропитано концом человека все мыслимое. Мыслимое — первично. Карл, вслушайся в мои слова: смысл не в жизни, а жизнь в смысле. Остановись...

Я слушал голос Алэны в абсолютной тишине перед огромным стеклом, которое переливалось всеми цветами радуги. Я смотрел на руку, прорезанную линиями судьбы, и в любой момент мог коснуться края и окропить поверхность кровью. Но я был просто человеком, а главное наше качество — любопытство. Я чувствовал, что сейчас за просто войду за последнюю преграду и окажусь за пределами всех мнимых реальностей. Вне, но и абсолютно один. Что я увижу там? Какую боль? Будет ли это последняя война? Или страшная катастрофа? Или болезнь? Или полная деградация, вымирание и голод? Или нисхождение до клонорождения, когда бедным запретят размножаться, а начнется штамповка послушной армии рабочих? Или виртуальный захват материи? Или правление нового поколения нанолюдей и индиго? Что там, за чертой, просвеченной белыми арктическими снегами? Способен ли я один спасти их? Я — обычный человек? Слезы потекли по щекам... Тело затряслось от прорвавшихся наружу рыданий. Я один... Я остался один в этой мнимой реальности, где все принимают людей как ближайших родственников и дарят их местом под солнцем. На самом деле никому на свете Человек не нужен... Никому, кроме себя. «Живем вместе. Умираем поодиночке». Таков девиз... Таков итог...

— Карл, послушай меня... — руки Алэны обняли меня сзади, ее легкая головка легла мне на плечо. — Еще не все потеряно. Посмотри на меня. Ты же знаешь, что времени нет. Что все еще можно исправить... Методично... Стеклышко за стеклышком... Реальность за реальностью... У нас родился сын... Ты научишь его своему тайному знанию, а я покажу, откуда появился человек... И все исправится... В том Апельсиновом раю, где бесконечная цветущая долина и вечно-голубой океан, у нас есть две тысячи реальностей до спасительного прощения. Пойдем со мной! Я покажу тебе нашего сына...

Ольга ЯДРЫШНИКОВА

* * *

Когда любовь и ненависть сгорят
И память сердца дымный флёр укроет,
Я стану чистой и почти святою,
Как белый снег седьмого января.
Все дни перечеркну календаря.
Последний воздух выдохну устало.
И жизни больше нет, и смерти мало,
Когда любовь и ненависть сгорят.

* * *

Многомерность, многогранность, многозначность,
Многоплановость истерзанной души.
Не прозрение, но призрачность, прозрачность
И пронзительность полуночной тиши.
Невозможность, нерешимость, невозвратность,
Неподвижность сотен, тысяч жестких "не".
Белой вспышкой выжженные пятна –
Наши силуэты на стене.

* * *

Май промелькнул, июнь.
Скоро осень придет.
На одуванчик дунь –
Семя отправь в полет.
Так эфемерна жизнь,
И быстротечен век,
Надо сорваться ввысь,
Как совершить побег.

* * *

Я умру на бегу, на взлете.
Только так, и никак иначе.
Старый волк на глухом болоте
Под холодной луной заплачет.

Звезд осколки на неба скатерти.
По земле – ледяное крошево.
Жизнь как нищему грош на паперти,
Сверху вниз мимоходом брошена.

Подбери или нет, как хочется.
Жизнь, и смерть это дело частное.
Клад ума таит одиночество.
Только глупые будут счастливы.

* * *

Времени очень жаль.
Время мое уходит.
Не о тебе печаль,
А о плохой погоде.

Хрупкий крошится лед.
Юность всегда крылата.
Жаль, что за легкий взлет
Позже придет расплата.

Крыльев в помине нет.
Даже и сны сгорели.
Только спящий свет
Где-то в конце тоннеля.

* * *

Этот город меня забыл.
Я чужая ему давно.
В окнах алый закат застыл.
Только где же мое окно?

Город был нам насквозь знаком.
Но прошло тридцать долгих лет.
Я родной потеряла дом.
А тебя в этом мире нет.

* * *

Раскололась небесная хлябь,
Оземь грянулась бурной рекой.
Мелкий прудик взъерошила рябь
Жестяною стиральной доской.

Электричка летит сквозь грозу.
Умываться ничуть не во вред.
Ей Илья в туч груженом возу,
Как змее, мечет молнии вслед.

* * *

Трава растет дождю навстречу
И пьет сквозь струи облака.
Не верю я, что время лечит,
Когда утрата велика.

Земли разверстая утроба
Пока пугающе пуста.
Стук молотка по крышке гроба.
И темнота.

Ольга Юрьевна Ядрышникова родилась в г. Бельцы в Молдавии. В школу пошла уже в Челябинске, на родине отца. Затем Московский авиационный институт. По распределению приехала в Свердловск, где и живет уже 20 лет. Работает в ОКБ «Новатор». Пишет с 8 лет, но публиковаться начала только с альманаха «Марафон», то есть около пяти лет назад.

Рис. Анастасии Митрофановой

Отстирано небо до сини.
Гроза полоскала три дня.
Не знали такого доныне
Смешенья воды и огня.

Невнятным причудливым летом
Чем далее, тем веселей.
Под солнца пронзительным светом
Обломки лежат тополей.

То холод, то пекло, то грозы,
То крыши уносят ветра.
До смеха сквозь зубы, сквозь слезы
Над тем, что привыкнуть пора.

Привыкнуть, что ветер залетный
Швыряет в рифейскую синь
То огненный выдох пустынь,
То Арктики воздух холодный.

Облака рваным краем цепляют
За оранжевый кислый закат.
Где-то псы одичалые лают.
Я по лесу бреду наугад.

Может, выйду болотинным краем
К мшелым избам глухого двора.
Сеновал мне покажется раем
После ночи сырой у костра.

Снова морось, и небо темнее.
Хлеб размокший доеден в обед.
А шаги все грузней, тяжелее,
И в чащобе теряется след.

Неба белесый холод.
Желтым ледком закат.
Стылый усталый город
Ночи осенней рад.

Но ледяное утро,
Чистое как слеза,
Так беспощадно мудро
Глянет в мои глаза.

Лениво-светлая жара
И чувство призрачной свободы.
Бродить с полночи до утра
И встретить первый луч восхода.

Бродить с рассвета до темна,
Пить солнце жадными глотками,
Пока тяжелая луна
Повиснет яблоком над нами.

Вдрызг и в хлам тормоза,
В скорости проку нет.
Бьет наотмашь в глаза
Жухлый солнечный свет.

Мысли летят вразбег.
Будто коней внахлест.
Жалкий недолгий век
Вскачь я гоню. Без слез.

Негромко. Допеть недопетую песню.
Не больно. Невольный по сердцу надрыв.
А в рамках привычных неловко и тесно.
Летает душа, про усталое тело забыв.

Вернуться. В сбежавшее время вернуться.
Разлитой водою наполнить разбитый стакан.
Очнуться. Покинув кошмары, проснуться.
И снова позволить секундам скользить по рукам.

Летает душа, про усталое тело забыв.
Ей в небе светло, а земля изнывает во мраке.
И, мерно пульсируя, медленно зреет нарыв.
Прорвется войной или высохнет в пьянке и драке.

Как дважды два – четыре,
И с милым рай в шалаше,
Если бардак в квартире,
Значит, раздрай в душе.

Если не тянет к дому,
Значит, и дома нет.
Ложь не нужна святому.
Звездам не нужен свет.

* * *

Этот пригорок напомнил мне родину
 Пыльной тропинкой бегущей к реке,
 Старыми избами и огородами,
 Узкой дырой в жердяной городье,

Через которую тайно пролазили,
 Часто, спрямляя неблизкий свой путь,
 Сельских дворов шалуны и проказники,
 Чтобы речное безмолвье спугнуть.

Только теперь здесь тоска и забвение.
 Спит зарастающий тиною плёс.
 Думаю я, умирняя волнение,
 Сколько здесь было улыбок и слёз.

Вижу, вдоль улицы с пряслами ветхими
 Пусто, как в летнем крестьянском хлеву.
 Может, не все вы отсюда уехали,
 Люди, откликнитесь: — Где вы? Ау!

Эхом мой крик из домов отзывается.
 Буйно в оградах цветёт лебеда.
 Тихо под стрехой пушинка качается,
 Из воробьиного выпав гнезда.

— Чьё же, — вы спросите, — это селение?
 Чьё же здесь гибнет отечество? Чьё?
 Горько вздохну и скажу с сожалением:
 — Наше российское, чьё же еще!

* * *

Скрипнет в ночи за стеной половица.
 Скрипнет, и вновь тишина.
 Что ж тебе нынче ,соседка, не спится?
 Может, постель холодна?

Может в квадрате окна городского,
 Глядя в небесный простор,
 Вдруг ты увидела луг васильковый,
 Синь заповедных озёр.

И голова закружилась от счастья:
 Вспомнились ночи любви.
 Шёпот, сгорающий в жарких объятиях,
 Близкие губы мои.

Рис. Яны Ахметшиной

Просёлок

Здравствуй, знакомый просёлок,
 Старый, пустынный, сырой.
 Помнишь, как бегал я в школу
 Послевоенной порой.

Возле вот этой канавы
 И придорожных столбов.
 Здесь, где покорные травы
 Ждали осенних снегов.

Где в непогоду устало
 Пели в ночи провода.
 И в колеях застывала
 В мутных разводах вода.

Где трактора и машины
 Водку везли и зерно.
 Даже не верится ныне,
 Как это было давно.

Нет здесь теперь нашей школы.
 Нет тракторов и телег.
 Только лишь ветер весёлый
 Кружит вернувшийся снег.

Только один ты остался,
 Тянущийся через пустырь,
 Как половик обветшалый,
 Жизнью протёртый до дыр.

* * *

Одним концом цепляясь за пригорок
 Другим сползая к речке в зелена,
 Мой пригород пока еще не город,
 Скорей, деревне дальняя родня.

Еще здесь много уголков укромных,
 Где от людского глаза часто скрыт
 В каком-нибудь провинциальном доме
 В наш бурный век патриархальный быт.

Зайдёшь, увидишь низкие полаты
 И вышитый рушник на образах.
 А возле печки на кривых ногах
 Давно без дела старые ухваты.

И сразу окунёшься в тот покой,
 Где чары старины и запах кваса.
 И кажется, закружат над тобой
 Проснувшиеся на полатах сказки.

И словно в подтвержденье ко всему,
 Проснется на лежанке кот ученый,
 И долго к удивленью своему
 Ты будешь помнить быт такого дома.

И улицу вдоль леса напрямик,
 Ведущую к сельпо и сельсовету,
 Где на глазах обгонит грузовик
 Кобылу, запряжённую в телегу.

Ошибки и штампы в фантастике

[Выпуск 11]

Этот выпуск завершает серию мини-статей о типичных ошибках в фантастике в целом и в фэнтези в частности.

Поскольку в прошлом выпуске мы много рассуждали о рыцарях, необходимо вспомнить и про такие немаловажные детали, как **седло и стремяна**.

Стремяна, несмотря на невероятную простоту концепции, появились только в районе 5–6 в. н.э. Именно их присутствие позволило всаднику, наконец, получить точку опоры, необходимую для нанесения таранных ударов копьем. До их появления всадник сидел на своем скакуне настолько неустойчиво, что в прямое столкновение с пехотинцем предпочитал не вступать. Обычно лошади служили всего лишь транспортом для доставки пехоты на место сражения и транспортировки лучников и зачастую считались как принадлежность трусов, убегающих с поля боя. В крайнем варианте всадник (например, как в римской армии) мог нанести удар коротким копьем сверху вниз – эта поза часто встречается не только на римских фресках, но и на древнерусских иконах с изображением Георгия Победоносца, поражающего змея. Кстати, именно поэтому признаком всадника (а заодно и мужской красоты) у римлян являлись мощные мускулистые ляжки, которыми седок сжимал бока коня. Одни только македонские тяжелые всадники каким-то образом умудрялись наносить копьями таранные удары, но описание техники этого дела я так толком и не нашел (похоже, копьяд каким-то образом жестко крепились к коню в горизонтальном положении).

Только появление стремян и седел с высокими лугами, надежно удерживающими всадника на коне, позволили превратить конницу в реальную боевую силу. И произошло это лишь ближе к концу первого тысячелетия нашей эры. Так что не верьте легендам о короле Артуре, рыцари которого сражались на турни-

рах, поражая друг друга копиями с разгона. В шестом веке это было принципиально невозможно.

Мореплавание. Большие белопарусные корабли издавна являются неотъемлемым романтическим элементом (псевдо)исторической прозы. Однако все далеко не так просто, как хотелось бы авторам. Способность создавать большие корабли напрямую зависит от технологического уровня цивилизации. Примитивные народы просто не в состоянии создать что-то серьезное. Как правило, на их однопарусных кораблях окажется одна мачта, причем не с прямым или косым, а с треугольным парусным вооружением, не позволяющим развивать большие скорости и не дающим хорошей маневренности. Основным движущим средством таких кораблей является не столько ветер, сколько весла. При этом постройка крупнотоннажного корабля требует огромного напряжения сил и не менее огромного вложения средств и недоступна небольшим государствам в силу чисто технических и финансовых причин.

Религия. Два ярко выраженных типа религий в фэнтези – это классическое христианство и язычество.

Использование христианства зачастую вызывает откровенное недоумение. Христос-мессия, крест (как символ и как жест) и тому подобные элементы однозначно привязывают действие к нашей реальности. Для возникновения христианства требуется как минимум иудаизм (и в особенности – уникальное для последнего понятие мессии) в качестве бэкграунда, римский обычай распинать пленных на крестах как декорация первого плана, а также человеческое воплощение Единого Бога, соединяющее первое и второе. Крайне сомнительно, что эти элементы могли сойтись воедино в мире, радикально отличающемся от нашего историей и набором культур. Однако авторы-христиане, загнанные в жесткие рамки своей

Евгений Лотош в 1997 г. окончил магистратуру математико-механического факультета УрГУ. Ведущий инженер в компании «Quorus» ACS, профессия — системная интеграция. Бессменный ведущий рассылки «Читаем с нами». Литературное обозрение на Subscribe.ru. Критик, литератор.

религией и зачастую малообразованные в исторических вопросах, о таких вещах не задумываются. Христос – он и есть Христос, крест – символ на все времена, а потому фантазировать на эту тему – ересь и кощунство... Так рождаются оксюмороны.

С язычеством проще. Египетские, римские и греческие, а в России заодно и славянские боги многократно и подробно описаны в литературе, изучаемой в том числе и в школе. Это позволяет конструировать новые пантеоны по образу и подобию реальных. Но поскольку большая часть авторов была явно или неявно воспитана в рамках христианской культуры, при создании языческих миров они, сами того не замечая, используют в них элементы христианства. К таковым относятся, например, нечисть, боящаяся креста, сожжение ведьм/колдунов, разговорные восклицания типа «черт!» или упоминания (буквальные) ада или рая, при том что ни одна религия описываемого мира таких понятий не содержит.

Власть. Читая многие тексты, недоумеваешь – а где, собственно говоря, власть в данной стране? Хотя автор явно декларирует феодализм или абсолютную монархию, его герои путешествуют по стране, не сталкиваясь не то что с солдатами или хотя бы полицейскими, но даже и со сборщиками налогов. Между тем сильная централизованная (или сильная феодальная) власть всегда жестко контролирует своих подданных и свои земли, в первую очередь – с помощью грубой силы. Свободное перемещение простолюдинов в таких условиях обычно ограничено, в ходу всевозможные паспорта и подорожные, а дороги и городские ворота контролируются вооруженными отрядами (зачастую преследующими банальную цель – использование служебного положения для личного обогащения). Никому не знакомый парень, по внешнему виду – явный иностранец, тем более – женщина, и уж вне всякого сомнения – вооруженная и оборванная компания немедленно вызовут пристальное внимание со стороны местных блюстителей порядка – вплоть до превентивного ареста до выяснения личности (т.е. навсегда). Причем это относится не только к «хорошим», но и к «плохим» героям. Власти все равно, кто и зачем мутит воду. Инстинкт самосохранения заставит ее с равным усердием охотиться и за эмиссарами Белого Совета, и за лазутчиками Черного Властелина.

Не сможет в таких условиях жить спокойно и сам Черный Властелин. В силу своей природы он представляет явную опасность для пирамиды власти, а потому неминуемо окажется либо инкорпорирован в нее (и начнет играть по общим правилам), либо уничтожен экономическими и военными методами. Просто сидеть в своем замке и строить мрачные планы ему никто не позволит. Кстати, забывать про экономику совсем не стоит. Описания выжженной и бесплодной пустыни Мордора с многотысячными армиями Саурона впечатляют, но и заставляют задуматься – а чем, собственно говоря, питаются эти ребята? Подножными пылью и щебенкой? Судя по

карте, озеро Нурнен с его плантациями находилось далеко на юго-востоке...

Современное стрелковое оружие. Еще один модный прием в современной фэнтези – это вооружить примитивных дикарей бластерами и пулеметами. Что ж, орды викингов с лазерами наперевес впечатляют, однако и заставляют вспомнить простой факт: оружие неплохо бы иногда перезаряжать. А чем? Патроны заканчиваются, батареи и аккумуляторы разряжаются (причем даже если их не задействовать – саморазряд всегда отличен от нуля). Так что найденный где-нибудь в пустыне склад Оружия Предтеч не поможет дикарям завоевать мир – просто потому, что оно откажется стрелять. Потребуется как минимум энергостанция для подзарядки или другой завод по производству боеприпасов. Но поскольку от владельцев такой опорной станции будет зависеть победа или поражение в войне, в первобытных или средневековых декорациях это неминуемо приведет к их перерождению в новый центр власти. Однако обычно в фэнтезийных текстах ничего такого не происходит. Именами королей и баронов, названиями городов и континентов такие тексты просто пестрят, но ни одна энергостанция в них никогда не фигурирует.

Заключение

В этой статье фигурируют лишь наиболее распространенные ошибки и стереотипы современного массового сознания, многократно замеченные автором в самых разных местах. На деле же их список куда больше. Вообще говоря, я не имею ничего против их использования – при условии, что автор осознает, что делает, и может обосновать свои построения хотя бы сам для себя (желательно, правда, и для читателя).

Главная же мораль сей сказки такова: чтобы завоевать уважение окружающих, мало намешать в свой текст красочных эпизодов – сражений, изобретений, детективных элементов. Именно проработка мелких элементов, исключение противоречий, создание реалистичных декораций создает автору больше всего проблем. Не обязательно заниматься такими вещами, чтобы продать пару тысяч покетбуков о приключениях Конана Железной Руки или Великого Хакера Васи Пупкина. Но если интересы Литературы вам небезразличны, если вы стремитесь не только бездумно развлечь читателя, но и чему-то научить его, открыть новые горизонты, то ваша судьба – читать энциклопедии и учебники. По истории, философии, физике, химии, логике – хотя бы на школьном уровне. Иначе – увы, но вашему тексту суждено уйти в небытие почти сразу после выхода.

Читайте энциклопедии, друзья – ведь это, черт побери, интересно!

Полная версия статьи «Ошибки и штампы в фантастике» может быть найдена в интернете.

Ольга КАРЯКИНА,
фото В. СТРУГАНОВА

Не вырывая улицы-страницы...

Наверное, в каждом российском городе, которому перевалило за пятьдесят, есть здания с узнаваемым архитектурным обликом 40–50-х годов XX века. В советской архитектуре с середины 30-х годов повсеместно идет возвращение к классицизму. Этот период неоклассицизма в нашей стране получил название «сталинского» классицизма или «сталинского» ампира.

Для большинства типовых жилых зданий того времени характерен лишь скромный набор некоторых «классических» элементов, украшающих фасады: треугольный фронтон над центральной частью здания; лепнина, наряду с традиционными венками и розетками зачастую изображающая символы советской жизни; пилястры простых очертаний. А для застройки главных улиц – особенно в архитектуре общественных зданий, таких? как кинотеатры, дворцы культуры – арсенал «классических» декоративных форм используется максимально: это и надставные балюстрады над далеко выступающим карнизом, и накладные рельефные изображения портиков, ниши, колонны, арки, шары и вазы у входа и т.д.

Все вышесказанное в той или иной степени характерно и для архитектуры закрытого города Лесного (Свердловск-45). Первые его улицы, застраивавшиеся каменными домами (Ленина, К. Маркса, Белинского, Пушкина, Коммунистический проспект), в своем внешнем виде несут элементы «сталинского» классицизма. Наиболее зримо их можно наблюдать в архитектуре кинотеатра «Ретро», ДК «Современ-

Детская школа искусств. Здание второй школы города до ремонта

ник», здания института, центра детского творчества.

Пока таких зданий в стране много, но пугает неумное стремление все обновить. В Лесном проявляется тенденция «улучшить» фасады, закрывая их гипсокартоном. Если она продолжится, то первое архитектурное десятилетие жизни города будет вычеркнуто. Для Лесного конец 40-х – 50-е годы – это эпоха его рождения и становления. Пусть в масштабах страны подобные постройки и считаются типовыми,

но здесь они были первыми, они несут в себе атмосферу начального периода строительства города и потому для него являются историческими. Да и красота таких зданий на фоне многих современных строений ощущается еще определеннее. Эти розетки, карнизы, балясины хранят память.

Примером бездумного отношения к историческим объектам в нашем городе уже могут служить две первые школы города.

Детская школа искусств. Декабрь 2007 года

Здание нынешней школы искусств в Лесном было сдано в апреле 1951 года. Строили ее заключенные. Сначала это была обычная общеобразовательная школа № 63 – вторая школа в строящемся городе. Некоторое время и студенты института пользовались ее классами. Здесь находились первые институтские лаборатории, обитали первые штатные работники МИФИ-3. Затем, с 1956 года – это школа-интернат. В 1970 году помещение было отдано детской спортивной школе, потом частично место заняла художественная. А когда в 1989 году в городе построили здание специально для ДЮСШ, художественная школа стала здесь полноправным хозяином.

Как говорится, стены хранят память о многом. В канун нового, 1953 года в здании школы проходило знаменательное мероприятие, о котором до сих пор вспоминают ветераны города. На праздник собралось все тогдашнее руководство завода во главе с первым директором, одним из основателей города Д.Е. Васильевым. Это было не просто застолье, но замечательный

Фронтон здания общежития «Юность»

праздник с концертом, танцами, дружеским общением людей, еще совсем недавно приехавших из разных уголков страны, а теперь ставших единым коллективом на долгие годы. Звучали тосты «за будущий красивый город, за успехи в труде...».

А к самой первой школе (бывшая 61-я, ныне вспомогательная школа №70) вообще должно быть особое отношение, притом история ее не менее интересна и значительна для нашего города.

Как образовательное учреждение, она тоже не раз меняла свой профиль. Здесь работали многие известные в городе педагоги. В помещении школы в начале 50-х проходили первые вступительные экзамены и занятия первых студентов только что созданного института... И читал лекции академик Л.А. Арцимович, человек, вошедший в историю российской атомной науки и производства.

Если историки покопаются в архивах, ветераны повспомни-

Фронтон здания школы № 69

нают, то наверняка еще много интересного всплывет из биографии этих зданий. Но, думаю, и известных фактов достаточно для того, чтобы в свое время по-серьезней отнестись к изменению облика двух первых школ (внешне они были совершенно одинаковыми).

Лесничане помнят: когда лепнину с фасада школы искусств (!) отбивали, обнаружили за «книгой», что располагалась под фронтоном, записку заключенных-первостроителей, датированную 15 сентября 1950 года, в которой были такие строчки (они приводились в городской газете): «Деточки, учи-

тесь, учитесь и учитесь. И вспоминайте своих предков, которые строили эту школу для вашего блага». Строили школу и украсили ее, между прочим, этой самой лепной «книгой»...

Горожане надеются: то, что у нас еще осталось от «сталинского» ампира, не пострадает от сиюминутной моды на новые технологии.

А если подумать – что могло бы стать визитной карточкой Лесного, его, если хотите, архитектурным символом? Наверное, портики у входа в городской сквер. Они не просто «хорошо смотрятся», но тоже принадлежат определенному архитектурному стилю, стилю эпохи, когда город наш строился.

Закончу, как водится, цитатой. Академик Д.С. Лихачев в своих «Заметках об архитектуре» приводит высказывание историка М.П. Погодина: «Город есть книга, в коей всякая улица занимает страницу. Будем прибавлять новые листы, но не станем вырывать старых».

Портики на входе в сквер им. Гагарина, 2005 год

Юбилей Уральской фантастики

В 2008 году исполняется 85 лет со дня выхода романа Алексея Толстого «Аэлита». Этот юбилей совпал с юбилеем одноименного фестиваля фантастики, который проходил в Екатеринбурге с 21 по 24 мая уже в 25 раз. Это мероприятие проводится с 1981 и является старейшим в стране фестивалем фантастики или, как их ещё называют, — конвентом. Премия за вклад в развитие русскоязычной фантастики, учреждённая при редакции журнала «Уральский Следопыт», и фестиваль, возникший на этой базе, — уникальное явление для Урала и, без сомнения, для всей России.

Фестиваль знал подъёмы (в конце 80-начале 90-х годов, бывало, на него съезжалось более тысячи участников) и падения, годы, когда он вообще не проводился (хотя за всю историю он не состоялся только три раза — в 1986, 1995 и 1996). К 2001 году из-за плачевного финансового состояния «Уральского Следопыта» и

смерти истинных вдохновителей развития фантастики на Урале Виталия Ивановича Бугрова и Игоря Георгиевича Халымбаджи, фестиваль оказался на грани прекращения своего существования.

Активным поиском спонсоров для фестиваля удалось реанимировать это знаковое для столицы Урала мероприятие. Искались, а

точнее — возрождались, формы работы с молодыми авторами, в частности благодаря и которым «Аэлита» приобрела когда-то невиданную популярность.

В 2004 году по инициативе председателя оргкомитета фестиваля был возрождён выпуск сборников талантливых молодых авторов «Аэлита-Новая волна». С 2008 года благодаря поддержке Уральского Государственного университета и вниманию Администрации города (Управление культуры и муниципальное учреждение «Столица Урала») есть надежда, что фестиваль устойчиво миновал кризисный период развития. Появляются стабильные спонсоры — прежде всего, компания «Уралсвязьинформ», намечается сотрудничество с профильным телеканалом «Sci Fi», входящим в структуру NBC.

Сегодня на фестивале по-прежнему встречаются ведущие российские писатели, критики,

Пресс-конференция

Встреча лауреатов фестиваля с читателями

издатели и любители жанра фантастики. Новый оргкомитет начал практику приглашения на фестиваль ведущих зарубежных авторов. С 2003 по 2007 год почётными гостями были такие известные писатели как классик мировой фантастики Роберт Шекли, выдающийся американский фантаст Майкл Сванвик, классики отечественной фантастики Владислав Крапивин и Василий Головачёв, «королева киберпанка» Пэт Кэдиган, замечательный писатель и сценарист Алан Дин Фостер. Во многом на семинарах молодых авторов, организованных ещё редактором журнала

«Уральский Следопыт» Виталием Ивановичем Бугровым совершенствовали свой талант такие известные сегодня в России фантасты как Александр Громов, Олег Дивов, Владимир Васильев. Был среди них и автор нашумевших «Дозоров» Сергей Лукьяненко, первая крупная публикация которого состоялась, кстати, в сборнике «Пристань жёлтых кораблей», выпущенным в издательстве «Уральский Следопыт» в 1990 году.

В 2008 году почётным гостем фестиваля стал выдающийся писатель-фантаст из Великобритании Кристофер Прист, его супруга

и тоже писатель Ли Кеннеди, крупные российские писатели Роман Злотников и Геннадий Прашкевич.

XXV «Аэлита» отличала на редкость насыщенная программа. 21 мая в пресс-центре «ИТАР-ТАСС-Урал» прошла пресс-конференция организаторов и гостей фестиваля. 22 мая на площади перед главным корпусом УрГУ организовали праздничное шоу в честь открытия фестиваля. В супермаркете «100 000 книг» в этот же день состоялась автограф-сессия, где писатели, гости и лауреаты отвечали на вопросы читателей и подписывали множество книг.

Борис Долинго — премия им. В.И.Бугрова

Роман Злотников — орден Рыцарь Фантастики

Иван Соколов — орден Рыцарь Фантастики